

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 17, № 1 (2018)

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOLUME 17, № 1 (2018)

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год. Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать – 18232.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» представляет собой периодическое международное рецензируемое научное издание. Тематическая направленность журнала отражена в его названии, которое предполагает публикацию материалов по истории России от древней до современной эпохи. Цель журнала – способствовать международному сотрудничеству, научному обмену и культурному диалогу исследователей разных стран. В задачи журнала входит ознакомление читателей с новейшими достижениями исторической науки, проведение дискуссий по спорным и малоизученным проблемам отечественной истории, освещение современных методологий и методов исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом. Подборка статей в номер определяется тематическими спецрубриками, которые формируются в соответствии с уровнем актуальности проблемы и интересом, вызываемым в международном научном сообществе. Варьирование рубрикаций предоставляет возможность оперативно реагировать на различные волнующие исследователей проблемы российской истории и освещать личные, зачастую взаимоисключающие точки зрения авторитетных и молодых ученых всего мира.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published four times a year. Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

“RUDN Journal of Russian History” is an international peer-reviewed scientific serial. The thematic focus of the journal is reflected in its title, which involves the publication of materials on the history of Russia from the ancient to the modern era. The purpose of the journal is to promote international cooperation, scientific exchange and cultural dialogue of researchers from different countries. The journal is aimed at familiarizing readers with the latest achievements of the historical studies, conducting discussions on controversial and understudied problems of Russian history, covering modern methodologies and methods of historical researches, developed both in Russia and abroad. Topical sections are formed in accordance with the relevance of a problem and the interest caused in the international scientific community. Varying the topical sections enables reacting promptly to various problems of Russian history that are of concern to researchers and covering personal, often mutually exclusive, viewpoints of distinguished and young scientists from all over the world.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.university

Подписано в печать 22.02.2018. Выход в свет 28.02.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 500 экз. Заказ № 15. Цена свободная

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina_mn@rudn.university)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov_ra@rudn.university)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova_gg@rudn.university)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Хеслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Юнусова А.Б., *Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia (moseykina_mn@rudn.university)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia (arslanov_ra@rudn.university)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia (kornoukhova_gg@rudn.university)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *The Institute of History of The Academy of Sciences of The Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirovskiy, *Academic College of Ahva, Israel*

Aislu B. Yunusova, *Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa, Russia*

Copy Editor K.V. Zenkin

Computer Design: Yu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	7
РУССКИЕ В МИРЕ	
Шевцов Д.В., Анна Тереза Гутьерес дель Сид. Социокультурное наследие русскоязычного населения Аляски: традиции, обычаи, быт	10
Кротова М.В. Степан Востротин: сибирский взгляд из эмиграции	32
Симонова Т.М., Глушковский П. История русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы	50
Олейников Д.И. Управленческий аппарат сталинской эпохи и несостоявшийся матч Алёхин – Ботвинник (1939–1940 гг.)	74
Ершов В.Ф., Гаджиева Х.Д. Русский мир в Испании и диалог культур (1991–2015 гг.)	92
Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. География «Архивных материков» Российского Зарубежья: история формирования	109
Уваров С.Н. Русские Удмуртии во второй половине XX века: демографический аспект	129
СТАТЬИ	
Фомин В.В., Исакова Л.В. Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси	151
Цветков В.Ж. Политико-правовые особенности организации судебной власти и репрессивной системы в белом Крыму в 1920 г.	175
Чапанов А.К. Общественно-политическая жизнь ингушской эмиграции в Европе (1920–1940 гг.)	198
НАШИ АВТОРЫ	215

CONTENTS

IN THIS ISSUE	7
RUSSIANS WORLDWIDE	
Dmitry V. Shevtsov, Ana Teresa Gutiérrez del Cid Sociocultural heritage of Alaska’s Russian-speaking population: traditions, customs, way of life	10
Mariia V. Krotova Stepan Vostrotin: a Siberian’s view from emigration	32
Tatiana M. Simonova, Piotr Gluszkowski History of Russian emigrants in Poland in 1919–1939: new sources and modern historiography	50
Dmitriy I. Oleynikov Administrative apparatus of Stalin era and Alekhin – Botvinnik failed match (1939–1940)	74
Vitaly F. Ershov, Gadzhieva Khanym David kyzy Russian community in Spain and cultural dialogue (1991–2015)	92
Irina V. Sabennikova, Valeriya L. Gentshke, Aleksei S. Lovtsov Geography of “Archival continents” of Russian Diaspora: history of formation	109
Sergey N. Uvarov Russians in Udmurtia in the second half of the 20 th century: demographic aspect	129
ARTICLES	
Vyacheslav V. Fomin, Lubov V. Isakova Gustav Ewers’ contribution to the study of the initial period of Ancient Rus’ history	151
Vasiliy Zh. Tsvetkov Political and legal peculiarities of organization of judicial power and repressive system in the White Crimea in 1920	175
Akhmed K. Chapanov Social and political life of Ingush emigrants in Europe (1920–1940)	198
CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE	215

В ЭТОМ НОМЕРЕ**IN THIS ISSUE**

Проблематика истории российского зарубежья, как и более широкая тема «Русские в мире», давно привлекают внимание исследователей. Казалось бы, за последние 25–30 лет прошло столько научных мероприятий, издано такое количество книг и статей, посвященных данной теме, что почти невозможно найти сюжеты, которые бы еще не становились объектами специального изучения со стороны ученых. Однако представленные в данной рубрике материалы показывают, что подобное мнение является ошибочным. Опираясь на документы, хранящиеся в российских и зарубежных архивах, авторы статей раскрывают новые грани феномена российского зарубежья.

Отличительной чертой представленной рубрики является то обстоятельство, что целый ряд статей написан российскими историками в соавторстве с их зарубежными коллегами. Думается, что этот опыт является очень перспективным и заслуживает продолжения. Именно синтез методологических подходов, характерных для различных научных школ и историографических традиций, позволяет по-новому взглянуть на многие аспекты истории российского зарубежья.

Это замечание применимо, например, к статье *Д. В. Шевцова* (РУДН) и *Анны Терезы Гутьерес дель Сид* (Автономный университет, Мехико, Мексика), посвященной социокультурному наследию русскоязычного населения Аляски. Авторы обратились к сюжету, который обычно остается на периферии внимания исследователей – влиянию русской культуры на жизнь автохтонного населения северо-восточной части Тихоокеанского региона. Статья отличается глубоким анализом как российской, так и американской историографии проблемы. Особый интерес вызывает проведенный авторами анализ русскоязычной периодики в Аляске, в частности, характеристика деятельности в Северной Америке известного представителя дореволюционной политической эмиграции Агапия Гончаренко.

Плодом содружества представителей разных научных школ является и статья *Т. М. Симоновой и П. Глушковского* (Институт русистики Варшавского университета), посвященная проблемам источниковедения и истори-

ографии истории русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг. Украшением работы является анализ материалов варшавского Архива Новых Актов, впервые вводимых авторами в научный оборот. В статье представлен глубокий анализ польской историографии проблемы, связанной с формированием в стране новой учебной и научной специальности – эмигрантологии, частью которой стала история русской эмиграции в Польше. Статья Т.М. Симоновой и П. Глушковского содержит и весьма критический взгляд на состояние российской историографии данной проблемы, авторы не скрывают своей обеспокоенности по поводу научного уровня ряда современных сочинений, посвященных истории Русского зарубежья в Польше.

Современной ситуации на другом острове Русского мира – в Испании – посвящена статья *В.Ф. Ершова* (Московский государственный областной университет) и азербайджанской исследовательницы *Х.Д. Гаджиевой*, в которой охарактеризована роль сообщества российских соотечественников в Испании в расширении диалога культур, в международном взаимодействии в образовательной и общегуманитарной сферах.

Совершенно очевидно, что серьезное научное изучение истории российского зарубежья немислимо без обращения к архивным источникам, в том числе к Зарубежной архивной Россике. Это обуславливает актуальность статьи сотрудников Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) *И.В. Сабенниковой*, *В.Л. Гентике* и *А.С. Ловцова*. В ней показано многообразие архивных материалов по российской истории, находящихся за рубежом, часто разбросанных между различными архивными фондами, коллекциями, частными и государственными хранилищами, архивами и библиотеками. Авторы анализируют вклад русской эмиграции в формирование и развитие феномена Зарубежной архивной Россики.

Два материала данной рубрики посвящены судьбам отдельных представителей российского зарубежья. Особый интерес, на взгляд редактора, вызывает статья *Д.И. Олейникова* (РГГУ), посвященная истории несостоявшегося матча на первенство мира по шахматам между эмигрантом-невозвращенцем А.А. Алёхиным и чемпионом СССР М.М. Ботвинником. Проведенный автором скрупулезный анализ материалов ГАРФ (которые ранее не привлекали внимание исследователей) позволил ему сделать вывод о том, что ключевую роль в срыве судьбоносной встречи двух ведущих шахматистов сыграл советский управленческий аппарат. Д.И. Олейников доказал, что даже в условиях сталинской эпохи управленцы среднего звена располагали достаточным набором бюрократических приемов, позволявших оттягивать запуск механизма подготовки и проведения матча. Ис-

пользование ими этих механизмов было связано с опасениями чиновников за исход противостояния между советским шахматистом и его противником-эмигрантом.

Весьма любопытна и статья *М.В. Кротовой* (Санкт-Петербургский государственный экономический университет), посвященная эмигрантскому периоду жизни известного российского политического и общественного деятеля, бывшего депутата Государственной думы от Енисейской губернии, члена ЦК партии кадетов *С.В. Востротина*. Автор вводит в научный оборот материалы личного фонда *С.В. Востротина*, который хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Опираясь на эти материалы, а также на документы ряда российских архивов, *М.В. Кротова* анализирует взгляды *С.В. Востротина* в 1920–1930-е гг. Особый интерес вызывает реакция старого русского либерала на информацию о продаже Советским Союзом КВЖД. Как показывают использованные *М.В. Кротовой* документы, эта реакция была зафиксирована советскими спецслужбами и была доведена до сведения высшего руководства СССР.

Таким образом, представленные в рубрике статьи посвящены различным сюжетам темы «Русские в мире». Отличаясь высоким научным уровнем, данные публикации вносят свой вклад в российское эмигрантоведение. Думается, что они не могут не вызвать интерес у российских и зарубежных исследователей данной темы.

Отдельно затронута и проблема «русские в России», острота которой все более осознается научным сообществом. В частности, в статье *С.Н. Уварова* рассматриваются демографические процессы, протекающие среди русской части населения Удмуртии во второй половине XX в. Используя архивные материалы, автор привел статистические данные о естественном приросте населения республики, провел сравнительный анализ рождаемости и смертности представителей ее различных национальностей. Особый интерес заслуживает выявление связи между демографическими процессами и социально-экономическими изменениями, происходящими в стране. Так, автор обратил внимание на сокращение населения республики, начавшееся в годы проведения рыночных реформ 1990-х гг. Представляется, что проведенное исследование имеет не только научное, но и практическое значение для решения острейшей проблемы сохранения народонаселения страны.

*Приглашенный редактор
рубрики «Русские в мире»
д.и.н., профессор А.В. Антошин*

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-10-31

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛЯСКИ: ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, БЫТ

Д.В. Шевцов^а, Анна Тереза Гутьерес дель Сид^б

^аРоссийский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
shevtsovdmityr93@yandex.ru

^бАвтономный университет
04960, Мексика, Мехико, ул. Кальсада-дель-Уэсо, д. 1100
anateresagutierrezdelcid@gmail.com

Данная статья посвящена проблемам социокультурного наследия русскоязычного населения, которое проживало на территории Аляски на момент ее продажи Российской империей США. В работе рассматривается влияние русской культуры на жизнь автохтонного населения северо-восточной части Тихоокеанского региона. В этой связи анализируются такие аспекты, как распространенность русского языка и русскоязычной периодики в регионе, заимствование традиционных элементов быта; раскрывается роль духовной миссии Русской православной церкви и другие важные аспекты русского присутствия на Аляске в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Аляска, Русская Америка, социокультурное наследие, российское зарубежье, Русская православная церковь в Северной Америке, Российско-американская компания

Введение

В настоящий момент все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением и распространением русского языка и культуры за рубежом. Во многом это стало возможно благодаря поддержке бывших соотечественников, ставших иностранными гражданами. Одновременно наблюдается рост самосознания и увеличение интереса к культуре страны исхода со стороны иммигрантов, что проявляется, в свою очередь, в деятельности различных обществ и объединений, возрождении интереса

к истории бывшей Родины. Изучение в целом наследия Русской Америки в северо-восточной части Тихоокеанского региона приобретает особую актуальность в свете современных российско-американских отношений, которые переживают сложный период и потому требуют научного переосмысления. Данная тема представляется актуальной и в связи с тем, что рассматриваемая в статье проблема не получила в отечественной и зарубежной историографии должного освещения. Специальных научных исследований по истории русского социокультурного наследия на территории Аляски после ее продажи до сих пор нет. Как справедливо отметил российский исследователь А.Б. Ручкин, «“Русская Америка” остается одной из крупнейших диаспор дальнего зарубежья», а «ее прошлое и настоящее вызывает острые дискуссии по обе стороны Атлантики»¹, что, безусловно, усиливает актуальность избранной темы.

Первые попытки оценить влияние культуры колонистов на аборигенное население были сделаны еще в годы существования собственно территории Русской Америки. Наиболее ценным с этой точки зрения является труд П.А. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия до настоящего времени»², которое включает в себя личные воспоминания автора и содержит документальное приложение, составленное на основе утраченного впоследствии архива Российско-американской компании (РАК).

После продажи Русской Америки в 1867 г. у отечественных историков на длительное время пропал интерес к утраченной территории, в отличие от американцев, которые буквально сразу после передачи Аляски начали заниматься ее исследованиями. В частности, Г. Бэнкрофт издал «Историю Аляски (1730–1885)», которая затрагивала историю постпродажного периода региона, рассказывала о судьбах русского населения и включала в себя воспоминания бывших российских подданных³.

Еще один важный труд представителей зарубежной историографии по данной тематике – «Аляска. 1741–1953» К. Халли⁴, в котором автор рассматривает российский этап истории Аляски как неотъемлемую часть всей

---

¹ Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. М.: 2007. С. 3.

² Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия до настоящего времени: в 2 т. СПб.: типография Эдуарда Веймара, 1861–1863.

³ Bancroft H.H. History of Alaska (1730–1885) // Works of H.H. Bancroft, vol. XXXIII San Francisco, 1886.

⁴ Hulley Cl. C. Alaska 1741–1953. Portland: Binfords & Mort, 1953.

истории региона. В работе отражена также преемственность культур и прослеживается судьба русских промышленников после продажи Аляски.

Беспорным лидером в этнографических исследованиях истории Русской Америки является С.Г. Федорова. В 1971 г. был опубликован ее труд под названием «Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.)»⁵. В контексте проблемы настоящего исследования весьма примечателен последний раздел издания, в котором автор, опираясь на американские источники, также освещает судьбу русских поселенцев после продажи Аляски, дает оценку влияния русской культуры на повседневную жизнь аборигенов. Данная проблема получила освещение также и в другой работе автора⁶.

В постперестроечный период стали появляться исследования, посвященные деятельности Русской православной церкви на Аляске. Особенно выделяются среди них труды митрополита Калужского и Боровского Климента (Г.М. Капалина)⁷, А.Б. Ефимова⁸, в которых раскрывается история миссионерства Русской православной церкви на различных континентах, в том числе в Северной Америке и на Аляске, в частности, после 1867 г.

Неоценимый вклад в изучение Русской Америки внес академик Н.Н. Болховитинов, под редакцией которого вышла трехтомная «Истории Русской Америки (1732–1867 гг.)»⁹ как результат сотрудничества российских и североамериканских историков в постсоветский период. В монографии подводится итог более чем векового присутствия русских в регионе, представлена также характеристика первых лет истории Аляски после ее продажи США.

С начала XXI в. отечественные ученые все больше обращаются к изучению проблем эмиграции и процессам формирования русской общины в США. Вопрос складывания русской диаспоры после продажи Аляски отражен в работах ведущих российских исследователей-американистов

---

⁵ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.). М.: Наука, 1971 г.

⁶ Федорова С.Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 243–259.

⁷ Капалин Г.М. Православие на Аляске: ретроспектива развития в 1741–1917 гг. – Тверь: Тверская фабрика печати, 2014. 432 с.; Капалин Г.М. Русская православная церковь на Аляске до 1917 г. М.: Олма Медиа Групп, 2009. 608 с.

⁸ Ефимов А.Б. Очерки по истории Русской православной церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.

⁹ История Русской Америки (1732–1867 гг.) в 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3.

Э.Л. Нитобурга и А.А. Хисамутдинова. Первый проанализировал экономическое положение мигрантов в новой стране, а также уделил пристальное внимание религиозной миграции¹⁰. А.А. Хисамутдинов рассмотрел вопрос об устройстве русской диаспоры в Сан-Франциско, куда переселилось много выходцев с территории Аляски и где проживал пионер русской эмигрантской периодики Агапий Гончаренко¹¹.

Следует отметить также работу С.А. Корсуна, в которой исследователь повествует о наследии, доставшемся коренным народам от колонистов. Автор затрагивает такие стороны повседневной жизни аборигенов, как быт, традиции, обычаи, анализирует влияние духовного присутствия Русской православной церкви на местное население, последствия лингвистического влияния русской культуры на аборигенов¹². Схожей теме посвящена и коллективная работа «История и наследие Русской Америки»¹³.

Новой тенденцией в историографии вопроса является рассмотрение постпродажного периода Аляски в контексте проблемы Русского мира¹⁴. В частности, в работах М.Н. Мосейкиной в контексте событий второй половины XIX – начала XX в. анализируются процессы развития системы школьного образования, заложенной еще при РАК, солидарные связи жителей Аляски со своей бывшей родиной в годы военных испытаний.

Детальному изучению влияния российской культуры на автохтонное население региона посвящена работа В.Г. Наследова¹⁵. Автор исследует не только трансформацию системы хозяйствования и быта коренных жителей Аляски в период правления РАК, но также уделяет внимание дальнейшей

---

¹⁰ *Нитобург Э.Л.* Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этноисторический очерк. М.: Наука, 2005; *Нитобург Э.Л.* Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–51.

¹¹ *Хисамутдинов А.А.* Русский Сан-Франциско [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1032607/15/Hisamutdinov_-_Russkiy_San-Francisko.html.

¹² *Корсун С.А.* Русское наследие на Аляске // Аляска – Русская Америка – Российско-американская компания [Электронный ресурс]. URL: <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102>.

¹³ История и наследие Русской Америки / А.Ю. Петров, митрополит Климент (Капалин), М.Г. Малахов [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.

¹⁴ *Мосейкина М.Н.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Т. 1. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014; *Мосейкина М.Н.* Судьбы российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 236; *Мосейкина М.Н., Мелихов Г.В.* Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение // Российская история. 2000. № 1. С. 208–213.

¹⁵ *Наследов В.Г.* Влияние представителей российской культуры на коренное население Северо-Восточной части Тихоокеанского региона (конец XVIII–XIX вв.): дис. канд. ист. наук: 24.00.01. Комсомольск-на-Амуре, 2016. 189 с.

судьбе носителей русской культуры после уступки территории Россией. Он отмечает, что после 1867 г. русскоязычная часть региона была сосредоточена в трех основных центрах – на о. Кадьяк, в г. Ситка и на Кенайском полуострове. При этом ассимиляция и интеграция данных очагов русской культуры происходили неравномерно.

Разумеется, что вышеупомянутые исследования – лишь часть большого комплекса работ по наследию русской культуры на Аляске, в которых пока не получила комплексного освещения проблема преемственности культуры колонистов автохтонным населением Северной Америки, в то время как русское наследие на Аляске сохранялось еще в течение нескольких десятилетий после ее продажи.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении специфики повседневной жизни населения Аляски после заключения договора 1867 г. между Россией и США с учетом влияния наследия культуры Русской Америки.

Русское влияние на повседневную жизнь автохтонного населения

Более чем столетнее присутствие русских на североамериканском континенте оставило свой след в культуре и в быту коренных народов, и никакая политика ускоренной американизации не могла искоренить русское присутствие.

Влияние русской культуры на повседневную жизнь местных жителей Аляски отчетливо наблюдалось на рубеже XIX–XX вв. В 1892 г., когда епископ Николай совершал объезд своей епархии, то он отмечал, что жилища на Уналашке продолжали строить в «компанейском» стиле¹⁶. Дома сооружались небольшого размера из бревен, с двускатной крышей, с окнами и дверными проемами. Перед выходом в жилище непременно сооружались сени, которые до настоящего момента в алеутском языке именуются «коллидором». Даже воинственные в отношении колонистов тлинкиты заимствовали у русских внутреннее убранство дома. Широкое распространение получили такие виды мебели, как лавки, столы, нары, сундуки. Вход в жилище вместо звериной шкуры теперь закрывала навесная деревянная дверь.

Некоторые виды одежды также появились в обиходе местных жителей под влиянием русских колонистов. Например, в конце XIX в. среди тлинкиток были популярны платки, завязывающиеся на подбородке, а ин-

---

¹⁶ Николай, епископ Алеутский и Аляскинский. Из моего дневника. Вып. I. Путевые заметки и впечатления во время поездки по Аляске и Алеутским о-вам. СПб. Издание редакции журнала «Церковные ведомости», 1893. С. 35.

дейцы залива Якутат носили головные уборы, напоминавшие по своему облику фуражку. Понятно, что уже в первой половине XX в. все эти предметы обихода были вытеснены более современными американскими вещами.

Сотрудник Музея истории Аляски Х. Шенитц свидетельствовала, что «элементы русской культуры, занесенные русскими земледельцами, сохранились с удивительной полнотой у туземного населения»¹⁷. Разумеется, что речь идет о тех регионах Аляски, где климатические условия позволяли перенять у колонистов культуру огородничества и местами скотоводства. Так, например, на Кадьяке и Алеутских о-вах было распространено разведение свиней. Постепенно туземцы приобщались к металлическим орудиям труда. Картофель наряду с мясом стал их основным продуктом питания.

Аборигены переняли у русских колонистов некоторые традиции, например чаепитие. Еще в 1950-е гг. у автохтонного населения сохранялись традиции посиделок, игра на гармонии и даже использование коромысел для переноски ведер¹⁸. А среди эскимосов Юго-Запада Аляски были распространены бани, топящиеся по-черному.

Проблема сохранения русского языка на Аляске после 1867 г.

Важным наследием Русской Америки стал русский язык, который был распространен, прежде всего, в центрах сосредоточения русско-креольского населения, а именно – на о. Кадьяк, Ситка и на Кенайском п-ове. В остальных частях Аляски русский язык довольно быстро вышел из обихода из-за того, что население стало изучать английский ввиду наплыва в данный регион переселенцев. Исключение составляли лишь о-ва Прибылова. На архипелаге, населенном преимущественно алеутами, Аляскинская коммерческая компания сохранила методы эксплуатации РАК и практически не вмешивалась в жизнь местной общины. По этой же причине еще в 1890-е гг. многие местные жители продолжали говорить на русском языке.

Вытеснение русского языка из указанных районов Аляски проходило неравномерно. Например, Ситка всего за десять лет после заключения сделки об уступке территории превратилась лишь в блеклую «тень» города, который до того являлся центром русско-креольского населения региона. По сведениям Г. Шевиньи, в 1877 г. на Ситхе насчитывалось всего 5 рус-

---

¹⁷ Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.). М.: Наука, 1971. С. 245.

¹⁸ Там же.

ских семей¹⁹. Наиболее активная часть русских и креолов, проживавших на о. Баранова и сопредельных территориях, постепенно ассимилировалась. Косвенные предпосылки для этого были заложены еще в последние годы существования Русской Америки. С 1859 г. в ново-архангельском общем училище стали преподавать английский язык, а с середины 1860-х гг. совместная Компания российско-американского телеграфа активно нанимала на работу в свои ряды русских и креолов, и также за свой счет обучала население английскому языку.

На о. Кадьяк была несколько иная картина. Сюда после продажи Аляски начали стекаться те, кто не смог приспособиться к новому образу жизни. На Кадьяке проживало до сотни русских и креольских семей. Они сформировали своеобразный анклав русской культуры на Аляске. Эти семьи вели патриархальный образ жизни, занимались традиционными для данного региона видами промысла. Правда, к концу XIX в. креолы и русские смешались с этническим большинством аборигенов (преимущественно эскимосами), перешли на языки коренных народов и стали забывать родной язык²⁰.

Особо стоит отметить распространение русского языка на Кенайском полуострове. С 1835 г. здесь начали селиться колониальные граждане и креолы со своими семьями, которые основали несколько поселений. Наиболее долгое время русский язык сохранялся в двух населенных пунктах – Кенай и Нинильчик. В первом располагалась православная миссия, которая, так или иначе, способствовала сохранению былой культуры. В 1890-е гг. здесь был построен крупнейший православный храм региона – Храм Вознесения Девы Марии. Однако уже в 1900-е гг. Кенай значительно американизировался. В нем создавались судоходные компании, наблюдался коммерческий рост объемов рыбной ловли. В округе Кенай были обнаружены залежи золота, и в 1937 г. здесь началось строительство аэропорта. В свою очередь, развитие города привлекало переселенцев из континентальных штатов, несших свои культуру и быт.

Что касается Нинильчика, то все его население сохраняло русский язык как родной буквально до начала Второй мировой войны. Это было обусловлено тем, что после продажи Аляски поселок оказался отрезанным от внешнего мира. Здесь не было дорог, связывавших данный поселок с другими населенными пунктами, и вся связь осуществлялась по воде. При этом в

---

¹⁹ *Chevigny H.* Russian America. The great Alaskan Venture. 1741–1867. N.Y.: Viking Press, 1965. P. 260.

²⁰ *Корсун С.А.* Русское наследие на Аляске // Аляска – Русская Америка – Российско-американская компания [Электронный ресурс]. URL: <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102>.

период между 1867 и 1894 гг. сюда не заходил ни один корабль. В селении при православной церкви функционировала русскоязычная школа (закрытая лишь в 1917 г. под давлением протестантских миссионеров), которая вкупе с изоляцией местности способствовала появлению уникального нинильчикского варианта русского языка. До конца XX в. сохранялось до 20–30 носителей этого диалекта²¹.

Влияние русского языка на языки коренных народов, проживавших на территории Аляски, можно проследить по количеству заимствованных слов. Большая часть заимствований была связана с появлением новых для индейцев предметов материальной культуры. Разумеется, что по прошествии времени их число значительно сократилось в связи с заменой на современные американские эквиваленты либо в связи с выходом этих предметов из обихода. Но даже в настоящий момент, по данным этнографа С.А. Корсуна, в языке алеутов присутствует примерно 400 русских слов; более 300 русских слов обнаружено в языке тихоокеанских эскимосов и столько же используют индейцы танайна. 190 подобных заимствований имеют бристолюкские эскимосы, тогда как тлинкиты – всего лишь девять²².

Начиная с XVIII в. при крещении туземцы получали фамилию и имя своих крестных отцов. После 1794 г., с момента появления первой православной миссии на Аляске, при крещении русские фамилии уже не давались, а только лишь имена. Фамилией становилось местное имя, которое было у аборигена до принятия православия. С тех пор русские фамилии присваивались только в двух случаях: если абориген состоял на службе РАК продолжительное время либо в случае межэтнического брака. После продажи Аляски русские фамилии сохранились на Алеутских о-вах, о. Кадьяк и в некоторых эскимосских селениях, но практически полностью исчезли среди крещенных тлинкитов и атапасков.

След русского языка можно обнаружить и в топонимах Аляски, сохранившихся до настоящего момента.

Всего в отношении русских названий географических объектов можно выделить четыре основные тенденции. Первая связана с их полной заменой. Например, сразу после продажи Русской Америки ее столица Ново-Архангельск была переименована в Ситку.

---

²¹ *Кибрик А.А.* Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинильчик (Аляска) // *Язык. Африка. Фульбе*. СПб.–М.: Европейский дом, 1998. С. 40.

²² *Корсун С.А.* Русское наследие на Аляске // *Аляска – Русская Америка – Российско-американская компания* [Электронный ресурс]. URL: <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102>.

Вторая проявилась в полном переводе русского топонима на английский язык. Например, Крысьи о-ва и Лисьи о-ва на американских картах значились уже как Rat Islands и Fox Islands соответственно.

Третья тенденция – это сохранение русского названия и передача его посредством транслитерации. До наших дней сохранилось большое число географических объектов с их историческим названием. Например, Baranoff Island (остров Баранова), Tonki Cape (мыс Тонкий), Cherni Island (остров Черный) и многие другие.

Наконец, последняя тенденция связана с появлением в названиях в качестве определительной части прилагательного «русский». Например, Russian River, Russian Harbor, Russian Creek и др.²³

Русскоязычная периодика Аляски

Еще одним наследием русских переселенцев стала русскоязычная периодика, которая зародилась на тихоокеанском побережье Америки благодаря прежде всего деятельности православного священника Агапия Гончаренко. Посредством печатных изданий американские власти рассчитывали как можно скорее ассимилировать и приобщить к американскому образу жизни население приобретенной территории.

Агапий Гончаренко (настоящее имя при рождении Гумницкий Андрей Онуфриевич) оказался в Новом Свете в 1865 г., спасаясь от гонений со стороны царского режима. В Америке беглый священник преследовал несколько целей, одной из которых было создание независимого печатного издания, способного снабжать нелегальной революционной литературой русский Дальний Восток.

Сразу по приезде в США А. Гончаренко основал домовую церковь в Нью-Йорке и начал аккумулировать денежные средства для создания типографии. Он преподавал греческий язык и занимался граверными работами и одновременно сотрудничал с некоторыми нью-йоркскими газетами. Конечно, средств, получаемых от преподавания и выполнения мелких работ, было недостаточно для создания собственного издания. Поэтому Гончаренко стал искать другие источники финансирования.

В период активного взаимодействия русского издателя с нью-йоркской прессой на него обратили внимание американские власти, предложив-

---

²³ *Беленькая В.Д.* Русские топонимы на карты Соединенных Штатов Америки // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1976. № 4. С. 72.

шие русскому эмигранту заняться созданием газеты с целью американизации русских и креолов. Вскоре после получения субсидий от государства Гончаренко приобрел необходимое оборудование и отправился в Калифорнию, чтобы оттуда уже перебраться на Аляску. Но, осознавая опасность попасть в Ситке под цензуру американских военных властей (сразу после официальной передачи в октябре 1867 г. Русская Америка была преобразована в Департамент Аляска и перешла под управление армии США), Гончаренко решил обосноваться в Сан-Франциско и уже оттуда снабжать литературой бывшую российскую колонию.

Место было выбрано не случайно. Русские были давно знакомы с Калифорнией, еще с момента создания Форта Росс и попытки закрепиться в регионе. На крепость возлагалась огромная надежда как на передовую экономическую и продовольственную базу. В свое время правитель форта П.И. Шелихов доносил РАК, что «крепость и селение Росс и находящаяся в оных команда обстоит благополучна; с окружающими народами мир и тишина»²⁴. Однако правление компании посчитало иначе и в 1841 г. селение было ликвидировано. Тем не менее, после уступки Аляски значительная часть русских, знакомая с климатом и условиями региона, переселилась сюда и положила начало русской диаспоре Сан-Франциско.

В начале 1868 г. именно здесь было основано первое русское эмигрантское печатное издание под названием «Вестник Аляски» (англ. «Alaska Herald»), публиковавшийся с русскоязычным приложением «Свобода». Вот как обратился к читателям Агапий Гончаренко в первом номере своей газеты: «Мы видим, что Америка и Сибирь обращаются лицом к лицу, чтобы работать вместе на пользу человечества. Понимая это, мы поставили в Америке русский станок, сознавая, что книгопечатание есть единственное средство соединять народы, низвергать всякого рода идолов и способствовать благоденствию народов»²⁵.

Немногим позже А. Гончаренко пояснил цели своего издания. С одной стороны, он хотел заниматься просветительской деятельностью (прежде всего выполняя заказ американского правительства, а не из гуманистических соображений) среди бывших колонистов Русской Америки, не обделяя внимание и аборигенов, владевших русским языком. С другой стороны, он не отказывался от прежней идеи и, пользуясь обстоятельством

---

²⁴ Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях (1803–1850 гг.). В 2 т. / Под ред. А.А. Истомина, Дж. Р. Гибсона, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 636.

²⁵ Alaska Herald. № 1. 1868. P. 40.

ми, желал распространять литературу своего издания на территории Сибири и Дальнего Востока.

Так, на страницах своего издания А. Гончаренко следующим образом разъяснял местным жителям перспективы их будущей жизни в составе США: «В скором времени из Вашингтона будет определен временный управитель, он изъяснит вам установления, законы и обычаи Союзного народа, заведет школы и устроит порядок во всем. Через год или два, когда вы обучитесь Союзным порядкам, сами себе изберете управителя между вами... В республике управители избираются выборно, да Петр, рыбак умный малый, он сумеет делать порядки в Вашем округе, дадите за него большинство голосов, и он будет губернатором. В Америке у кого голова на плечах и в голове-то не пусто, тот князь, тот барин»²⁶.

Со временем Агапий Гончаренко отказался от идеи продвижения своей литературы на Дальнем Востоке, но продолжил публиковать свое издание. Скорее всего, это было связано с тем, что его дела особо не шли в гору, и он едва справлялся с теми задачами, которые требовались от него как от издателя на Аляске и в Калифорнии. Поэтому выход на новый «рынок» для его публикаций казался невыполнимой задачей.

Со страниц «Вестника Аляски» А. Гончаренко вещал бывшим служащим компании, что у них не осталось никаких обязательств перед Российско-американской компанией и что они вольны приобретать собственность там, где пожелают.

Еще одной темой его просветительской миссии было разъяснение характера трудовых отношений в условиях быстро меняющегося и развивающегося рынка, т.е. то, к чему бывшие русские подданные не были приспособлены.

В первый год издания «Свободы» на Аляску было бесплатно отправлено 200 экземпляров газеты²⁷. Возможно, не только из-за рьяного желания продвигать свои идеи в массы, но и потому, что его издание не пользовалось спросом среди русской диаспоры Сан-Франциско. Гончаренко писал: «Прошу вас, друзья мои, действуйте со мною и не отвергайте моих братских советов. Я один не могу достигнуть цели, т. е. вашего благоденствия. Вы должны помочь мне трудолюбием, честностью и трезвым поведением заслужить уважение американцев»²⁸.

---

²⁶ Alaska Herald. № 12. 1868. P. 6.

²⁷ Хисамутдинов А.А. Русский Сан-Франциско [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1032607/15/Hisamutdinov_-_Russkiy_San-Francisko.html.

²⁸ Alaska Herald. № 23. 1868. P. 8.

На страницах своего издания А. Гончаренко явно переусердствовал с критикой царского режима, и после ноты протеста, выраженной российским посольством, он был лишен субсидий от американского правительства.

Без финансовой поддержки «Вестник Аляски» не смог дальше существовать, и в 1872 г. газета была закрыта. В одном из номеров издания Гончаренко так подводил итог своей деятельности: «Тяжелое было время! Я был писателем, наборщиком, заносчиком, делал всю работу сам один, работал до усталости, до умерщвления, сокращая расходы, чтобы даром посылать вам журнал, дабы вы знали, что вы свободны, что вы граждане республики. Невольная сила меня влекла к вам. Были минуты, что я отчаивался в продолжении моей работы, издержки требовались большие, от вас я не получал вознаграждения за труд. Но русский человек, страдающий от деспотизма богатства, с одной стороны, а, с другой, сибиряки каторжные, полные доблести и чести, далее наши свободные лондонские друзья, их знакомые виды и образы давали нам веру и силу работать для вас во имя Свободы»²⁹.

Тем не менее, Гончаренко в течение еще одного года продолжал издавать русскоязычную «Свободу», в которой по-прежнему активно критиковал царизм. Однако ввиду низкой популярности газеты и отсутствия былого финансирования он был вынужден прекратить свое дело и в 1873 г. вовсе отошел от издательской работы, к которой больше не возвращался. Впоследствии его типография была выкуплена американским гражданином Г. Джорджем, а русские шрифты переданы в типографию Банкрофта в Сан-Франциско.

А. Гончаренко стал пионером всей русскоязычной прессы в США, успешно справляясь с поставленной задачей по американизации бывших колониальных граждан и креолов, разъясняя им их права, возможности и преимущества американской жизни.

С увеличением числа эмигрантов из России количество русскоязычной прессы в США только росло. В большинстве своем она уже ориентировалась на всю русскую диаспору Соединенных Штатов. Огромное количество газет и журналов было посвящено религиозной тематике, которые активно поддерживались со стороны Русской Православной церкви. «Второй русскоязычной газетой в США стало издание под названием «Славянин», выпускаемое при поддержке настоятеля русской церкви Н. Ковригина. Издание было направлено на сплочение православной общины и выходило на трех языках:

---

²⁹ Alaska Herald. № 27. 1869. P. 7.

русском, сербском и английском»³⁰. Еще одним изданием, направленным непосредственно на жителей полуострова, стал журнал «Православная Аляска», который обслуживал интересы православной миссии, продолжившей здесь свою активную деятельность и после уступки территории.

Миссия Русской православной церкви на тихоокеанском побережье Америки

С уходом России из региона Русская Православная церковь осталась одной из немногих структур, способных сохранить русскую культуру и язык на Аляске. Православие и вовсе стало одним из факторов самоидентификации алеутов и тлинкитов. После официальной передачи Аляски 6 (18) октября 1867 г. деятельность Русской Православной церкви на североамериканском континенте Конгрессом США не запрещалась. Более того, в статье II договора между Россией и США оговаривалось, что «храмы, воздвигнутые Российским правительством на уступленной территории, остаются собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой церкви»³¹. По решению Св. Синода на содержание Алеутской епархии ежегодно выделялось 72 000 долл³². Эта сумма являлась основным источником существования Русской православной церкви в США на тот момент. В 1870 г. по настоянию митрополита Иннокентия Алеутская епархия (с кафедрой в Ново-Архангельске; с 1872 г. – в Сан-Франциско) была отделена от Камчатской. Отныне в ее подчинении были все православные приходы США и Канады.

Еще в 70-е гг. XIX в. православной церковью были предприняты попытки по противодействию скорейшей американизации населения Аляски и сохранению русской культуры. Одной из таких мер было возобновление деятельности церковно-приходских школ. Так, в 1876 г. такие школы были открыты на Уналашке, на о. Св. Георгия и Св. Павла; двумя годами спустя – на Нушагаке и Кадьке; в 1879 г. – в селении Бельковское на п-ове Аляска, а в 1880 г. – на Ситхе. Последняя церковно-приходская школа была откры-

---

³⁰ *Наследов В.Г.* Влияние представителей российской культуры на коренное население Северо-Восточной части Тихоокеанского региона (конец XVIII–XIX вв.): дис. канд. ист. наук: 24.00.01. Комсомольск-на-Амуре, 2016. С. 147.

³¹ Договор между Россией и США 1867 г. // Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски 1834–1867 гг. Документальное приложение. М.: Наука, 1990. С. 333.

³² История Русской Америки (1732–1867 гг.) в 3 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. С. 152.

та в 1893 г. в Кенае³³. Ученики данных школ изучали не только церковные дисциплины. Особое место в них уделялось освоению русского языка, а в некоторых школах в программе имелись предметы по языкам коренных народов. Даже в 1905 г., когда часть этих школ была закрыта под давлением протестантских миссионеров, в них продолжали обучаться свыше 900 детей из числа местных жителей³⁴.

В 1898 г. Алеутскую епархию возглавил епископ Тихон (Белавин), который также внес заметный вклад в укреплении православия на Аляске. Вверенная ему кафедра имела ряд своих особенностей. Во-первых, она была самой большой по территории епархией Русской православной церкви и окормляла практически весь североамериканский континент. Во-вторых, исторически она делилась на две части: Аляску и Алеутские острова, где в большинстве своем состояла из коренного населения, и континентальную часть, где помимо русских были представители других этнических общин (русины, греки, сирийцы, сербы, болгары и др.).

По приезду в Америку Тихон Белавин составил отчет, из которого следовало, что епархия имела в своем составе 27 378 прихожан. Она была разделена на три благочиния: Ситхинский, Уналашкинский и Нью-Йоркский. На службе в епархии состояло 42 священнослужителя и 25 псаломщиков. В подчинении кафедры находилось 29 приходов и 55 церковных школ (из них 20 церковно-приходских и 35 школ грамоты)³⁵. К 1898 г. на Аляске не было ни православного монастыря, ни семинарии, поэтому решение этого вопроса епископ Тихон считал своей ключевой задачей (к тому времени семинария, основанная в 1845 г. в Ново-Архангельске Иннокентием Вениаминовым, в 1858 г. была переведена в Якутск в связи с отбытием епископа из колоний).

Свт. Тихон Белавин неоднократно посещал Аляску для контроля над деятельностью приходов. Первое свое путешествие в бывшую Русскую Америку епископ Тихон совершил спустя год после прибытия в Новый Свет. В своем отчете он писал: «... Забот об упорядочении требуют и аля-

---

³³ Корсун С.А. Русское наследие на Аляске // Аляска – Русская Америка – Российско-американская компания [Электронный ресурс]. URL: <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102>.

³⁴ Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Т. 1. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014; *Она же*. Судьбы российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 236; Мосейкина М.Н., Мелихов Г.В. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение // Российская история. 2000. № 1. С. 46.

³⁵ Ефимов А.Б. Очерки по истории Русской православной церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 358.

скинские приходы, как вследствие надвигающейся туда пропаганды инославных исповеданий, так вследствие обеднения алеутов, вызывающего за собой обеднение и церквей, так, наконец, и вследствие ненормальных по местам взаимных отношений духовенства и торговых компаний»³⁶.

В 1900–1901 гг. свт. Тихон совершил еще два объезда по территории своей епархии на Аляске. Во время этих путешествий он посетил отдаленные Квихпахскую и Кускоквимскую миссии, совершал молебны в приходах и оказывал местным жителям материальную помощь.

В 1900 г. по инициативе свт. Тихона епархия была переименована в Алеутскую и Северо-Американскую с соответствующими изменением звания главы кафедры. В том же году Белавин был возведен в сан архиепископа.

В 1903 г. по ходатайству свт. Тихона Ситхинское благочиние было преобразовано в викариатство с кафедрой в г. Ситхе. Это обусловлено тем, что основное внимание глава Алеутской епархии должен был сосредоточить на Восточном побережье, ставшим центром православия в США ввиду большого количества иммигрантов из Восточной Европы. Ситха оказалась идеальным местом для установления викариатской кафедры, благодаря созданному в городе еще при Иннокентии Вениаминове церковным постройкам.

Новообразованное викариатство возглавил Иннокентий Пустынский, уже служивший в Русской Америке с 1893 по 1896 гг. при предшественнике Белавина епископе Николае Зиорове. Отныне глава Ситхинской кафедры именовался епископом Аляскинским. Освободившись от части своих обязанностей, свт. Тихон сконцентрировал свое внимание на континентальных штатах. В 1905 г. он и вовсе перенес архиерейскую кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Всего же за время его пребывания в Америке значительно увеличилось число приходов: с 29 до 75³⁷.

В мае 1904 г. на Аляску прибыл Иннокентий Пустынский, наделенный архиепископом широкими полномочиями. За время своего служения он осуществил ряд важных мероприятий, направленных на укрепление православия в регионе. В 1906 г. произошло долгожданное открытие духовной семинарии в Ситке, за создание которой активно выступал свт. Тихон Белавин. Тогда же был произведен ремонт Михаило-Архангельского собора (г. Ситка). При Иннокентии Пустынском началось издание печатного органа «Православная Аляска», а также переводилась библия и богослужебная литература на языки автохтонного населения. Как и предшественники,

---

³⁶ *Ефимов А.Б.* Очерки по истории Русской православной церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 359–360.

³⁷ Там же. С. 370, 375.

епископ Иннокентий постоянно совершал объезды приходов Аляски, способствовал осуществлению миссионерской деятельности.

Все же И. Пустынский понимал, что политика американского правительства, направленная на ассимиляцию населения бывшей российской колонии, постепенно давала свои плоды. К началу XX в. число русских на Аляске сократилось весьма значительно, так как часть населения американизировалась, численность престарелых колониальных граждан сократилась по естественным причинам, а часть населения переселилась в другие штаты. Именно поэтому И. Пустынский высказывался за переход церковного образования, проповеди, а в дальнейшем и всего богослужения на английский и местные языки³⁸.

В мае 1906 г. епископ Аляскинский нанес визит в Вашингтон для встречи с Президентом США Теодором Рузвельтом. В ходе беседы поднимался вопрос о назначении православных преподавателей в государственные школы в тех регионах, где проживает значительное количество православных граждан. Однако его идея не нашла отклика у американского правительства. В том же году к Аляскинскому викариатству была присоединена Чукотская миссия. В мае 1909 г. Иннокентий Пустынский был назначен епископом Якутским и Вилнойским и спустя пару месяцев отбыл в Россию.

Ему на смену прибыл Александр Немоловский, которому было суждено несколькими годами спустя и вовсе возглавить Алеутскую и Северо-Американскую епархию (1917–1919 гг. – в качестве временного управляющего, 1920–1922 гг. – как избранный архиерей). Во время его служения и еп. Филиппа Ставицкого (1916–1920 гг.) территория викариатства делилась на 3 благочиния (Ситхинское, Уналашкинское и Свято-Михайло-Редутское) и насчитывала в общей сложности 17 церквей. Оба главы продолжили линию своих предшественников. Они объезжали отдаленные приходы и вели активную миссионерскую деятельность. Тем не менее, за эти годы были закрыты все приюты Южной Аляски, действующим оставался лишь приют Куикпакской миссии на севере. В 1917 г. была закрыта церковная школа на Уналашке.

В 1922 г. новый викарий Антоний (Дашкевич) поспособствовал дальнейшему стремлению Северо-Американской епархии к автономии. По поручению Временного Священного Архиерейского Синода он подготовил доклад, в котором деятельность видных сановников епархии митрополита Платона и архиепископа Александра была отражена с негативной стороны. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал по поводу Дашкевича: «Кар-

---

³⁸ *Afonsky G. A History of the Orthodox Church in Alaska (1794–1917). Kodiak: St. Herman's Theological Seminary, 1977.*

ловцы вызвали его, посвятили в епископы и отправили на Аляску, поручив ему на пути произвести следствие относительно деятельности в Америке епископа Александра. Между ним и владыкой Александром были старые счеты. Под видом дознания епископ Антоний собрал кучу всякого обывательского мусору, а до Аляски так и не доехал, вскоре возвратился назад и умер в Югославии»³⁹. Тем не менее, это привело к осложнению отношений между Карловацким Синодом и Северо-Американской епархией, что в дальнейшем способствовало провозглашению последней своей автономии.

В 1923 г. главой Аляскинской кафедры стал Амфилохий (Вакульский). За шесть лет его деятельности викариатство значительно расширилось по числу приходов до 27 приходов в составе 5 благочиний. К 1930 г. состояние здоровья Амфилохия значительно ухудшилось, и поэтому ему в помощь был хиротонисан в епископа настоятель Михаило-Архангельского собора Антонин Покровский. Среди его идей был план разделения викариатства на два отдельных: Аляскинское с центром в Уналашке и Алеутское с кафедрой в Ситке. Однако это предложение не было осуществлено на деле.

В 1934 г. Аляскинское викариатство было преобразовано в самостоятельную епархию. После провозглашения автономии Северо-Американской епархии Аляскинская входила в состав так называемого Митрополичьего округа США. Тем самым православная церковь на Аляске постепенно вышла из подчинения Московского патриархата и в 1970 г. после предоставления автокефалии стала частью Православной церкви в Америке.

Выводы

В ходе проведенного исследования были изучены различные аспекты наследия Русской Америки, а также выявлена степень влияния русской культуры на повседневную жизнь автохтонов северо-восточной части Тихоокеанского региона. Одной из немногих сил, которая способствовала сохранению и продвижению русской культуры на Аляске после 1867 г., оставалась Русская православная церковь в Северной Америке. По договору между Россией и США об уступке территории Русская Православная церковь сохраняла свои владения в регионе в полном объеме. Период 1870–1890-х гг., пока Конгресс не успел произвести в полной мере политику ускоренной американизации, в целом был позитивным для православной миссии Аляски. Сначала, в 1870 г., Алеутской епархии удалось добиться отделения от Камчатской. Новообразованной кафедре в подчинение ото-

---

³⁹ *Митрополит Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/evlogy1/main.htm> (дата обращения 22.06.2017).

шли все приходы Северной Америки. В промежутке между 1876–1893 гг. в различных частях Аляски было создано по меньшей мере восемь новых церковно-приходских школ, в которых обучение велось на русском языке. В 1895–1896 гг. в Кенае возводится крупнейший храм в регионе.

К 1905–1906 гг. число православных приходов на Аляске возросло почти в три раза; в Ситке была открыта духовная семинария, а в церковно-приходских школах региона продолжало обучаться около 1000 детей – представителей местного населения. Вообще, православие после отчуждения территории стало одним из факторов самоидентификации коренных народов, в особенности алеутов и тлинкитов.

Однако с началом XX в. наблюдается снижение влияния православной церкви в регионе по ряду объективных причин. В результате политической эмиграции из Российской империи центром православия на континенте становятся восточные штаты США. Это заставляет церковное руководство перенаправить свои силы именно на Восточное побережье, кафедра вместе с ее главой перемещаются в Нью-Йорк. Намечавшаяся политика ускоренной американизации дала свои результаты в виде ассимиляции значительной части русско-креольского населения. В этот период на Аляске распространяется католическое и протестантское миссионерство, под давлением которого закрываются некоторые русскоязычные школы, а глава Ситхинской викарной кафедры И. Пустынский в начале 1900-х гг. выступил за последующий переход богослужения на английский язык.

В 1920-е гг. наметилась тенденция Северо-Американской епархии к автономии как реакция на происходившие события внутри Русской православной церкви после 1917 г. Это привело к тому, что Аляскинское викариатство (позже Аляскинская епархия) вошло в состав так называемого Митрополичьего округа США, получившего в 1970 г. автокефалию. Следствием этого стал разрыв отношений с Московским патриархатом и окончательный переход на английский как официальный язык богослужения и всей церковной литературы.

Результатом длительного взаимодействия аборигенов с русскими промышленниками стало преобразование собственной культуры и принятие отдельных элементов культуры колонистов. Там, где позволяли климатические условия, автохтоны приобщились к огородничеству и частично скотоводству. Следствием взаимодействия со служащими РАК стало приобщение туземцев к новым продуктам питания и металлическим орудиям труда. В остальном же система хозяйствования коренных народов не претерпела изменений.

Повседневная жизнь аборигенов также подверглась влиянию русской культуры, элементы которой прослеживались и в начале XX в. Алеуты и тлинкиты продолжали строить дома в «компанейском» стиле из бревен и с двускатной крышей. Они также переняли внутреннее убранство дома и всю мебель. Некоторые традиции настолько плотно вошли в жизнь коренных жителей, что сохранялись даже в середине XX в. Среди них были традиции посиделок и чаепития, игра на гармонии. Эскимосы Юго-Западной части Аляски переняли бани, топящиеся по-черному. Отдельные элементы одежды, завезенные русскими колонистами, оставались в употреблении вплоть до конца XIX в. Со временем эти предметы были вытеснены современными американскими вещами.

Русский язык на территории Аляски после 1867 г. оставался в употреблении лишь в тех районах, где сосредотачивалось русско-креольское население, а именно на о. Кадьяк, Ситка и Кенайском п-ове. Исключение составляли лишь о-ва Прибылова. Архипелаг, населенный преимущественно алеутами, которые подверглись сильнейшей русификации со стороны РАК, оставался русскоязычным и в 1890-х гг. из-за наличия здесь прежних форм общественных и производственных отношений.

Вытеснение русского языка происходило неравномерно в различных частях Аляски. Например, Ситка всего за десять лет к 1877 г. была полностью американизирована. Сюда хлынула волна переселенцев из других штатов. Те, кто не смог приспособиться к новому укладу жизни, были вынуждены покинуть город, запустив массовые миграционные процессы на западное побережье США, преимущественно в Калифорнию.

На Кадьяке не были установлены устойчивые экономические связи с американскими торгово-промышленными центрами, поэтому здесь сохранялся традиционный патриархальный образ жизни и сюда стекались русскоязычные граждане, не сумевшие адаптироваться к американскому образу жизни. В итоге, к концу XIX – началу XX в. русско-креольское население не столько американизировалось, сколько было ассимилировано этническим большинством местных эскимосов.

В третьем очаге русской культуры – Кенайском п-ове – наиболее долго прежний уклад жизни и привязанность к языку сохранялись в Кенае и Нинильчике. В других поселках полуострова русский язык довольно быстро к концу XIX в. вышел из употребления и был заменен английским или местными языками, ввиду активных контактов с переселенцами. В Кенае влияние русской культуры сохранялось также благодаря православной миссии. Нинильчик же оказался на протяжении длительного периода времени в транспортной изоляции. В поселке функционировала православная

церковь и русскоязычная школа. Такие условия существования позволили сохранить русский язык в качестве разговорного вплоть до начала Второй мировой войны. Поселок стал своеобразным «заповедником» русской культуры на Аляске. Уникальный нинильчикский диалект русского языка сохранился до начала XXI в.

© Шевцов Д.В., Анна Тереза Гутьерес дель Сид, 2018

Рукопись поступила в редакцию 16 декабря 2017 г.

Для цитирования: Шевцов Д.В., Анна Тереза Гутьерес дель Сид. Социокультурное наследие русскоязычного населения Аляски: традиции, обычаи, быт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 10–31. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-10-31.

SOCIOCULTURAL HERITAGE OF ALASKA'S RUSSIAN-SPEAKING POPULATION: TRADITIONS, CUSTOMS, WAY OF LIFE

Dmitry V. Shevtsov^a, Ana Teresa Gutiérrez del Cid^b

^aPeoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikluho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198
shevtsovdmitry93@yandex.ru

^bMetropolitan Autonomous University (UAM)
1100 Calzada del Hueso St., Col. Villa Quietud,
México, D.F. Mexico, 04960,
anateresagutierrezdelcid@gmail.com

The article considers the problem of the cultural heritage of the Russian colonization of the north-eastern part of the Pacific region. The authors examine the influence of the Russian culture on the life of the indigenous population of Russian America after its sale in 1867. The study demonstrates the borrowings of the traditional elements of everyday life, the customs of the native population, the Russian legacy in the place-names and languages of the indigenous peoples of Alaska, and other problems. One of the key issues of the study is the preservation and prevalence of the Russian language, as well as of the Russian-language periodicals in the region. The article contains newspapers data, eyewitnesses' recollections, materials of authoritative investigations on this issue, etc.

The authors come to conclusions that after 1867 the Russian language remained widespread only in the Russian-Creole population centres: Sitka, Kodiak, Kenai Peninsula.

In the rest of Alaska, the language was quickly ousted and replaced with English. The indigenous population adopted several elements of everyday life from the colonists, mostly furniture, tools, clothes. By the early 20th century, the most part of these things had been replaced by more modern American objects. After 1867 the Russian Orthodox Church remained one of the few forces to be able to preserve the Russian culture in the region. In the 1870s and 1890s, there were extensively opened new parishes and Russian-language schools. However, in the early 20th century the influence of the Russian Orthodox Church considerably decreased due to the policy of accelerated Americanization and the emergence of Catholic and Protestant missions in Alaska.

Keywords: sociocultural heritage, the Russian language, the Russian Orthodox Mission, traditions and way of life, the Russian-American company (RAC)

REFERENCES

- Afonsky, G.A. *History of the Orthodox Church in Alaska (1794–1917)*. Kodiak, 1977.
- Bancroft, H.H. *History of Alaska (1730–1885)*. Vol. 33 of *Works of H.H. Bancroft*. San Francisco, 1886.
- Belen'kaja, V.D. "Russkie toponimy nakarty Soedinennyh Shtatov Ameriki." [Russian toponyms on maps of the United States of America] *Izvestija AN SSSR. Serija Geograficheskaja*, no. 4 (1976): 67–73 (in Russian).
- Bolhovitinov, N.N. ed. *Istorija Russkoj Ameriki (1732–1867 gg.)* [The History of Russian America (1732–1867)]. 3 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1997 (in Russian).
- Chevigny, H. *Russian America. The great Alaskan Venture. 1741–1867*. New York: Viking Press, 1965.
- Efimov, A.B. *Ocherki po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi*. Moscow: PSTGU, 2007 (in Russian).
- Fedorova, S.G. "Russkoe nasledie v sud'bah korenного naselenija Aljaski." [Russian legacy in the destinies of the indigenous population of Alaska]. *Tradicionnye kul'tury Severnoj Sibiri I Severnoj Ameriki*. Moscow, 1981: 43–259 (in Russian).
- . *Russkoe naselenie Alyaski i Kalifornii (konec XVIII v. – 1867 g.)* [The Russian population of Alaska and California (late 18th century – 1867)]. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian).
- Istomin, A.A., Gibson, Dzh. R., And Tishkova, V.A. eds. *Rossija v Kalifornii: russkie dokumenty o kolonii Ross i rossijsko-kalifornijskih svjazjah (1803–1850 gg.)*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2005 (in Russian).
- Hisamutdinov, A.A. "Russkiy San-Francisko." [Russian San Francisco]. https://www.e-reading.club/chapter.php/1032607/15/Hisamutdinov_-_Russkiy_San-Francisko.html (in Russian).
- Hulley, Cl.C. *Alaska 1741–1953*. Portland, 1953.
- Kapalin, G.M. *Pravoslavie na Aljaskе: retrospektiva razvitija v 1741–1917 gg.* Tver, 2014 (in Russian).

- *Russkaja pravoslavnaia cerkov' na Aljaske do 1917 g.* Moscow: OLMA Media Grupp, 2009 (in Russian).
- Kibrik, A.A. “Nekotorye foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo dialekta derevni Ninil'chik (Alyaska).” [Some phonetic and grammatical features of the Russian dialect of the village Ninilchik (AK)] In *Jazyk. Afrika. Ful'be*, 36–52. St. Petersburg; Moscow: Evropejskij dom, 1998 (in Russian).
- Korsun, S.A. “Russkoe nasledie na Alyaske.” [Russian heritage in Alaska]. Alyaska – Russkaya Amerika – Rossijsko-amerikanskaja kompanija. <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102> (in Russian).
- Moseikina, M.N. “Sud'by rossijskikh emigrantov (konec XIX–XX vv.)” [The fate of Russian emigrants (the end of 19th – of 20th)]. *Novaya i novejšaja istorija*, no. 3 (1998): 236 (in Russian).
- *U istokov formirovanija Russkogo mira. XIX – nachalo XX veka.* Vol. 1. Moscow: AIRO-XXI; St.Peterburg: Aletya, 2014 (in Russian).
- and Melihov, G.V. “Rossijskaja diaspora v XIX–XX vv.: vyzhivanie ili ischeznoenie.” [Russian Diaspora in the 19th – of 20th: survival or extinction]. *Russian history*, no.1. (2000): 208–213 (in Russian).
- Nasledov, V.G. “Vliyanie predstavitelej rossijskoj kul'tury na korennoe naselenie Severo-Vostochnoj chaste Tihookeanskogo regiona (konec XVIII – XIX vv.)” [The influence of the representatives of the Russian culture on the indigenous population of the North-Eastern part of the Pacific region (end of 18th – 19th centuries.)] PhD diss., Komsomolsk-na-Amure State University, 2016 (in Russian).
- Nitoburg, Je.L. “Russkie religioznye sektanty i starover v SShA.” [Russian religious sectarians and old believers in the United States] *Novaya i novejšaja istorija*, no. 3 (1999): 34–51 (in Russian).
- *Russkie v SShA: istorijai sud'by, 1870–1970: jetnoistoričeskij očerok.* Moscow: Nauka, 2005 (in Russian).
- Petrov, A.Yu., mitropolit Kliment (Kapalin), and Malahov M.G. eds. “Istorija i nasledie Russkoj Ameriki.” [The history and heritage of Russian America]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, no. 12 (2011): 1090–1099 (in Russian).
- Ruchkin, A.B. “Russkaja diaspora v Soedinennyh Shtatah Ameriki v pervoj polovine XX veka.” [The Russian Diaspora in the United States in the first half of the 20th century]. PhD thesis, Moscow University for the Humanities, 2007 (in Russian).
- Tihmenev, P.A. *Istoricheskoe obozrenie obrazovanija Rossijsko-amerikanskoi kompanii i dejstvija do nastojashhego vremeni.* 2 vols. St. Petersburg: tipografiya Eduarda Veimara, 1861–1863 (in Russian).

Submitted: 16 December 2017

For citation: Shevtsov, Dmitry V., and Ana Teresa Gutiérrez del Cid. “Sociocultural heritage of Alaska’s Russian-speaking population: traditions, customs, way of life.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 10–31. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-10-31.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49

СТЕПАН ВОСТРОТИН: СИБИРСКИЙ ВЗГЛЯД ИЗ ЭМИГРАЦИИ

М.В. Кротова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Россия, 191023, Санкт-Петербург, улица Садовая, дом 21
mary_krot@mail.ru

Настоящая статья посвящена малоизвестному эмигрантскому периоду жизни российского политического и общественного деятеля, бывшего депутата Государственной Думы от Енисейской губернии С.В. Востротина. В статье предпринята попытка через частную судьбу, используя антропологический подход, проанализировать возможности российских эмигрантов влиять на события в СССР в межвоенный период, выявить их отношение к советской политике, реконструировать представления о патриотизме. Статья основана на неопубликованных документах из ГАРФ, РГАСПИ, Бахметевского архива Колумбийского университета (США).

Ключевые слова: русская политическая эмиграция, С.В. Востротин, В.Н. Ковцов, Сибирь, Маньчжурия, Франция, межвоенный период

Введение

Революция 1917 г. и гражданская война вызвали значительный отток из России политических, научных и культурных сил. В разных странах на разных континентах образовались русские диаспоры, возникла Другая Россия, которая существовала по своим законам. Феномен российского Зарубежья является предметом изучения разных специалистов – историков, филологов, социологов, политологов, культурологов. Активно исследуются причины исхода, адаптация эмигрантов в чужеродной среде, вклад русской эмиграции в культуру стран-реципиентов. Одним из подходов для исследования русской эмиграции является персональная история, когда через частные судьбы высвечиваются не только стратегии поведения людей, но и отдельные проблемы российской истории.

В числе вынужденных изгнанников после 1917 г. за границей России оказались многие государственные и партийные деятели. Оставшись

не у дел, каждый выстраивал свою стратегию поведения. Не все из них смогли принять поражение белого движения, многие продолжили борьбу с советской властью в разных формах. Другие принялись осмысливать произошедшую в России революцию, причины, которые привели к ней, ошибки, совершенные прежней властью. Часть деятелей отошла от политики, занявшись наукой, преподаванием или элементарным выживанием.

Тем не менее, политическая эмиграция внимательно следила за тем, что происходило в Советской России. Отношение к родине среди этого слоя беженцев не было однозначным, оно имело все оттенки, от ненависти и обиды до любопытства и даже восхищения. В СССР в межвоенный период преобладало иронически-скептическое, порой равнодушное отношение к эмиграции как победителя к побежденным. В советской прессе был создан определенный образ эмигранта – неудачника, озлобленного, сломленного и никчемного, который чаще всего использовался для подчеркивания контраста между жизнью в СССР, наполненной идеей и смыслом, и жалкой судьбой беженцев. Однако, судя по огромным усилиям советских спецслужб, наблюдавших за русскими диаспорами в разных частях мира, было нечто такое, что вызывало беспокойство советской правящей верхушки, и заставляло вкладывать немалые средства в изучение и контроль за эмиграцией. Документы показывают, что иногда побеждал прагматический подход, понимание, что русская эмиграция обладала опытом, знаниями и связями, которые могли быть использованы Советской Россией. В настоящей статье предпринята попытка пролить свет на некоторые аспекты деятельности политической эмиграции, ее влиянии на советскую политику.

В качестве примера рассматривается судьба и деятельность С.В. Востротина, бывшего депутата III и IV Государственной Думы от Енисейской губернии. Он был известным сибирским деятелем, прославился своим путешествием с Ф. Нансеном по Северному морскому пути в 1913 г. Существует несколько работ, посвященных его политической и общественной деятельности. Анализ политических взглядов С.В. Востротина затронут в монографии Н.Н. Аблажей о сибирском областничестве¹. Историк и политолог А.А. Кара-Мурза посвятил главу своей книги «Интеллектуальные портреты» кадетской биографии Востротина², о его работе в Государствен-

---

¹ *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003.

² *Кара-Мурза А.А.* Степан Васильевич Востротин: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 143–154.

ной Думе упоминала в своей статье О.А. Харусь³. Сотрудник архива Российской Академии наук В.Н. Загребаева опубликовала несколько текстов С.В. Востротина из его архива⁴, написала о нем обстоятельный биографический очерк⁵. Однако об эмигрантском периоде жизни С.В. Востротина в этих работах сказано немного. Между тем сохранилось немало архивных документов, свидетельствующих о его активной работе в эмиграции, которая меняла векторы направления, но неизменно вдохновлялась мыслями о настоящем и будущем России.

В статье использован биографический метод, который позволил через индивидуальное жизнеописание выявить специфические способы взаимоотношений эмигрантов и страны исхода. Так, замечательная биография другого русского эмигранта из Китая Валерия Перелешина, созданная канадской исследовательницей О. Бакич, дала возможность автору передать все оттенки его латентных связей с родиной⁶. Методология статьи основана на сочетании микро- и макроисторического подходов и направлена на изучение биографии С.В. Востротина в контексте международных отношений на Дальнем Востоке.

Статья основана на неопубликованных материалах из ГАРФ, РГАСПИ, РГИА, Бахметевского архива. Дело в том, что часть бумаг Востротина в 1946 г. его вдова передала через посольство СССР в МИД СССР, откуда они поступили на хранение в архив Академии наук⁷. Большая часть архива

---

³ Харусь О.А. Парламентская тактика кадетов в III Государственной думе: опыт политической деятельности сибирских депутатов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. Январь. С. 155–163.

⁴ Загребаева В.Н. «Я приветствовал Нансена и других наших спутников». Воспоминания С. В. Востротина о морской экспедиции из Норвегии в устье Енисея в 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 104–146; Загребаева В.Н. «Вверх по Енисею»: из воспоминаний С.В. Востротина о путешествии с Ф Нансеном по Сибири в 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. М., 2012. № 3. С. 161–170; Загребаева В.Н. «С Нансеном в Петербург». Из воспоминаний С. В. Востротина. 1913 г. / публ. Загребаевой В.Н. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 137–148.

⁵ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>.

⁶ Bakich O. Valerii Pereleshin: life of a silkworm. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015. 391 p.

⁷ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 48–49.

С.В. Востротина оказалась в Бахметевском архиве в Нью-Йорке, где хранятся его письма, печатные и рукописные материалы, в том числе отрывки его воспоминаний⁸. Работу над мемуарами С.В. Востротин не успел закончить, они существуют в отдельных фрагментах, но, как и другие материалы его коллекции, представляют определенный интерес и позволяют воссоздать не только деятельность Востротина в эмиграции, но и его оценки советской политики, представления о путях развития России.

Цель настоящего исследования – через персональную историю, частную судьбу российского политического деятеля показать сложные отношения между эмиграцией и советской Россией, реконструировать представления эмиграции о патриотизме, приблизиться к пониманию феномена эмиграции.

Политическая карьера С.В. Востротина до 1920 года

Степан Васильевич Востротин (1864–1943) – крупный сибирский золотопромышленник, общественный и политический деятель, депутат III и IV Государственной Думы, член кадетской партии, был довольно известной личностью в Сибири. Его можно назвать *self-made man*. Дед его был приписным крестьянином на Каслинском заводе на Урале, затем работал на золотых приисках в Сибири, основал свое дело вместе с сыновьями, обосновавшись в Енисейске. Отец С.В. Востротина, который прошел путь от уральского горного рабочего до купца 1 гильдии, почетного гражданина г. Енисейска, постарался дать своим детям хорошее образование. С.В. Востротин окончил в 1887 г. Казанский ветеринарный институт, учился в Парижской медицинской школе, но после смерти отца в 1889 г. вынужден был вернуться в Россию, чтобы возглавить семейное золотопромышленное дело⁹.

В России Востротин с головой ушел в общественную и политическую деятельность. Еще со времен учебы на него большое влияние оказало знакомство с многими сибирскими политическими ссыльными, в Казани он входил в кружок сибирского землячества с широкими либеральными взглядами. В эти же годы он увлекся темой Северного морского пути. Познакомившись с английским капитаном Дж. Виггинсом, который неоднократно

---

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR). Collection of S. V. Vostrotin.

⁹ *Загребаева В.Н.* «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 4–10/

совершал рейсы по Северному океану, он решил во время свадебного путешествия в 1894 г.¹⁰ пройти с Виггинсом от Лондона через Карское море до Енисейска на одном из казенных туерных пароходов. Уже во время этого путешествия за ним был установлен полицейский надзор как за личностью «неблагонадежной в политическом отношении», замеченной в «сношении с членами “сибирского землячества”», в Петербурге и Енисейске отслеживались все его контакты¹¹.

С 1894 по 1899 г. Востротин был городским головой Енисейска. В 1905 г. вступил в партию народной свободы, возглавлял Красноярский комитет партии кадетов. В этот период он вошел в «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», активно печатался в сибирской и центральной прессе по вопросам состояния и развития Сибири. В 1911 г. Востротин был избран депутатом в III Государственную Думу вместо умершего в декабре 1910 г. В.А. Караулова¹². В 1912 г. стал депутатом IV Государственной Думы от Енисейской губернии¹³.

В 1913 г. он совершил новое полярное путешествие с Ф. Нансеном из норвежского города Тромсё в Енисейск на пароходе «Коррект», которое принесло ему общероссийскую известность. Ф. Нансен писал о нем в своей книге «В страну будущего»: «Степан Васильевич Востротин – золотопромышленник из Енисейска, бывший городской голова этого города, а в настоящее время член Государственной Думы, представитель края с почти миллионным населением. (Вот страна, достойная зависти!) <...> Лучшего спутника по Сибири у нас и быть не могло. <...> Свою родину и свое миллионное население он знал вдоль и поперек и являлся настоящим живым справочником по всем интересовавшим нас вопросам относительно условий местной жизни и труда. Кроме того, он сам в девяностых годах долгое время состоял совладельцем пароходства по Карскому морю и Енисею и даже приобрел для этого предприятия на собственные деньги несколько пароходов. В результате потерял немало денег, но обогатился

---

¹⁰ Женой Востротина стала Е.И. Кытманова, дочь енисейского купца, ставшая впоследствии известной певицей.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 92. Д. 313. Лл. 15 об, 19, 27, 28, 44, 56.

¹² Харусь О.А. Парламентская тактика кадетов в III Государственной думе: опыт политической деятельности сибирских депутатов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. Январь. С. 159.

¹³ В его личном деле указано: «Ветеринарный врач. Личный почетный гражданин. Имущественное положение – недвижимая собственность ценностью 15 тыс. руб.» // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 9. Д. 159. Л. 1. О его деятельности в Государственной Думе см.: [2, с. 146–148].

большим личным опытом в этой области»¹⁴. Во время поездки Востротин выступал в роли переводчика Нансена с английского на русский.

В период Первой мировой войны С.В. Востротин – член Главного комитета Всероссийского союза городов и Центрального военно-промышленного комитета, неоднократно посещал действующую армию. Осенью 1914 г. он вошел в руководящий Комитет Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, объездив многие города Сибири. Руководил Комиссией по текущим вопросам товарообмена между Россией и Англией в Русско-Английской торговой палате. На VI съезде кадетской партии в феврале 1916 г. Востротин был избран в состав кадетского Центрального комитета. С 27 февраля 1917 г. он – комиссар по продовольственным вопросам Временного комитета Государственной Думы, в дальнейшем – товарищ министра земледелия Временного правительства. Октябрьского большевистского переворота Востротин не принял, войдя в состав подпольного «Национального центра»¹⁵.

В начале 1918 г., как член ЦК кадетской партии, Востротин был направлен в Сибирь для организации борьбы с большевиками. Так он очутился на Дальнем Востоке, в Харбине, в ближайшем окружении Управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата, с которым был тесно связан до смерти генерала в 1937 г. На Дальнем Востоке он налаживал связи с различными политическими и общественными движениями, весной 1918 г. дважды посетил Японию для переговоров с японцами о помощи в борьбе с большевиками¹⁶. В этот период он был захвачен идеей возможности восстановления российской государственности.

В Харбине в 1918 г. оказалось немало различных общественных и политических деятелей, возникали многочисленные организации самого разного толка. Для координации действий и выработки единой платформы в июне 1918 г. в Харбине был созван т.н. Собор – совещание представителей различных дальневосточных организаций. Заседания собора происходили 5/18 июня 1918 г. под председательством С.В. Востротина, на обсуждение

---

¹⁴ Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг : Изд. К.И. Ксидо, 1915. С. 11–12.

¹⁵ Кара-Мурза А.А. Степан Васильевич Востротин: «Сибирь – продукт вольного народного завоевания...» // Кара-Мурза А.А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 151–152.

¹⁶ Загребаева В.Н. «Человек с биографией». Жизнь и деятельность Степана Востротина: люди, события, факты [Электронный ресурс] / В.Н. Загребаева // сайт «Архивы Российской академии наук». М., 2014. URL: <http://arran.ru/?q=publication&guid=CC67E8F6-3D2E-4452-A353-6D6FE899DA41>. С. 38–40.

был поставлен вопрос «об обращении к союзникам с просьбой о вооруженной помощи России против германо-большевиков». Вопрос о форме обращения и о условиях для союзников привели к расколу между членами совещания, после чего Д.Л. Хорват 4 июля 1918 г. образовал в Харбине Деловой кабинет «для беспартийной работы на благо и спасение Родины», объявив себя Временным правителем¹⁷. С.В. Востротин вошел в правительство Хорвата (Деловой кабинет) в качестве министра торговли и промышленности, в апреле 1919 г. стал представителем Хорвата – Верховного Уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке – в высших государственных установлениях. 1 августа 1919 г. был назначен председателем комитета Севморпути временного правительства А.В. Колчака.

С.В. Востротин в эмиграции: Харбин и Дайрен (1920–1929)

В начале 1920 г. после поражения колчаковских войск С.В. Востротин эмигрировал в Маньчжурию. Оказавшись в эмиграции в Харбине, он продолжал активную деятельность. В Харбин вместе с отступавшей армией прибыло много политиков, членов «белых» правительств. В 1920-х гг. ходила шутка, что в Харбине легко создать почти в полном составе совет министров Временного правительства. Востротин решил организовать газету, привлечь к ее изданию лучшие силы. В июне 1920 г. Управляющий дорогой Д.Л. Хорват передал Востротину редактирование газеты «Вестник Маньчжурии», издававшейся на средства КВЖД. Газета с новым названием «Русский голос» под редакцией Востротина начала выходить 1 июля 1920 года. Это была ежедневная газета, посвященная «защите русских национальных интересов на Дальнем Востоке». Она была поддержана субсидией от КВЖД, авторам хорошо платили¹⁸. Газета стала одной из лучших и авторитетных на Дальнем Востоке.

С.В. Востротин вел активную переписку с парижской группой кадетов, посылая номера «Русского голоса», сообщая о положении русского населения в полосе отчуждения КВЖД, политической ситуации на русском Дальнем Востоке. В Харбине Востротин был лидером местных несоциалистических организаций, возглавлял вместе с А.И. Коробовым Национально-государственное объединение, которое по своим политическим воззрениям было близко к кадетам, но до конца 1922 г. поддерживало японскую

---

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6091. Оп.1. Д. 146. Лл. 15–17.

¹⁸ По словам И.С. Ильина, одного из авторов, ежемесячные расходы «Русского голоса» в 1920–1921 гг. составляли 6–7 тыс. иен // ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

интервенцию на русском Дальнем Востоке. Об этом сообщил И.А. Фихман – председатель Владивостокского комитета кадетской партии – на заседании Парижской демократической группы партии народной свободы 19 января 1923 г.: «С.В. Востротин стоит на той точке зрения, что Япония опасности для края и России не представляет»¹⁹. За японофильскую позицию Востротин и его газета подвергалась нападкам как справа, так и слева.

О взглядах С.В. Востротина в тот период можно судить по отдельным высказываниям в прессе. Когда его попросили написать несколько строк для уезжающих на учебу в США харбинских студентов, он пожелал им «не только получить теоретические знания, но и пройти и усвоить практические методы американского народа в развитие своих производительных сил», т.к. «наша Родина, освобожденная от разрушителей народного хозяйства, будет особенно нуждаться в практических деятелях для восстановления своего сельского хозяйства, промышленности и торговли. Приобретенные знания и усвоенный американский опыт, приложенные к развитию неисчерпаемых природных богатств Родины, смогут в наиболее короткий период времени воссоздать великое государство. Только таким путем отправляющаяся для образования национально настроенная молодежь исполнит свой долг перед Родиной и совершит большое патриотическое дело»²⁰. Так, в представлении Востротина патриотизм мог быть только деятельным, приносить конкретные результаты, содействовать процветанию страны. Здесь надо заметить, что Востротин, как и многие эмигранты, верил в скорое «освобождение» России, жил надеждой на возвращение на родину.

Изменившаяся политическая обстановка на Дальнем Востоке, вынужденный отъезд Д.Л. Хорвата в Пекин, эвакуация белой армии и японских войск из Приморья в 1922 г. привели к сокращению «Русского голоса». Технические и материальные условия печатания газеты ухудшились. Усилившееся влияние СССР в Маньчжурии заставили русских беженцев приспособляться к новым условиям. «Русский голос» в редакционной статье от 1 января 1924 г. указывал на «упадочные настроения» в среде эмигрантов, выразившиеся в «утрате веры», «безволии», «недоверии» к себе и своим идеалам, «самооплевании», «трусливом отречении от прошлого», «бегства с выстрадавших идейных позиций». Причинами таких настроений, по мнению газеты, было «гипнотизирование силой большевиков», их «вкусом к власти и умением действовать», работа «перебежчиков» – сменове-

---

¹⁹ Протоколы заграничной группы конституционно-демократической партии: в 6 т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 6. Кн. 1. С. 32.

²⁰ Студенческая жизнь (Харбин). 1923. № 1. С. 37.

ховцев – по разложению эмиграции. Газета признавала, что главным мотивом уныния эмиграции было то обстоятельство, что власть большевиков «затянулась»²¹.

Новый управляющий КВЖД Б.В. Остроумов, заменивший Д.Л. Хорвата в 1921 г., лавировал между советским влиянием и интересами КВЖД. Не желая конфликтовать с советскими представителями, он оказывал давление на газету – сократил субсидии, затем выселил редакцию «Русского голоса» из помещения, учинив Востротину как редактору и издателю иск на неоплаченную сумму в 17 тыс. зол. руб. за пользование типографией КВЖД с 1920 по 1923 гг.²² Востротину в 1924 г. пришлось спешно уехать в Дайрен²³, чтобы избежать суда²⁴. К тому же ситуация в Маньчжурии обострилась после заключения советско-китайских соглашений о совместном управлении КВЖД: газета потеряла субсидию от дороги и не могла платить сотрудникам. С 31 января 1926 г. «Русский голос» изменил название на «Русское слово», редактором стал А.М. Спаский, затем А.И. Коробов. С.В. Востротин продолжал из Дайрена поддерживать связи с Харбином через А.И. Коробова и с Д.Л. Хорватом, проживавшим в Пекине. Известно, что в Дайрене Востротин совместно с генералом М.В. Ханжиным и другими эмигрантами занимался восстановлением русского кладбища, где находились братские могилы русских воинов, павших во время русско-японской войны. 5 апреля 1929 г. Хорват как глава Русской эмиграции на Дальнем Востоке назначил Востротина своим Уполномоченным на Квантунском полуострове и на концессиях Южно-Маньчжурской железной дороги. Но в этой должности Востротин пробыл недолго – в июне 1929 г. он уехал с женой в Париж.

С.В. Востротин – представитель дальневосточной эмиграции в Париже (1929–1943)

Во Франции Востротин стал представителем Д.Л. Хорвата и дальневосточной эмиграции в Париже. Он не оставлял активной деятельности, состоял членом нескольких русских эмигрантских организаций: был то-

---

²¹ Русский голос (Харбин). 1 января 1924. С. 1.

²² РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 689. Л. 4.

²³ Дайрен (бывший Дальний) – город в Южной Маньчжурии, находившийся на территории японской концессии, где была небольшая русская колония (около 300 человек).

²⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. М.: РГГУ, 2015. С. 806.

варищем председателя Русского национального комитета во Франции²⁵, участником парижской группы кадетов, почетным председателем Общества сибиряков и дальневосточников в Париже, членом совета Российского торгово-промышленного и финансового союза²⁶. Самые разные люди в эмиграции отзывались о нем неизменно уважительно, как о порядочном и честном человеке, который вел себя всегда с большим достоинством. Он поддерживал связи со всеми парижскими политическими и общественными организациями, читал лекции о Сибири и русском Дальнем Востоке.

В 1930-е гг. Востротин внимательно следил за успехами СССР в деле освоения Сибири и Арктики, в частности, Северного морского пути. В его бумагах сохранились вырезки из советских газет и журналов о спасении экспедиции Нобиле, плавании ледокола «Малыгин», полетах цеппелинов. Он старался не пропускать новинки советской научной литературы, делал подробные конспекты, например, книг А. Александровского и П. Матвеевой «Борьба за полюсы земли от Нансена до наших дней» (Ленинград, 1928), Р. Самойловича «S.O.S. в Арктике: экспедиция “Красина”» (Берлин, 1930), статьи Б. Лаврова «Первая Ленская» (Новый мир, 1935. № 6–8), О.Ю. Шмидта «Поход Челюскина», В.И.Воронина о челюскинцах и другие²⁷.

Судя по переписке с генералом Д.Л. Хорватом, а также статьям и выступлениям, Востротина чрезвычайно волновала судьба русской Маньчжурии. Дело в том, что с 1932 г., после оккупации Маньчжурии Японией и создания государства Маньчжоу-Го СССР постепенно сдавал свои позиции в этом регионе. Востротин надеялся, что его опыт политического деятеля, знание международной ситуации на Дальнем Востоке будут востребованы. В 1932 г. он опубликовал в лондонском журнале «The Slavonic and East European Review» большую статью «Русские интересы в Маньчжурии», в которой заявил, что для русского населения Маньчжурии могут открыться новые перспективы, т.к. образованное в 1932 г. государство Маньчжоу-Го обещало равенство в правах всех национальностей, включая русских. Востротин в статье объединил русские интересы в Маньчжурии и международное значение КВЖД, чье будущее, по его мнению, было тесно связано с возрождением Сибири и России: «Сотрудничество России, Япо-

---

²⁵ Русский национальный комитет (РНК) был создан в 1921 г. в Париже как центральный орган Русского национального союза для политической борьбы против большевизма и попыток соглашения с ним, содействия деятельности эмигрантских учреждений и организаций, защиты интересов российских беженцев.

²⁶ *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 10.

²⁷ Collection of S.V. Vostrotin. Box № 3. BAR.

нии, Китая, Маньчжурии и других стран приведет к процветанию Востока. Наше русское спасение будет спасением для всех»²⁸.

Оккупация Маньчжурии Японией в 1931 г. породила надежды на успех русского дела, однако этого не случилось. Даже среди активных антибольшеви́ков, видевших в японцах союзников в антисоветской борьбе, иллюзии вскоре исчезли. Паназиатская идея японцев – «Азия для азиатов» – явно расходилась с русскими национальными интересами. Япония выдавливала русских из Маньчжурии, и в конечном итоге СССР признал продажу КВЖД единственным способом ликвидировать постоянный источник «недоразумений и конфликтов»²⁹. 25 июня 1933 г. в Токио начались переговоры между представителями СССР и Маньчжоу-Го о продаже дороги.

С.В. Востротин был чрезвычайно взволнован возможностью продажи дороги и старался пробудить интерес к этому вопросу в среде российской политической эмиграции. Он предложил Русскому национальному комитету выступить с политическим заявлением и направил этот текст в несколько парижских эмигрантских газет, в частности, в «Возрождение» и «Последние новости», однако ни та, ни другая газета не напечатали его. Только газета «Россия и славянство» опубликовала обращение Русского национального комитета «к мировому общественному мнению», назвав возможную продажу КВЖД «позорной капитуляцией», «предательством национальных интересов России», «бесчестной торговлей русским государственным достоянием», «паническим отступлением» перед Японией, свидетельствующем о «государственном бессилии кремлевских деспотов». А.В. Карташев, председатель Русского национального комитета, заявил: «Бросовую продажу КВЖД мы переживаем как новый этап крушения имперского здания России, как обвал его дальневосточного крыла»³⁰.

С.В. Востротин в письме Д.Л. Хорвату в Пекин 24 июля 1933 г. сетовал на отсутствие интереса к дальневосточным проблемам в Париже, на «равнодушное отношение» к продаже КВЖД в редакции «Возрождения», как к «обыкновенному явлению, которое должно было случиться рано или поздно». «В отношении же агрессивности японцев, – продолжал он в письме, – они (редакция «Возрождения» – М.К.) будто бы получили заверения из высокоавторитетных кругов об отсутствии таковой и потому не видят оснований к беспокойству. Что же касается “Последних новостей”, где я говорил с П.Н. Милюковым, то последний никогда не сомневался в агрес-

²⁸ *Vostrotin S.A Russian View of Manchuria // The Slavonic and East European Review. London, 1932. Vol. 11. № 31. P. 36.*

²⁹ *Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 15. М.: РГГУ, 1969. С. 791.*

³⁰ *Карташев А.В. Забвение трагедии // Россия и славянство (Париж). 1933. 1 июля. С. 4.*

сивности японцев, но не поместил обращение Национального комитета вследствие с политическими расхождениями с последним, сам же высказать свой взгляд по поводу продажи КВЖД все откладывает за недосугом»³¹.

Между тем переговоры о продаже КВЖД в Токио замедлились из-за вопроса о цене дороги. 3 июля 1933 г. был опубликован Меморандум делегации СССР об основных принципах выкупа КВЖД, в котором уточнялось имущество дороги и была предложена сумма – 250 млн золотых рублей, что соответствовало 625 млн иен³². В ответ правительство Маньчжоу-Го предложило 50 млн иен, потом удвоило цену. СССР согласился снизить свои требования до 170 млн иен, потом до 160 млн иен, что соответствовало 56 млн золотых рублей. Торг продолжался с перерывами в переговорах и на фоне давления со стороны японской прессы, гонений и арестов советских граждан на КВЖД. Но в целом в вопросе продажи КВЖД СССР заняло довольно уступчивую позицию.

В связи с переговорами о продаже дороги представляет интерес записка, переданная Я.С. Аграновым (ИНО ОГПУ) И.В. Сталину в ноябре 1933 г. Этот документ, в частности, проливает свет на многие аспекты деятельности С.В. Востротина в Париже. Записка представляет собой агентурное сообщение, поступившее в ИНО ОГПУ из Парижа из «близкого окружения» В.Н. Коковцова, «обычно хорошо осведомленного». На документе есть надпись Сталина синим карандашом: «Т. Ворошилову. Советую прочесть. Интересный документ», сохранились также его пометы в тексте³³. В записке сообщалось о встрече в Париже В.Н. Коковцова и С.В. Востротина в японском посольстве, их точка зрения на события в Маньчжурии и по вопросу продажи КВЖД, затрагивались вопросы политики Японии на Дальнем Востоке, а главное, возможной цены КВЖД.

По словам информатора, Коковцов, «как хорошо осведомленное лицо об общем экономическом положении дороги», определил минимальную стоимость КВЖД в 125 млн зол. рублей, и эта цифра потом фигурировала в переговорах в Японии. С.В. Востротин в записке охарактеризован как «бывший колчаковский министр, ныне японский агент», который приехал во Францию со специальной целью – «в качестве осведомителя японского министерства и партии Сейюкай, ... а потому его выводы в разговоре заслуживают внимания». Здесь же указывалось, что Востротин был близок к представителю ЮМЖД в Париже Сакамото, и что «3 – 4 месяца тому назад Востротина

³¹ Collection of S.V. Vostrotin. Box №1. BAR.

³² ДВП СССР. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1970. С. 395–397.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 186. Лл. 1–16.

изобличили в двойственной политике и фальшивом отношении к Японии». Оказалось, что несмотря на репутацию японофила, Востротин, напротив, придерживался антияпонских позиций. Сакамото поставил в вину Востротину его заявление, которое он сделал в своем докладе в Русском комитете объединенных организаций в 1932 г.: «Идти и призывать кого бы то ни было из иностранцев к образованию буферного государства [на Дальнем Востоке] нельзя». Кроме этого, по вопросу о КВЖД Востротин заявил, что лучшим выходом была бы нейтрализация дороги под международным контролем³⁴.

По словам Коковцова и Востротина, Япония хотела сделаться «единственным хозяином в Маньчжурии», не могла допустить существования советского представительства на КВЖД и надеялась, что создаваемые ею затруднения в движении и управлении КВЖД заставят советское правительство пойти на всевозможные уступки, «чтобы из боязни осложнений с Японией, которая может пойти на столкновение, получить хотя бы что-либо». Востротин считал, что Японии было выгодно затягивать переговоры для того, чтобы укрепить свое положение в Маньчжурии, после чего приступить к активным действиям, так как она «плановмерно проводит план укрепления на материке и оттеснения СССР от берегов Тихого океана»³⁵. Оба политика были обеспокоены возможным военным столкновением СССР и Японии на Дальнем Востоке. При этом Коковцов заметил, что если бы вопрос о КВЖД возник, когда он был в составе правительства, и если бы это грозило войной, то он был бы настойчивым сторонником продажи дороги, конечно, при условии «правильной и добросовестной оценки ее стоимости», каковую в сумме 50 млн иен, предлагаемых японцами, он считал «просто смешной»³⁶.

Коковцов считал, что японцы «приняли самоуверенный тон, предъявив почти ультимативные условия о продаже дороги», недооценив положение СССР на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб не учел силы советского воздушного флота, его мощности, техники и кадров военных летчиков. Коковцов не сомневался в том, что «ввиду твердого положения, занятого за последнее время советским правительством и ввиду неподготовленности японского генштаба в отношении воздушных сил, переговоры о продаже продвигнутся вперед», но предполагал, что из-за стремления советского правительства «кончить дело миром» СССР уступит права КВЖД за меньшую сумму³⁷.

---

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 186. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 7.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 15.

Вряд ли Коковцов и Востротин считали, что их мнение и советы будут услышаны советской стороной. Но несомненно, что их выступление в японском посольстве в Париже не осталось без внимания И.В. Сталина и высшего руководства страны, косвенно повлияло на оценку стоимости КВЖД и политику СССР в Маньчжурии. В конечном счете, после торгов Япония согласилась на цену, близкую к предполагаемой русскими эмигрантами. 23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД). Дорогу продали за 140 млн иен, из которых 46 700 тыс. иен должны были быть выплачены наличными, а оставшиеся 93 300 тыс. иен – товарами. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов в интервью корреспондентам японских газет подчеркнул, что продажа КВЖД – «одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке» и «разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем»³⁸.

Продажа дороги стала поводом для анализа Востротиним российской политики на Дальнем Востоке. В статье «Русский кризис на Дальнем Востоке: сибирский взгляд» он проследил этапы появления России в Маньчжурии и постепенной утраты своих позиций, итогом которых стала продажа КВЖД – «тяжелый удар по интересам России». Для Востротина это означало «последнее отступление из Маньчжурии, и то, что она никогда не вернется туда»³⁹. Потеря КВЖД стала, по его мнению, «переломом позвоночного хребта русского великана», «утратой наиболее важного звена в Транссибирской магистрали, которая без КВЖД остается как река без устья»⁴⁰. В его личном архиве сохранились тексты других его выступлений 1935 г.: «О продаже КВЖД», «Гибель русского дела в Маньчжурии».

Востротин с горечью писал о том, что Япония одержала «величайшую бескровную победу» над СССР, вытеснив окончательно Россию из Маньчжурии: «Большевики проявили свое полное бессилие и еще раз подчеркнули свою полную неспособность к защите жизненных интересов русского государства». Продажу дороги он назвал «актом предательства национальных интересов России», которая такой сделкой «покупала продолжение своего существования»⁴¹.

После продажи КВЖД для С.В. Востротина окончательно стала ясна политика японцев по вытеснению русского влияния в Маньчжурии – ре-

³⁸ ДВП СССР. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1973. С. 178–179.

³⁹ *Vostrotin S. Russia's Crisis in the Far East. A Siberian View // The Slavonic and East European Review. London, 1935. Vol. 14. № 40. P. 105.*

⁴⁰ Там же. P. 106.

⁴¹ *Востротин С.В. Гибель русского дела в Маньчжурии [1935] // Collection of S.V.Vostrotin. Vox № 1. BAR.*

прессии против эмигрантских организаций, аресты, высылки из Маньчжурии русских общественных деятелей, произвол и насилие, установление на оккупированной территории полицейского тоталитарного режима. Все связи с Западной Европой эмигрантским организациям в Маньчжурии были запрещены. Востротин, как и многие, понимал, что в союзе с японцами была потеряна последняя, пусть и иллюзорная, независимость и самостоятельность эмиграции, и ее роль при японцах стала унижительной и жалкой.

После смерти генерала Д.Л. Хорвата в 1937 г. в Пекине Востротин, сожалея, что тот не успел закончить свои мемуары, принялся составлять свои воспоминания, но подготовить их к печати так и не успел. Оккупация Франции в 1940 г. заставила его переехать в Ниццу, где он скончался 1 мая 1943 г. С.В. Востротин был похоронен на местном русском кладбище Кокад.

Выводы

Оказавшись за границей, часто не по своей воле, большинство эмигрантов и в Европе, и в Китае, и в Америке понимали, что белое движение потерпело поражение, не верили в возможность вооруженного сопротивления и искали смысл существования эмиграции. Часть эмиграции эмансипировалась, отделилась от России, перестала воспринимать страну как свою, с ее поражениями и победами. Это позволяло смотреть на нее без ненависти, иногда с любопытством, но бесстрастно, как на чужую страну. Другая часть эмиграции не могла смириться с таким положением, искала точки применения своих сил в публицистике, общественной и благотворительной работе, образовании, просвещении.

Надо отметить, что несмотря на враждебность и неприятие большевистских лозунгов и идеологии, для эмигрантов СССР все равно оставался Россией, и они не могли не переживать за все происходившее в стране, чувствовали сопричастность к тому, что происходило на родине. В понятие патриотизма вкладывали разные смыслы. Для большей части эмигрантов патриотизм был связан с сохранением «старой» России, противоположной «советской». Для других это были не только приверженность русским традициям, но и гордость за ее достижения. Задачей многих эмигрантов стало сохранение доброго имени России, поддержка за границей уважения и симпатии к своей стране.

С.В. Востротин, оказавшись в эмиграции, не мог смириться с бездействием. Он был убежден, что должен служить восстановлению России и ее процветанию. Патриотизм для него, как и для многих эмигрантов, заключался в том, чтобы быть полезным своей родине, возрождение которой

представлялось несомненным. Миссию эмиграции он видел в том, чтобы подняться над идеологией, личными обидами, защищать национальные интересы России, даже не имея шансов вернуться на родину. Понимая свои скромные возможности и невысокий политический вес эмиграции, он, тем не менее, своими статьями, выступлениями, анализом международной ситуации и советской политики старался привлечь внимание к проблемам Сибири и русского Дальнего Востока.

Вряд ли Востротин верил в то, что его голос мог быть услышан по ту сторону границы. В СССР к 1930-м гг. на официальном уровне отношение к русской политической эмиграции было негативным, отдельные фамилии известных русских деятелей вообще не упоминались, другие были оклеветаны. Однако аналитические данные советской разведки показывают, что мнения и действия эмиграции не только были под прицельным вниманием спецслужб, но и принимались во внимание при принятии важных политических решений. История С.В. Востротина дает нам лишние свидетельства того, что русская политическая эмиграция влияла на страну исхода гораздо сильнее, чем принято думать.

© Кротова М.В., 2018

Рукопись поступила в редакцию 21 ноября 2017 г.

Для цитирования: *Кротова М.В.* Степан Востротин: сибирский взгляд из эмиграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 32–49. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49.

STEPAN VOSTROTIN: A SIBERIAN'S VIEW FROM EMIGRATION

Mariia V. Krotova

Saint-Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia
mary_krot@mail.ru

This article is devoted to the little-known emigration period of life of Russian political and public figure S.V. Vostrotin (1864–1943), who was a businessman, owner of gold mines in Siberia, deputy of the III and IV State Duma. There are many archival documents, evidence of his active work in exile. There is used the anthropological approach which allowed the

author to analyze the possibility of the Russian emigrants to influence the events in the Soviet Union, to reveal their attitude to the Soviet policy, to reconstruct their ideas of patriotism. Being in exile in Manchuria, and then in France, S.V. Vostrotin was convinced that he should preserve the ties with the Russian people in the Soviet Russia. In his opinion, the mission of his emigration consisted in rising above ideology, personal grievances and in protecting the national interests of Russia, even having no chance of returning to the motherland. Realizing his modest ability and the insignificant political weight of emigrants, nevertheless, through his articles, speeches, analysis of the international situation, he sought to draw attention to the problems of Siberia and the Russian Far East. Russian political emigrants were closely watching the events in the Soviet Russia. There was also the reverse process – the Soviet Union invested heavily in the study and control over emigrants. The analytical data of the Soviet intelligence show that the opinions and actions of emigrants were not only under close scrutiny of the secret services, but were also taken into account in making important political decisions, particularly in Manchuria. It was unlikely that Vostrotin believed that his voice would be heard abroad. However, the document from the Stalin archive gives us extra evidence that Russian political emigrants influenced the country of origin much more than it is generally thought.

Keywords: Russian emigrants, S.V. Vostrotin, V.N. Kokovtsov, Siberia, Manchuria, France, interwar period

REFERENCES

- Ablazhei, N.N. *Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii*. Novosibirsk, 2003 (in Russian).
- Bakich, O. *Valerii Pereleshin: life of a silk worm*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 102, op. 9, d. 313.
- GA RF, f. P-6091, op. 1, d. 146.
- GA RF, f. P-6599, op. 1, d. 8.
- Kara-Murza, A.A. Stepan Vasil'evich Vostrotin: “Sibir’ – product vol’nogo narodnogo zavoevaniya.” [Stepan Vasil'evich Vostrotin: “Siberia – the product of the free people’s conquests”] *Intellektual’nye portrety. Ocherki o russkikh myslitelyah XIX–XX vv.* Moscow, 2009: 143–154 (in Russian).
- Kartashev, A.V. “Zabvenie tragedii.” [Oblivion tragedy] *Rossiya i slavyanstvo* [Russia and Slavdom], July 1, 1933 (in Russian).
- Kharus, O.A. “Parlamentskaya taktika kadetov v III Gosudarstvennoi Dume: opyt politicheskoi deyatelnosti sibirskikh deputatov.” [The parliamentary tactics of the Cadets in the III State Duma: political experience of Siberian deputies] *Tomsk State University Journal*, no. 402 (2016): 155–163 (in Russian).
- Krotova, M.V. “Stepan Vasil'evich Vostrotin: sud’ba emigrant.” [Stepan Vasil'evich Vostrotin: the fate of emigrant]. *Berega*. St. Petersburg, no. 15 (2012): 62–67 (in Russian).
- Nansen, F. *V stranu budushchego. Velikii sibirskii put’ iz Evropy v Sibir’ cherez Karskoe more*. Petrograd, 1915 (in Russian).

- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* (thereafter – RGASPI) [Russian state archive of socio-political history], f. 558, op. 11, d. 186.
- Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* (thereafter – RGIA) [The Russian state historical archive], f. 323, op. 4, d. 689.
- RGIA, f. 1268, op. 9, d. 159.
- Russkij golos (Harbin), January 1, 1924.
- Studencheskaja zhizn' (Harbin). № 1. (1923): 37.
- Vostrotn, S. “Russia’s Crisis in the Far East. A Siberian View.” *The Slavonic and East European Review* 14, no. 40 (July 1935): 98–117.
- Vostrotn, S.A. “Russian View of Manchuria.” *The Slavonic and East European Review* 11, no. 31 (1932): 20–36.
- Zagrebaeva, V.N. “Chelovek s biografiei”. *Zhizn' I deyatel'nost' Stepana Vostrotna: ludi, sobytiyai fakty*. Moscow, 2014 (in Russian).
- “S Nansenom v Pererburg”. Iz vospominanii S.V. Vostrotna. 1913 god.” [“With Nansen to Petersburg”. From the memoirs of S.V. Vostrotna. 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 3 (2013): 137–148 (in Russian).
- “Ya privetstvoval Nansena i drugih nashih sputnikov”. Vospominaniya S.V. Vostrotna o morskoi ekspeditsii iz Norvegii k ust'u Eniseya v 1913 godu.” [“I welcomed the Nansen and our companions”. Reminiscences of S. V. Vostrotnin about a naval expedition from Norway to the mouth of the Yenisei in 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 4 (2008): 104–146 (in Russian).
- “V verh po Eniseu”: iz vospominanii S.V. Vostrotna o puteshestvii s F. Nansenom po Sibiri v 1913 godu [“Up the Yenisei”: from the memoirs of S. V. Vostrotnin about the trip with F. Nansen to Siberia in 1913] *Istoricheskii arhiv*, no. 3 (2012): 161–170 (in Russian).

Submitted: 21 November 2017

For citation: Mariia V. Krotova. “Stepan Vostrotnin: a Siberian’s view from emigration.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 32–49. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-32-49.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ПОЛЬШЕ В 1919–1939 ГГ.:
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Т.М. Симонова^а, П. Глушковский^б

^а Независимый исследователь

ivansimo@ya.ru

^б Институт русистики Варшавского университета

02-678, Польша, Варшава, ул. Штурмова, 4

p.gluszkowski@uw.edu.pl

В статье рассмотрены основные проблемы истории русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг. на основе изучения российских и польских архивов и в контексте современной российской и польской историографии. Выявлены и критически осмыслены материалы основных фондов по изучаемой проблеме в польских архивах. Подведены промежуточные итоги изучения истории русской эмиграции в Польше в рассматриваемый период российскими и польскими исследователями. Авторы пришли к выводу, что в силу ряда причин в российской историографии на настоящий момент отсутствуют комплексные исследования в области истории русской эмиграции в Польше в межвоенный период. В то же время польская историография вышла на качественно новый уровень исследований. Здесь наблюдается заметный интерес к изучаемой проблеме, свидетельством чему является открытие новой учебной и научной специальности (эмигрантология) в польских высших учебных заведениях, частью которой стала история русской эмиграции в Польше.

Ключевые слова: русская эмиграция, Польша, военная эмиграция, культура русской эмиграции, эмиграция первой волны

Введение

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена рядом современных процессов как в польском, так и российском социуме. М. Хандельсман, выдающийся польский историк и историограф, «отец и дед» современной

польской историографии, почти столетие назад отметил, что история как наука приступает к решению тех проблем, «которые волнуют общество, но переносит их на почву исторического прошлого»¹.

Проблематика статьи актуализирована необходимостью развития конструктивного диалога по дискуссионным проблемам истории и современных российско-польских отношений. Революционные события 1917 г. в России, Брест-Литовский мирный договор (1918 г.); Версальский мирный договор (1919 г.), и , наконец, Рижский мирный договор (1921 г.), завершивший советско-польскую войну, – эти события обусловили непростой характер советско-польских отношений более чем на два последующих десятилетия.

Последствиями этих перемен стала первая волна русской эмиграции, среди представителей которой была значительная масса людей, говоривших на русском, польском, белорусском, украинском и других языках этого региона. Многим из них (оптантам) предстояло выбрать то государство, с которым в дальнейшем была связана их жизнь и будущее их детей; другие готовились к репатриации на родину, где их ждала полная неизвестность.

Насколько актуальна в настоящее время в российской историографии проблема истории первой волны русской эмиграции в Польшу (1919–1939)? В частности, история военной эмиграции продолжает оставаться одной из наиболее популярных тем в российской историографии в контексте 100-летней годовщины Первой мировой войны и приближающейся годовщины Гражданской войны в России. Вышло и продолжает выходить значительное число исследований и публикаций документов, проливающих новый свет на ряд вопросов изучаемой проблемы; их перечисление выходит за рамки объема данной статьи.

С приближением 100-летнего печального юбилея советско-польской войны 1920 г. актуализируется тема создания антисоветских частей в Польше как части Белой армии, а также судеб их военного руководства. Если первая часть этой проблемы относительно полно исследована [2–5], то персоналии, их судьбы, деятельность военного руководства, а также адекватная оценка деятельности Б.В. Савинкова в Польше требуют дополнительных архивных и источниковедческих изысканий, как в отечественных, так и зарубежных архивах. В частности, значительный материал о русском беженстве и эмиграции в Польше содержит Архив Лиги Наций, размещенный в настоящее время в открытом доступе².

---

¹ *Handelsman M.* Historyka: zasady metodologii i teorii poznania historycznego. Wyd. 2. W., 1928. P. 284.

² Архив Лиги Наций: UNOG Registry, Records and Archives Unit, 1870 (Archive). URL: <http://biblio-archive.unog.ch/detail.aspx>.

Если материалы российских архивов, и прежде всего богатые фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)³, активно вводятся в научный оборот отечественными и рядом польских историков, то польские «русские» фонды исследованы недостаточно. В частности, значительный интерес представляют материалы фондов Архива Новых Актов (AAN, Warszawa, далее – АНН)⁴, прежде всего – фонд Русского комитета в Варшаве (позже – Русского комитета в Польше, Русского общественно-го комитета; далее – РК) – первой русской организации, решение о создании которой было принято членами русской колонии 27 декабря 1918 г. Проект Устава комитета, разработанный в январе 1919 г. как общепольской русской организации, был отвергнут министром иностранных дел второй Польской республики Л. Василевским, поскольку в качестве одной из задач инициаторы прописали исполнение комитетом консульских функций. Устав был зарегистрирован в форме, разработанной польским Министерством внутренних дел 12 февраля 1919 г., но учредители поставили задачу «стремиться к первоначально поставленной цели» – созданию в лице РК «суррогата русского национального центра с консульскими функциями»⁵.

И подобных материалов еще достаточно много хранится в фондах польских архивов, что говорит о перспективе изучения поставленной в данной статье научной проблемы.

Русская колония в Польше: особенности и выдающиеся представители

Особенностью русской колонии в Польше было то, что многие ее представители были связаны тесными профессиональными и имущественными узами с Царством Польским (1815–1916 гг.) и Королевством Польским (1916–1918 гг.), многие приобрели польское гражданство с момента образования Польской республики. Эмигранты в вопросе нату-

---

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Фонды: Р5841 (Варшавская группа кадетов, Партии Народной свободы); Р5872 (Народный союз защиты Родины и Свободы), Ф. Р8262 (Русский общественный комитет), Р6147 (Редакция газеты «Свобода», «За свободу»), Р6124 и Р7502 (Секция и Общество русских военных инвалидов в Вильно), Р5814 (Попечительный об эмигрантах комитет в Польше) и др. А также личные фонды, важнейшим из которых является Ф. 5831 (Б.В. Савинкова).

⁴ Фонд Русского общественного комитета (1919–1939) // Archiwum Akt Nowych. URL: <http://www.aan.gov.pl> (дата обращения 20.11.2017).

⁵ Фонд Российского общественного комитета // ГА РФ. Ф. 8262. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

рализации вели себя по-разному: многие получили польские паспорта на основании разных причин и обстоятельств, другие сохраняли состояние безгражданства, имея регулярно продлеваемые «карты побыта» или Нансеновский паспорт. Третьи, получая визы при помощи РК, выезжали в другие европейские страны или на американский материк – преимущественно в Южную Америку. С 1920 г. сохранять членство в РК могли только лица без польского гражданства и выходили из его состава, если гражданство приобреталось.

В Польской республике имущественные законы разрабатывались исходя из идеи, что поместья (майораты) являются собственностью не частных владельцев, а Польского государства. Польская казна должна была их выкупать, определяя размер возмещения владельцам путем капитализации дохода, который российское правительство периода империи официально установило в момент пожалования⁶. В числе собственников земельной недвижимости, обращавшихся в РК, были эмигранты, осевшие и в других европейских странах: в частности, в 1938 г. в РК нанес визит известный политический деятель В.В. Шульгин; активную переписку по имущественному вопросу вела известная общественная деятельница во Франции княгиня С.А. Тенишева и другие. РК был посредником в имущественных спорах между Польским государством и представителями старинных княжеских родов Мещерских, Вяземских и других.

«Русские» фонды АНН содержат важные и пока не введенные в научный оборот документы, свидетельствующие об активной работе польских властей, направленной на стимулирование переезда русских эмигрантов в Латинскую Америку: Бразилию, Аргентину (этот аспект рассмотрен только в диссертации и монографии М.Н. Мосейкиной)⁷, а также Францию (рабочая эмиграция). Большой блок документов периода организации и интернирования русских антисоветских формирований в Польше включает, в частности, переписку представителя Главкома Русской армии в Польше П.Н. Махрова с Б.В. Савинковым⁸; Д.В. Философова с представителями

---

⁶ *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). Российская академия наук Институт славяноведения. М.: Издательство «Индрик», 1999. С. 91.

⁷ *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011; *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 годы: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 25.

⁸ Некоторая часть этих документов представлена в копиях в Архиве Дома Русского зарубежья им А. Солженицына (Ф. 39: Объединенный архивный фонд «Северо-Западная армия»: Северная Армия, Северо-Западная армия, Русские вооруженные силы на территории Польши, 3-я Русская армия).

Русского комитета в Польше, а также материалы о положении в лагерях интернированных частей.

Переписка РК с Министерством внутренних дел; с институциями Лиги Наций и их представителями в Польше: комитетом Ф. Нансена (В. Глоор), Бюро труда (L. Arnould), международным присутствием им. Ф. Нансена в Варшаве (баронесса Е.А. Фелькерзам) позволяет уточнить и расширить информацию о правовом положении беженцев в Польше на протяжении всего межвоенного периода.

На страницах архивных документов мы встречаем имена и высшего военного офицерства Белой армии – участников Первой мировой войны, и гражданской интеллигенции. Одной из ярких фигур, остававшейся «в тени своих непосредственных командиров» (прежде всего А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, П.С. Махрова)⁹, был участник русско-японской и Первой мировой войн, начальник штаба Кавказской туземной конной дивизии, генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович (1872–1929). Он родился на территории, вошедшей в состав Польской республики, и как минимум 10 лет после завершения военной карьеры прожил в своем родовом имении, где скончался и погребен.

Новые материалы о жизни и деятельности в Польше двоюродного дяди патриарха Алексия I, военного историка, генерал-майора П.Н. Симанского (1866–1938), одного из создателей 3-й Русской армии в Польше, мы находим в фондах АНН. Симанский, его отец и супруга Вера Николаевна (дочь главнокомандующего Северо-Западным и Северным фронтами Первой мировой войны, генерала от инфантерии Н.В. Рузского) похоронены на православном кладбище в Варшаве.

Начальник штаба 43-го армейского корпуса 12-й армии в 1915–1917 гг., генерал-майор М.А. Симонов (1871–?) – отец известного советского поэта и писателя К.М. Симонова и один из первых членов РК, некоторое время исполнял обязанности начальника штаба 3-й Русской армии в Польше, был учителем в русской гимназии, возглавлял Ревизионную комиссию РК.

Материалы архива позволяют расширить биографические сведения о Н.М. Рейнке¹⁰ – выдающемся русском юристе, члене Варшавской судебной палаты (с 1896 г.) и Особой Комиссии для кодификации местных узакон-

---

⁹ *Бондаренко В.* Генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович: штрихи к портрету. URL: <http://beloedelo.com/researches/article/?750>. – дата обращения – 20.11.2017.

¹⁰ *Правительствующий Сенат: краткий исторический очерк и биографии сенаторов / Сост. М.Л. Левенсон.* СПб.: Типо-литография С.-Петербургской Одиной Тюрмы, 1912. С. 157–158.

нений губерний Царства Польского (с 1899 г.), сенаторе с 1911 г.¹¹. Рейнке являлся одним из организаторов РК (членом его правления и заведующим юридическим отделом) и членом правления Церковного Совета. Работы Рейнке актуальны до сих пор, цитируются исследователями истории Польши, гражданского, общеимперского и местного польского права.

Мало исследована жизнь и деятельность известного общественного и религиозного деятеля К.Н. Николаева (1884–1965), автора ряда публикаций, в которых отражено положение русского меньшинства и православной церкви в Польше. «Юрисконсульт Варшавской митрополии в течение ряда лет, – писал профессор Свято-Сергиевского православного университета архимандрит Киприан, – близкий наблюдатель всего совершавшегося в пределах Польши, свидетель разрушения многих десятков православных храмов, борец за гонимое Православие в той же Польше и благодаря всему этому прекрасный знаток всего дела, К.Н. Николаев зорко следил и за развитием любвеобильной попечительности римских апостолов в среде отколовшихся от Рима “схизматиков”»¹². В 1931 г. польские власти выслали его в Югославию. После Второй мировой войны он стал председателем Общества русских юристов в Германии; скончался уже в США. Материалы польского архива позволяют осветить деятельность К.Н. Николаева в Польше.

Новую информацию можно получить о польском периоде жизни поэта, журналиста, историка, политического и общественного деятеля Русского зарубежья Б.А. Евреинова (1888–1933). По согласованию с Б.В. Савинковым в качестве представителя «Центра Действия» он приехал в Польшу, где на него была «возложена задача технической организации проникновения в Советскую Россию и связи с антибольшевистскими организациями»¹³.

Евреинов занимал должность начальника канцелярии управления интернированных антисоветских формирований (Упин). До своего отъезда в Прагу весной 1923 г. (где по представлению профессора А.А. Кизеветтера был зачислен в члены Русской учебной коллегии) Евреинов был председателем культурно-просветительной комиссии РК.

---

¹¹ Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721 – 2.03.1917). Т. III. Р-Я / Сост. Е.Л. Потемкин. М.: Б.и., 2017. С. 27.

¹² Николаев К.Н. Восточный обряд. Париж: YMCA-press, 1950. С. 6; Николаев К.Н. Экспансия Рима в Россию. Восточный обряд (Рим – Польша – Россия). М.: Б. и., 2005. URL: <https://www.blagogon.ru/biblio/248/print>. С. 6.

¹³ Соколов М. Другая жизнь Бориса Евреинова. URL: <https://www.svoboda.org/a/460388.html> (дата обращения 21.11.2017).

Недостаточно исследован польский период в жизни уникальной русской женщины, медсестры периода Первой мировой войны, председателя Комитета Красного Креста в Польше Л.И. Любимовой. Она была сестрой известного ученого-экономиста М.И. Туган-Барановского, супругой Виленского губернатора и сенатора Д.Н. Любимова. Любовь Ивановна Любимова послужила прототипом героини повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет»¹⁴.

В Польше в течение двух лет (1922–1923) прожил А.Н. Вертинский¹⁵; дважды он обращался в советское консульство в Варшаве с просьбой о разрешении вернуться в Россию по совету советского полпреда П.Л. Войкова, однако в Москве Вертинскому в просьбе отказали¹⁶.

На территории Польши проживали многие русские литераторы. Некоторые из них, как, например, Д. Мережковский и З. Гиппиус, пребывали в Варшаве несколько месяцев – по пути в Париж и другие города Европы¹⁷. Русские писатели сотрудничали с польской интеллигенцией¹⁸. Новые архивные документы расширяют информацию о писателе М.П. Арцыбашеве, братьях Юрии и Сергее Войцеховских, поэте В. Брандте, супругах Е.С. и А.М. Хирьяковых, Союзе русских журналистов и литераторов в Польше, других русских организаций, контактировавших с РК.

Почти год членами РК в Варшаве состояли Екатерина Николаевна и Юлия Николаевна Рейтлингер (сестра Иоанна). Несмотря на то, что сестры приехали в Варшаву к родному отцу, известному экономисту Н.А. Рейтлингеру, Польша не стала для них новой родиной: в графических листах Юлии отразилось ощущение полного одиночества. Фрески сестры Иоанны, спасенные Н.А. Струве, были привезены в Россию в 2003 г. (одиннадцать щитов с сюжетами: «Рождество Богородицы», «Благовещение», «Рождество Хри-

---

¹⁴ Куприна-Иорданская М.К. *Годы молодости*. М.: Художественная литература, 1966. С. 56–70.

¹⁵ Вихорнов В.А. Александр Вертинский на экране и не только. Новосибирск: Изд-во «Свинья и сыновья», 2012.

¹⁶ Секачева Е.Р. Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). URL: http://nivistnik.ru/2001_3/13.shtml.

¹⁷ Gippius Z. *Dziennik petersburski* (1914–1919). *Dziennik warszawski* (1919–1920). W.: Czytelnik, 2010; Bialokozowicz B. *Józef Czapski i triumwirat literacki* (Dymitr Merezkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Fiosofow). Olsztyn: WSP, 1995.

¹⁸ Opacki Z. Marian Zdziechowski a emigracja rosyjska kontakty, opinie, refleksje // *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, / red. R. Backer, Z. Karpus, Łódź, 2002. S. 240–262; Sucharski T. *Rosja Czapskiego sprzed “nieudzkiej ziemi”* // *Słupskie Prace Filologiczne*. 2008. № 6. S. 55–72.

ство», «Крещение Господне», «Преображение», «Распятие», «Воскресение», «Сошествие Святого Духа на апостолов», а также Символы Евангелистов и 60 фрагментов от сюжетов Изгнания из Рая, Апокалипсиса и Небесной литургии). Ее работы обрели свое пристанище в Доме Русского зарубежья имени А.И. Солженицына в Москве¹⁹.

От посещения церкви во имя Марии Магдалины на Праге Варшавской у Юлии остались такие впечатления: «Холодом повеяло на меня от почти пустой церкви, к которой я подъехала на трамвае прямо с вокзала... Может быть, нельзя так говорить про церковь, но ведь невольно сравниваешь, что видишь здесь, с нашей там, в которой столько молитв и в которой льется как бы благодать»²⁰. Уместно отметить, что комплексно тема роли церкви Марии Магдалины в духовной, культурной, социальной жизни русской эмиграции и всей русской колонии в рассматриваемый период времени еще не исследована ни в польской, ни в российской историографии.

На пожелтевших страницах архивного собрания проявляются лица выдающихся деятелей русского сообщества в Польше, в их числе участник Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., видный богослов и настоятель митрополичьей церкви Марии Магдалины на Праге о. Терентий Теодорович с семьей²¹, настоятель Тухольской церкви священник о. Симеон (Великанов); а также русские инженеры, студенты и ученики русских школ, гимназий и курсов.

Основные направления и проблемы развития истории Русского зарубежья в Польше в отечественных исследованиях

В комплексном исследовании русской эмиграции важно изучение «культурной миссия пореволюционной эмиграции как наследия Серебряного века»²². Это направление является составной частью базовых учеб-

---

¹⁹ *Еремеева Е.* Судьба сестры Иоанны // *Иные берега*. 2009. № 1 (13). URL: <http://www.inieberega.ru/node/139>.

²⁰ *Попова Б.* Юлия Николаевна Рейтлингер // *Наше наследие*. 2008. № 87. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php>.

²¹ *Протопресвитер Михаил Польский* // *Новые мученики Российские*. Т. 3. Глава XVII. URL: <http://cliuchinskaya.blogspot.ru/2016/12/iii-xvii.html>.

²² *Березовая Л.Г.* Культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // *Новый исторический вестник*. 2001. № 3. URL: http://nivestnik.ru/2001_3/11.shtml.

ников и учебных пособий по культурологии как раздел «культура русской эмиграции»²³, который, в свою очередь, дробится на ряд подразделов: литература, театр, балет, кинематограф, издательское дело, образование и школа и т. д. Не все из этих направлений культурной жизни в Польше комплексно исследованы; исключением являются лишь раздел об истории русской эмигрантской литературы (О.В. Розинская и др.)²⁴ и православной литературы межвоенной Польши (Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская²⁵, Е.В. Федюкина²⁶), правовое положение беженства и эмиграции в Польше и некоторые другие.

Русская эмиграция в 20-е – 30-е гг. XX в. представляла из себя единый организм, связанный прежними традициями национальной русской культуры, и новыми традициями, создаваемыми в период изгнания (все-эмигрантские «Пушкинский юбилей», «Гатянин день» и др.). Неотъемлемой частью этого культурного пространства была эмиграция в Польше, культурная и общественная жизнь которой исследована фрагментарно. Отсутствуют «Биографические указатели» и «Хроники культурной и общественной жизни эмигрантов в Польше», хотя для реализации подобных изданий есть большой объем источников: архивных, публицистических, некрополистических.

Исследование некрополистики Русского зарубежья является одним из важнейших методов изучения его истории²⁷. Идея создания описи русских некрополей была высказана В.К. Николаем Михайловичем еще в 1904 г.²⁸. Не будет большим преувеличением утверждение, что, несмотря на ряд

---

²³ *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005.

²⁴ *Розинская О.В.* Русская литературная эмиграция в Польше: 1920–1930-е годы: дис... канд. филол. наук. М., 2000.

²⁵ *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература межвоенной Польши. М.: Индрик, 1998; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.). Минск: Нац. б-ка Беларуси, 2001.

²⁶ *Федюкина Е.В.* К вопросу о судьбах русской эмиграции и православной культуры Польши // Нансеновские чтения. СПб.: Б.и., 2010. С. 300–308; *Она же.* Просветительская деятельность митрополита Дионисия (Валединского) как определяющий фактор в развитии православной культуры II Речи Посполитой // XX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Зимняя сессия. М.: ПСТГУ. 2010. С. 327–331.

²⁷ *Рыхляков В.Н.* Некрополистика Русского Зарубежья // Известия Русского генеалогического общества. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2013. Вып. 25. С. 83–94.

²⁸ *Шилов Д.Н.* Неопубликованные материалы к «Русскому провинциальному некрополю» в фондах Российской государственного исторического архива. URL: <http://www.petergen.com/publ/shilovrpnrgia.shtml>.

дореволюционных публикаций²⁹ и публикаций польских историков³⁰, православное кладбище на ул. Вольской, 138/140, в районе «Воля» польской столицы, основанное в 1834 г., к настоящему времени практически не исследовано. Возможно, реализация проекта составления описи могил на Вольском кладбище А.В. Богинским и Л.Б. Жуковым³¹ восполнит этот пробел. Списки захоронений утрачены, что осложняет работу над проектом, итогом которого должна стать книга.

В научной литературе о Русском зарубежье имеет место многообразие определений принадлежности эмигрантского сообщества: употребляются термины «русский», т. е. его самоназвание в странах рассеяния; однако часть современных отечественных исследователей предпочитает термин «российский». На наш взгляд, в исследовании процессов рассматриваемого периода (эмиграция первой волны) уместнее пользоваться термином-самоназванием – «русская» эмиграция», «русское беженство», «Русский дом», соотнося их с самоидентификацией эмигрантов. Поскольку эмиграция из России продолжается и в наши дни, то применительно к современным процессам в научной литературе формируются новые термины, привлекающие внимание, как например, «русскоговорящее сообщество»³².

Нельзя сказать, что не предпринимаются попытки написания комплексных работ по истории эмиграции в Польше, но пока их нельзя назвать удачными. Работа А.В. Жукова «Российская военная эмиграция в Польше и ее военные последствия 1917–1945 гг.» была снята с защиты, ввиду крайней слабости историографической и источниковой базы. Главной слабостью диссертации А.А. Микуленок «Российская эмиграция в Польше (1917–1939)» являются методологические подходы и оценки, заимствованные из советской литературы, с применением устоявшихся советских формулировок периода 1970-х гг.; отечественная и зарубежная

---

²⁹ *Chodorowicz F.* Przewodnik po Warszawie i jej okolicach. W., 1873; *Москвич Г.Г.* Путеводитель по Варшаве. СПб.: Издательство путеводителей Гр. Москвича., 1914.

³⁰ *Paszkiwicz P., Sandowicz M.* Cmentarz Prawosławny w Warszawie. W.: PWN, 1992; *Гетка-Кениг М.* Православное кладбище в Варшаве // Новая Польша. 2007. № 11. URL: <https://novpol.org/ru/SkYEtufDsW/PRAVOSLAVNOE-KLADBIShE-V-VARShAVE> и др.

³¹ *Богинский А.В., Жуков Л.Б.* Проект составления некрополя Вольского православного кладбища в Варшаве (Польша) // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 25. Материалы XV Петербургских генеалогических чтений «Генеалогия и некрополистика»: Российская национальная библиотека, 17–18 июня 2011 г. СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2013. С. 103–106.

³² *Рязанцев С.В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84–94.

историография по теме представлена крайне слабо. Имеют место прямые заимствования, в частности, «вывод» автора о том, что «идея формирования крупной антисоветской организации под руководством Б.В. Савинкова непосредственно в Польше принадлежит лично У. Черчиллю», – дословно заимствован из публикации Симоновой Т.М. (2012 г.) и ее же монографии, изданной в 2013 г.³³.

В связи с рядом казусных утверждений в этой работе и некоторых работах отечественных историков выделим ряд принципиально важных особенностей истории Польши межвоенного периода. В частности, имеет место утверждение, что православные приходы оставались без священнослужителя, что приводило якобы к массовой смене вероисповедания. Известный церковный историк и богослов РПЦЗ, архимандрит Киприан, отметил лишь «нескольких печальных “обращений” православных священников в латинство и обратное затем их движение к Православию»³⁴. Массового движения к католичеству не было; более того, в 1939 г. в Польше насчитывалось 1725 настоятелей с викариями, 205 диаконов и 1593 псаломщика в 991-м приходе и 316-ти подворьях³⁵; в это же время в СССР действовало всего 100 храмов, на свободе оставалось только четверо правящих архиереев.

Представление о том, что некая советско-польская граница была абсолютно прозрачной для транзита эмигрантов и беженцев сразу после 1917 г., ставит под сомнение наличие германской оккупации польских земель, фронтов советско-польской и Гражданской войн на этой территории в 1918–1922 гг., в связи с чем пересекать линию фронта или разграничения было чрезвычайно сложно или практически невозможно. Межгосударственной границы в современном смысле слова до 1923–1924 гг. не существовало.

Географическое положение Второй Речи Посполитой – пограничного государства с большевистской Советской Россией и СССР, а также негативные исторические традиции обусловили высокую степень недоверия польского руководства как к русским монархистам, так и к совет-

---

³³ Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. Антисоветские формирования: 1919–1925 гг. М.: Квадрига, 2013. С. 7–8; 42–43, 288; Она же. Белые формирования в Польше («Отряд русских беженцев») в 1919–1921 годах // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57; Она же. Русские антисоветские формирования в Польше. М.: Б. и. 2013.

³⁴ Предисловие к книге: Николаев К.Н. Экспансия Рима в Россию. Восточный обряд (Рим – Польша – Россия). М.: Б.и., 2005. URL: <https://www.blagogon.ru/biblio/248/print>. (Дата обращения – 26.11.2017). Курсивом выделено авторами статьи.

³⁵ Kościół Prawosławny w Polsce dawniej i dziś (XIX, XX). Główny Urząd Statystyczny, Warszawska Metropolia Prawosławna. W., 1993. S. 62, 93.

ским большевикам. Деятельность политических партий и военных организаций русской эмиграции была строжайше запрещена; финансовая поддержка антисоветских формирований, проходившая через военное ведомство строго засекречена. После заключения Рижского мирного договора почти все высшие офицеры 3-й Русской армии были высланы из страны, позже за ними последовали многие офицеры среднего звена, руководство Российского Красного Креста и все лица, каким-либо образом заподозренные в принадлежности к офицерским союзам. Легально функционировал лишь Союз военных инвалидов в Вильно, который находился в контакте с РК.

После заключения Рижского мирного договора и провала военно-политического проекта Б. Савинкова он и шестеро его активных сотрудников по требованию НКВД и постановлению польского Сейма были высланы из страны в конце октября 1921 г., что положило конец их активной антибольшевистской деятельности. Архивные документы отечественных и польских архивов свидетельствуют, что все подозреваемые в монархической деятельности лица с 1926 г. были поставлены на негласный и открытый учет Вторым отделом польского Генерального штаба. При этом лидеры русской эмиграции либо сотрудничали с ним, либо полностью отдалялись от политической деятельности, либо уезжали в другие страны. Те проявления белоэмигрантской политической активности, которые были возможны в Германии, Франции, Сербии и других странах, были абсолютно исключены в Польше либо имели характер слабого отражения европейских эмигрантских инициатив.

Польская эмигрантология русской эмиграции первой волны

Польская историография русской эмиграции имеет значительный задел, начиная с исследований русской политической эмиграции начала 1970-х гг. А. Юзвенко³⁶ и С. Микулича³⁷, не потерявших научного значения до настоящего момента. В 1990-е гг. к теме русской и украинской военной и политической эмиграции в Польше обратился З. Карпус, издав большое коли-

---

³⁶ *Juzwenko A.* Polska a “biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.) Wr.; W.; Kr.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.

³⁷ *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. W.: Książka i Wiedza, 1971.

чество исследований³⁸. А. Ковальчик написал книгу о Б. Савинкове³⁹; общественную и культурную жизнь русской эмиграции подробно исследовали В. Станиславский⁴⁰, Ян Замойский и др.⁴¹.

Проблематика правового положения русских эмигрантов и беженства в Польше более подробно изучена российскими историками, однако и в польской историографии к ней проявлен интерес⁴². Устойчивый интерес в польском обществе сохраняется к личности и программе некоей «третьей» России Б. Савинкова, свидетельством чему является и недавнее переименование одной из улиц Варшавы в улицу Б. Савинкова. В этой связи отметим увлекательную работу А. Новака о восточной политике Ю. Пилсудского и концепции «трех России» как потенциально возможных направлений ее развития⁴³.

---

³⁸ *Karpus Z.* Emigracja rosyjska i ukraińska w Toruniu w okresie międzywojennym // *Rocznik Toruński*. 1983. № 16. S. 93–112; *Karpus Z.* Jeńcy wojenni i emigracja polityczna z Rosji na Pomorzu w latach 1914–1939. Procesy asymilacyjne, stosunek miejscowego społeczeństwa // *Migracje polityczne i ekonomiczne w krajach nadbałtyckich w XIX–XX w.* / Pod red. J. Borzyszkowskiego. Toruń-Gdańsk, 1997. S. 127–135; *Karpus Z.* Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w latach 1919–1920. Toruń: Wyd. UMK, 1999.

³⁹ *Kowalczyk A.S.* Sawinkow. W.: LNB, 1992.

⁴⁰ *Станиславский В.* Русская эмиграция в Варшаве // *Новая Польша*. 2002. № 5. http://novpol.org/ru/rkjOo_fDjW/RUSSKAYa-EMIGRACIYa-V-VARShAVE; *Станиславский В.* Согласие и раздоры. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // *Новая Польша*. 2006. № 7–8. С. 91–96; № 9. С. 35–40; *Stanislawski W.* Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności // *Sprawy narodowościowe. Seria nowa*. 1996. T. V. Z. 2 (9). S. 23–60; *Stanislawski W.* «Rycerz przegranej sprawy»? Kontakty Dymitra Filosofova z polskimi elitami kulturalnymi // *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Łódź, 2002. S. 313–328; *Stanislawski W.* Myśl polityczna emigracji rosyjskiej w II Rzeczypospolitej: interpretacje przeszłości i koncepcje polityczne: Praca doktorska / Instytut Historii Uniwersytetu Warszawskiego. W., 2002.

⁴¹ *Sielicki F.* Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej // *Slavica Vratislaviensia*. t. LXXXVIII. Wrocław. 1996. S. 73–82; *Zamojski J.* Biała emigracja rosyjska w Polsce; sytuacja, problemy (1919–1939) // *Imigranci i społeczeństwa przyjmujące: adaptacja, integracja, transformacja?* / Red. G. Waluga. W.: Neriton, 2000. S. 32–60; *Замойский Ян.* Русская (белая) эмиграция в Польше и ее польские связи (1918–1939) // *Культурные связи России и Польши XI–XX вв.* / *Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.* / Под ред. Н.И. Щавелевой. М.: УРСС, 1998. С. 170–189.

⁴² *Kicinger A.* Polityka emigracyjna II Rzeczypospolitej. Środkowoeuropejskie Forum Badań Migracyjnych w Warszawie / Central European Forum for Migration Research in Warsaw (CEFMR). Working Paper. 2005. № 4; *Zielińska-Balcerzak N.* Wybrane elementy sytuacji prawnej i politycznej emigracji rosyjskiej w pierwszych latach II Rzeczypospolitej // *Studia Iuridica Lublinensia*. Vol. XXIV. 2015. № 4. S. 151–164.

⁴³ *Nowak A.* Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kr.: Wyd. Arcana, 2008.

В настоящее время в Польской республике сформировалось несколько центров изучения русской эмиграции. Над исследованием эмигрантской литературы плодотворно работает группа в Ольштынском институте восточной славистики Варминско-Мазурского университета⁴⁴. Автор монографии о литературной и публицистической деятельности Д. Философова профессор И.А. Ндяе является членом редколлегии Ежегодника Дома Русского зарубежья. Почти каждый год она организует конференции, посвященные русской эмиграции в XX в., преимущественно первой волны. В настоящий момент к работе над проектом открыток, посвященных памятным местам «русской» Варшавы межвоенного периода, привлечены студенты университета.

В Варшаве под руководством профессора П. Митцнера, исследователя творчества Д. Философова⁴⁵, группа исследователей и переводчиков (Х. Дубик, Э. Скалиньска, Р. Шченсны, С. Кузюр) выявила тексты и издала в переводе на польский язык два тома избранных произведений литератора: «Трудная Россия (1900–1916)» и «Русский в Польше (1920–1936)». Второй том посвящен творчеству Д. Философова в эмиграции⁴⁶. Это первый научный сборник его произведений, которому нет аналогов на русском языке. Личность и творчество Д. Философова вызывает интерес и у других польских исследователей⁴⁷.

Вопросам русской эмиграции в Польше, прежде всего в Вильно, пристальное внимание уделяет П.М. Лавринец⁴⁸; он сотрудничает с польским историком А. Мохола, который ведет пополняемый сетевой ресурс о русской эмиграции в Польше⁴⁹.

---

⁴⁴ *Obląkowska-Galanciak I.* Gorzkie годы... Publicystyczna i literacka działalność Dmityja Filozofowa na emigracji. Olsztyn. 2001; *Ndiaye I.A.* Misja literatury emigracyjnej: («pierwsza fala» emigracji rosyjskiej) // *Acta Polono-Ruthenica*. 2007. № 12. S. 77–93; *Pisarki Rosyjskiej Zagranicy – w literaturze, kulturze i korespondencji* / Pod red. B. Kozak, I.A. Ndiaye. Olsztyn. 2016.

⁴⁵ *Mitzner P.* Warszawski krąg Dymitra Filozofowa. W., 2015; *Mitzner P.* Trudna przyjaźń: Dmityj Filozofow – Maria Dąbrowska – Stanisław Stempowski // *Pamiętnik literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej*. 2012. № 103. S. 239–257.

⁴⁶ *Filozofow D.* Pisma wybrane. Rosjanin w Polsce (1920–1936). T. 2 // Red. P. Mitzner. W.: Wyd. Un-tu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015.

⁴⁷ *Nowak A.* Dymitr Filozofow: dyskusja z polską «mickiewiczologią» czy z polskim kompleksem? // *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki, polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.* / red. L. Zasztowt. W., 2013. S. 330–354.

⁴⁸ Список работ П.М. Лавринца представлен на его сайте в разделе «Публикации»: <https://lavrinec.jimdo.com/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/>. – дата обращения 26.11.2017.

⁴⁹ [mochola.org/russiaabroad](http://www.mochola.org/russiaabroad). URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/rusemig_pl.htm (дата обращения 26.11.2017)..

В Краковском университете группа профессора Л. Суханека, которого можно считать отцом польской эмигрантологии, исследует историю русской эмиграции в Польше в культурологическом и литературоведческом аспектах⁵⁰; а его курс «Русская эмиграция» стал частью учебной программы. В 2008–2013 гг. при Комитете славяноведения Польской Академии наук действовала Комиссия славянской эмигрантологии во главе с Л. Суханеком; которая внесла значительный вклад в исследование зарубежного культурного и литературного достояния славянских народов (прежде всего русских, белорусов и украинцев). В настоящий момент Комиссия славянской эмигрантологии входит в Международный комитет славистов. С 2015 г. на страницах академического журнала «Эмигрантология» анализируются и различные вопросы истории русской эмиграции первой волны в Польше⁵¹.

С конца 80-х гг. XX в. развернулись исследования по истории православной церкви в Польше, продолжающиеся в настоящее время⁵². Вышел ряд обобщающих работ по разным направлениям истории русской эмиграции (печать, молодежные организации и др.) и национального меньшинства⁵³. Важно выделить историко-литературоведческие работы профессора

---

⁵⁰ *Suchanek L.* Литература и письменность эмиграции славян как историко-литературная проблема // *A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium / Ed. by J.I. Bjørnflaten, G. Kjetsaa, T. Mathiasen.* The Norwegian Academy of Science and Letters. Oslo, 1998. S. 218–239; *Suchanek L.* Słowiańska emigrantologia // *Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne / Pod red. L. Suchanka: Prace Komisji Kultury Słowian. III.* Kraków, 2004. S. 73–88; *Suchanek L.* Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian // *Slavia Orientalis.* 2014. T. LXIII. № 2. S. 173–189.

⁵¹ URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/pl/czasopismo-online>.

⁵² *Papierzyńska-Turek M.* Międzytradycją a rzeczywistością. Państwowobecprawosławia 1918–1939, Warszawa, 1989; *Kolbuk W.* Cerkiewprawosławna w Polsce międzywojennej. Lublin, 2013; *Suławka A.R.* Rosyjska i rosyjskojęzyczna prasa religijna w II Rzeczypospolitej // *Kultura-Media-Teologia.* 2012. № 10. S. 59–88; *Suławka A.R.* Idea współpracy polsko-rosyjskiej w myśli politycznej rosyjskiej emigracji w Polsce (lata 1918–1939) // *Przegląd Filozoficzny / Nowa Seria.* 2013. R. 22. № 3 (87). S. 221–238.

⁵³ *Jańczuk E.* Emigracja rosyjska we współczesnych badaniach. *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej.* 2009. t. 4; *Kolasa W.M.* Kierunki badań nad prasą mniejszości narodowych 1918–1939 // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym.* 2012. t. 22, z. 3. S. 59–82; *Cieślikowa A.J.* O prasie rosyjskiej emigracji w dwudziestoleciu międzywojennym, *Zeszyty Prasoznawcze,* 2003; *Dryblak Ł.* Inspiracja i formy współpracy polskich instytucji państwowych z wydawcami i redakcjami pism rosyjskich w latach 1919–1935 – zarys problematyki // *Dzieje Najnowsze.* 2016. № 1 (48). S. 33–52; *Dryblak Ł.* Czy tylko prometeizm? Polityka państwa polskiego wobec wybranych kół emigracji rosyjskiej w latach 1926–1939 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej.* 2016. № LI. S. 81–115.

В. Скрунды о М. Арцыбашеве, Л. Гомолицком и других писателях⁵⁴. Творчеству Л. Гомолицкого – писателя, журналиста и историка литературы, который после войны остался в Польше, обратилась И. Бжыксы⁵⁵. Интерес у российского читателя вызвала публикация Х. Куберского о героях Сопротивления в 1939–1945 гг.⁵⁶

Пристальное внимание польских исследователей привлечено к истории прометеизма как политического движения, направленного на развитие национального самосознания народов России⁵⁷. В Польше проходит ежегодная конференция; при Варшавском университете издается журнал «Nowy Prometeusz» («Новый Прометей»). Для польских историков это довольно живая тема, тесно связанная с историей русской эмиграции в Польше⁵⁸.

С 2009 по 2012 г., в период сотрудничества и некоторого взаимопонимания между Польшей и РФ, общество «Российский Дом» и журнал «Православное обозрение» провели ряд конференций и круглых столов под об-

---

⁵⁴ *Skrunda W.* Michał Arcybaszew o utraconych złudzeniach Fausta («Diabel», tragifarsa wierszem) // *Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia.* W., 1996. S. 35–98; *Skrunda W.* Rosyjski uchodźca na polskim bruku. O poemacie Lwa Gomołickiego «Warszawa» (1934). Aneks: L. Gomołickij, «Warszawa. Poema», Warszawa 1934 // *Studia Rossica X. O literaturze rosyjskiej nowej i dawnej.* W., 2000. S. 89–125; *Skrunda W.* Echa «gniewnych jambów» w poemacie Lwa Gomołickiego «Warszawa» (1934) // *Studia Rossica XI.* W., 2000. S. 187–197; *Skrunda W.* Zamysł poematu Lwa Gomołickiego «Warszawa» w świetle inwektyw Karola Radka i nauk mnicha Ewagriusza // *Studia Rossica XII. Literatura rosyjska na rozdrożach XX wieku.* W., 2001. S. 215–228.

⁵⁵ *Brzykcy J.* Lew Gomołicki: twórca pogranicza // *Slavia Orientalis.* 2014. № 3. S. 367–380; *Brzykcy J.* Królewska дума z wielkiej niepomysłności. Doświadczenie emigracji w poetyckiej perspektywie Lwa Gomołickiego // *Acta Polono-Ruthenica.* 2016. № 21. S. 133–144.

⁵⁶ *Куберский Х.* Русские эмигранты в рядах польского Сопротивления (Армии Крайовой, Национальных вооруженных сил, Гвардии Людовой) в 1939–1945 гг. // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года.* М.: Русский путь, 2015. С. 395–419.

⁵⁷ *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. W.: Książka i Wiedza, 1971; *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // *Новая и новейшая история.* 2002. № 4. С. 47–63; *Kornat M.* Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940) // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)* / red. M. Kornat. Warszawa, 2012. S. 35–90.

⁵⁸ *II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego* / red. P. Libera. W.: CAW, 2013; *Bruski J.* Między prometeizmem a Realpolitik. *II Rzeczpospolita wobec Ukrainy Sowieckiej 1921–1926,* Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010; *Kornat M.* Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940) // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)* / red. M. Kornat. Warszawa, 2012. S. 35–90; *Libera P.* Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)* / red. M. Kornat. W., 2012. S. 219–244.

щим названием «Русские в Польше». Речь шла о русском национальном меньшинстве, но были опубликованы и статьи о русской эмиграции⁵⁹. В начале XXI в. вышел ряд работ белорусских историков О.В. Бригадиной и В.Г. Швайко⁶⁰.

Выводы

В российской историографии истории Русского зарубежья достаточно полно разработаны многие аспекты истории, культуры, военной и политической деятельности эмиграции в разных странах мира: Франции, Германии, Балканских государствах, США, Австралии и Новой Зеландии, Латинской Америки; вышли обобщающие труды. История русской эмиграции в Польше исследована слабо не только в связи с недостаточной численностью полонистов, круг которых в современных условиях не расширяется, но и в связи с сильным влиянием советской политизированной историографии, негативно и с классовых позиций оценивавшей любую «антисоветскую деятельность» «белоэмигрантов», особенно в «белопанской» Польше. Современное состояние польско-русских отношений, к сожалению, также не способствует расширению межгосударственных культурных и научных контактов ученых двух стран.

Проблема взаимопонимания русских и поляков – проблема не только разной интерпретации старого «польского вопроса» в его исторической трансформации; это проблема оценок последствий Первой мировой войны, Русской революции 1917 г., становления молодых республик – Польской и Советской, вступивших в ожесточенную советско-польскую войну 1920 г., а также политических и культурных проблем советско-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Объяснимо и закономерно, что специфика восприятия многих событий и личностей в польской и российской историографии будет разной⁶¹. Новый уровень исследования пробле-

---

⁵⁹ В частности: Русское культурное наследие в Польше: Материалы II научно-практической конференции. Лодзь, 28–29 мая 2011. W.: «Rosyjski Dom», 2011; Русское культурное наследие в Польше. Материалы III научно-практической конференции. Белосток, 29–30 сентября 2012. W.: «Rosyjski Dom», 2012; и др.

⁶⁰ Бригадина О.В. «Три волны» российской советской эмиграции (1917–1991 гг.). Минск: БДУ, 2003; Швайко В.Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг. Дисс... канд. ист. наук. Гродно: Гродненский госуниверситет им. Янки Купалы, 2005.

⁶¹ Марченко Т.В. Польско-русские связи: безграничное поле для исследований и для научных контактов // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2016. М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2016. С. 301.

мы требует комплексных совместных разработок с учетом понимания особенностей национального взгляда на историю своего народа и обоюдном уважении к нему.

Представленный обзор польской научной литературы о русской эмиграции в этой стране в рассматриваемый период в его сопоставлении с российской историографией дает все основания утверждать, что польские историки, филологи, политологи сделали значительно больше в развитии данного научного направления современной исторической науки.

© Симонова Т.М., Глушковский П., 2018

Рукопись поступила в редакцию 18 декабря 2017 г.

Для цитирования: *Симонова Т.М., Глушковский П.* История русской эмиграции в Польше в 1919–1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.

HISTORY OF RUSSIAN EMIGRANTS IN POLAND IN 1919–1939: NEW SOURCES AND MODERN HISTORIOGRAPHY

Tatiana M. Simonova^a, Piotr Gluszkowski^b

^a independent researcher
ivansimo@ya.ru

^b Institut of Russian Studies at University of Warsaw
4 Szturmowa St., Warsaw, 02-678, Poland
p.gluszkowski@uw.edu.pl

The article considers the main problems of the history of the Russian emigrants on the basis of studying the Russian and Polish archives in the context of the contemporary Russian and Polish historiography. There are identified and critically comprehended the materials of the key assets in the Polish archives. The article sums up the intermediate results of the study of the history of Russian emigrants in the Russian Federation and the Republic of Poland. The purpose of the article is to identify the weak points of this section of the Russian historiography, as well as the characteristic of the basic directions of the Polish historiography in the section “Emigrantology”. The comparison of the directions of the development

of the first-wave émigré history in both countries based on the comparative analysis of the main researches of the modern Russian and Polish historiography allows outlining a number of underexplored questions. The authors faced the challenge of giving a sampling, but the most representative picture of the comparative studies in this section of the Russian and Polish historiography. The authors' attention was primarily paid to the historical and historical-cultural works, rather than to the researches on legal issues. As a result of the comparative review, there are a number of conclusions. In particular, it was noted that the Russian historiography is not able to conduct comprehensive studies due to the sheer lack of trained personnel (knowledge of the history of the Republic of Poland, Polish-Soviet relations and the Polish language). At the same time, the Polish historiography has reached a qualitatively new level of research, as evidenced by the establishing of the new educational and scientific specialty (Emigrantology), a part of which is the academic module on the history of the Russian emigrants in Poland.

Keywords: Russian emigrants in Poland, military emigration, culture of Russian emigrants, first-wave émigré

REFERENCES

- Berezovaya, L.G. "Kul'turnaya missiya porevolutsionnoi emigratsii kak nasledie Serebryanogo veka." [Cultural mission of post-revolutionary emigration as a legacy of the Silver age]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 3 (2001). http://nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (in Russian).
- Białokozowicz, B. *Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mereżkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Fiosofow)*. Olsztyn: WSP, 1995 (in Polish).
- Boginskii, A.V., and Zhukov, L.B. "Plans for the creation of the Necropolis, a List of Russians buried in the Wola Orthodox Cemetery (Cmentarz Wolski), Warsaw (Poland)." In *Proceedings of the Russian Genealogical Society*. St. Peterburg, no. 25 (2013): 103–106 (in Russian).
- Bondarenko, V. *General-lejtenant Ja. D. Juzefovich: shtrihi k portretu*. <http://beloedelo.com/researches/article/?750> (in Russian).
- Brigadina, O.V. *'Tri volny' rossiiskoi sovetskoj emigratsii (1917–1991 gg.)*. Minsk: BDU, 2003 (in Russian).
- Bruski, J. *Między prometeizmem a Realpolitik. II Rzeczpospolita wobec Ukrainy Sowieckiej 1921–1926*. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010 (in Polish).
- Brzykcy, J. "Królewska дума z wielkiej niepomyślności. Doświadczenie emigracji w poetyckiej perspektywie Lwa Gomolickiego." *Acta Polono-Ruthenica*, no. 21 (2016): 133–144 (in Polish).
- "Lew Gomolicki: twórca pogranicza." *Slavia Orientalis*, no. 3 (2014): 367–380 (in Polish).
- Chodorowicz, F. *Przewodnik po Warszawie i jej okolicach*. Warsaw, 1873 (in Polish).
- Cieślíkowa, A.J. *O prasie rosyjskiej emigracji w dwudziestolecu międzywojennym*. Zeszyty Prasoznawcze, 2003 (in Polish).

- Dryblak, Ł. “Czy tylko prometeizm? Polityka państwa polskiego wobec wybranych kół emigracji rosyjskiej w latach 1926–1939.” *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*, no. 51 (2016): 81–115 (in Polish).
- “Inspiracja i formy współpracy polskich instytucji państwowych z wydawcami i redakcjami pism rosyjskich w latach 1919–1935 – zarys problematyki. *Dzieje Najnowsze*, no. 1 (2016): 33–52 (in Polish).
- Eremeeeva, E. “Sud’ba sestry Ioanny.” [The fate of sister Joanna]. *Inye berega*, no. 1 (2009). <http://www.iniebereg.ru/node/139> (in Russian).
- Fedyukina, E.V. “Prosvetitel’skaya deyatel’nost’ mitropolita Dionisiya (Valedinskogo) kak opredelyayushchii faktor v razvitii pravoslavnoi kul’tury Rechi Pospolitoi.” [Educational activities of Metropolitan Dionysius (Valedynskyi) as a determining factor in the development of the Orthodox culture of the Commonwealth]. In *Materialy XX ezhegodnoj bogoslovskoj konferencii PSTGU. Zimnyaya sessiya*, 327–331. Moscow: PSTGU, 2010: (in Russian).
- “K voprosu o sud’bakh russkoi emigratsii i pravoslavnoi kul’tury Pol’shi.” [To the question about the fate of the Russian emigration and the Orthodox culture of Poland]. *Nansenovskie chteniya*, 300–308. St. Peterburg, 2010 (in Russian).
- Filosofow, D. *Pisma wybrane. Rosjanin w Polsce (1920–1936)*. Vol. 2. Warsaw: Wyd. Un-tu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015 (in Polish).
- Getka-Kenig, M. “Pravoslavnoe kladbishche v Varshave.” [Orthodox cemetery in Warsaw]. *Novaya Pol’sha*, no. 11 (2007) <https://novopol.org/ru/SkYEtufDsW/PRAVOSLAVNOE-KLADBISHCHE-V-VARSHAVE> (in Russian).
- Gippius, Z. *Dziennik petersburski (1914–1919). Dziennik warszawski (1919–1920)*. Warsaw: Czytelnik, 2010 (in Polish).
- Gorizontov, L.E. *Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol’she (XIX – nachalo XX v.)*. Rossiiskaya akademiya nauk Institut slavyanovedeniya. Moscow: Indrik, 1999 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoy Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 8262, op. 1, d. 1.
- Handelsman, M. *Historyka: zasady metodologii i teorii poznania historycznego*. Wyd. 2. Warsaw, 1928 (in Polish).
- Ikonnikova, S.N. *Istoriya kul’turologicheskikh teorii*. St. Peterburg: Piter, 2005 (in Russian).
- Jańczuk, E. *Emigracja rosyjska we współczesnych badaniach*. Vol. 4. *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej*, 2009 (in Polish).
- Juzwenko, A. *Polska a ‘biała’ Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.)*. Warsaw; Krakow: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973 (in Polish).
- Karpus, Z. “Emigracja rosyjska i ukraińska w Toruniu w okresie międzywojennym.” *Rocznik Toruński*, no. 16 (1983): 93–112 (in Polish).
- “Jeńcy wojenni i emigracja polityczna z Rosji na Pomorzu w latach 1914–1939. Procesy asymilacyjne, stosunek miejscowego społeczeństwa.” *Migracje polityczne i ekonomiczne w krajach nadbałtyckich w 19–20 w.* Toruń: Gdańsk, 1997 (in Polish).
- “Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku.” *Oddziały ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w latach 1919–1920*. Toruń: Wyd. UMK, 1999 (in Polish).

- Kicinger, A. "Polityka emigracyjna II Rzeczypospolitej. Środkowoeuropejskie Forum Badań Migracyjnych w Warszawie." *Central European Forum for Migration Research in Warsaw (CEFMR). Working Paper*, no. 4 (2005): 3–81 (in Polish).
- Kolasa, W.M. "Kierunki badań nad prasą mniejszości narodowych 1918–1939." In *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym* 22 (2012): 59–82 (in Polish).
- Kołbuk, W. *Cerkiew prawosławna w Polsce międzywojennej*. Lublin, 2013 (in Polish).
- Kornat, M. "Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940)." *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*. Warsaw, 2012 (in Polish).
- Kościół Prawosławny w Polsce dawniej i dziś (XIX, XX)*. Główny Urząd Statystyczny, *Warszawska Metropolia Prawosławna*. Warsaw, 1993 (in Polish).
- Kowalczyk, A.S. *Sawinkow*. Warsaw: LNB, 1992 (in Polish).
- Kozak, B., and Ndiaye I.A. *Pisarki Rosyjskiej Zagranicy – w literaturze, kulturze i korespondencji*. Olsztyn, 2016 (in Polish).
- Kruchinin, A.S. "Russkaya armiya v pol'skikh lageryakh (1920–1921): v ozhidanii novoi voiny." [The Russian army in the Polish camps (1920–1921): in anticipation of a new war]. In *Voina i oruzhie: Nove issledovaniya i materialy. Vtoraya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 18–20 maya 2011 g.*, 412–426. Part 1. St. Peterburg, 2011 (in Russian).
- Kuberskii, Kh. "Russkie emigranty v ryadakh pol'skogo Soprotivleniya (Armii Kraiovoi, Natsional'nykh vooruzhennykh sil, Gvardii Lyudovoi) v 1939–1945 gg." [Russian immigrants in the ranks of the Polish Resistance (home Army, National armed forces, Guard Ludovit) in 1939–1945]. In *Rossiiskaya emigratsiya v bor'be s fashizmom. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moskva, 14–15 maya 2015 goda*, 395–419. Moscow: Russkii put', 2015 (in Russian).
- Kuprina-Iordanskaya, M.K. *Gody molodosti*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1966 (in Russian).
- Labyntsev, Yu.A., and Shchavinskaya, L.L. *Pravoslavnaya literatura mezhvoennoi Pol'shi*. Moscow: Indrik, 1998 (in Russian).
- . *Pravoslavnaya literatura Pol'shi (1918–1939 gg.)*. Minsk: Nacional'naja biblioteka Belarusi, 2001 (in Russian).
- Levenson, M.L., ed. *Pravitel'stvyushchii Senat: kratkii istoricheskii ocherk i biografii senatorov*. St. Peterburg: Tipolitografiya St.-Peterburgskoi Odinochnoi Tyur'my, 1912 (in Russian).
- Libera, P. "Ewolucja ruchu prometejskiego w okresie międzywojennym." *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940)*. Warsaw, 2012 (in Polish).
- , ed. *II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego*. Warsaw: CAW, 2013 (in Polish).
- Marchenko, T.V. "Pol'sko-russkie svyazi: bezgranichnoe pole dlya issledovaniya i dlya nauchnykh kontaktov." [Polish-Russian relations: a boundless field for research and scientific contacts]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna. 2016*. Moscow: DRZ im. A. Solzhenitsyna, 2016: 299–303 (in Russian).
- Mikulicz, S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. Warsaw: Książka i Wiedza, 1971 (in Polish).

- Mitzner, P. “Trudna przyjaźń: Dmitrij Filosofow – Maria Dąbrowska – Stanisław Stempowski.” *Pamiętnik literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskie*, no. 103 (2012): 239–257 (in Polish).
- *Warszawski krąg Dymitra Filosofowa*. Warsaw, 2015 (in Polish).
- Moseikina, M.N. “Russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gody.” [Russian emigration in the countries of Latin America in the years 1920–1960]. Ph.D. thesis, RUDN University, 2012 (in Russian).
- *‘Rasseyany, no ne rastorgnuty’: russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg.* Moscow: RUDN Publ., 2011 (in Russian).
- Moskvich, G.G. *Putevoditel’ po Varshave*. St. Peterburg: Izdatel’stvo putevoditelei Gr. Moskvicha., 1914 (in Russian).
- Ndiaye, I.A. “Misja literatury emigracyjnej: («pierwsza fala» emigracji rosyjskiej).” *Acta Polono-Ruthenica*, no. 12 (2007): 77–93 (in Polish).
- Nikolaev, K.N. *Ekspansiya Rima v Rossiyu. Vostochnyi obryad (Rim-Pol’sha-Rossiya)*. Moscow: B.i., 2005. <https://www.blagogon.ru/biblio/248/print> (in Russian).
- *Vostochnyi obryad*. Paris: YMCA-press, 1950 (in Russian).
- Nowak, A. “Dymitr Filosofow: dyskusja z polska «mickiewiczologia» czy z polskim kompleksem?” In *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki, polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w.*, 330–354. Warsaw, 2013 (in Polish).
- *Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku)*. Krakow: Wyd. Arcana, 2008 (in Polish).
- Obląkowska-Galanciak, I. *Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dmitrija Filosofowa na emigracji*. Olsztyn, 2001 (in Polish).
- Opacki, Z. “Marian Zdziechowski a emigracja rosyjska kontakty, opinie, refleksje.” *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, 240–262. Łódź, 2002 (in Polish).
- Papierzyńska-Turek, M. *Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939*. Warsaw, 1989 (in Polish).
- Paszkievicz, P., and Sandowicz, M. *Cmentarz Prawosławny w Warszawie*. Warsaw: PWN, 1992 (in Polish).
- Popova, B. “Yuliya Nikolaevna Reitlinger.” [Yuliya Nikolaevna, Reitlinger]. *Nashe nasledie*, no. 87 (2008). <https://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8719.php> (in Russian).
- Potemkin, E.L., ed. *Biograficheskii slovar’. Vysshie chiny Rossijskoj Imperii (22.10.1721 – 2.03.1917)* [Biographical dictionary. The higher ranks of the Russian Empire (22.10.1721 – 2.03.1917)]. Vol. 3. Moscow, 2017 (in Russian).
- Rozinskaya, O.V. “Russkaya literaturnaya emigratsiya v Pol’she: 1920–30-e gody.” [Russian literary emigration in Poland, 1920–30]. Ph.D. diss., Lomonosov Moscow State University, 2000 (in Russian).
- Ryazantsev, S.V. “Emigranty iz Rossii: russkaya diaspora ili russkogovoryashchie soobshchestva?” [Immigrants from Russia: the Russian Diaspora, or the Russian-speaking community?]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, no. 12 (2016): 84–94 (in Russian).
- Rykhlyakov, V.N. “Nekropolistika russkogo zarubezh’ya.” [The research of the Russian abroad]. *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva* 25 (2013): 83–94 (in Russian).

- Sekacheva, E.R. “Vertinskii Aleksandr Nikolaevich (1889–1957).” [Vertinsky Alexander (1889–1957)]. *Novyi istoricheskii vestnik* 1, no. 3 (2001). https://nivestnik.ru/2001_3/13.shtml (in Russian).
- Shilov, D.N. *Neopublikovannye materialy k «Russkomu provincial'nomu nekropolju» v fondah Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva*. <http://www.petergen.com/publ/shilovrpnrgia.shtml> (in Russian).
- Shvaiko, V.G. “Deyatel'nost' russkikh organizatsii v Pol'she po sokhraneniyu russkoi kul'tury v 1921–1939 gg.” [Activity of Russian organizations in Poland for the preservation of Russian culture in 1921–1939]. Ph.D. diss., Yanka Kupala State University of Grodno, 2005 (in Russian).
- Sielicki, F. “Pisarze rosyjscy początku XX wieku w Polsce międzywojennej.” *Slavica Vratislaviensia*, 73–82. Vol. 88. Wrocław, 1996 (in Polish).
- Simonova, T.M. “Belye formirovaniya v Pol'she (‘Otryad russkikh bezhentsv’) v 1919–1921 godakh.” [White formations in Poland (‘Group of Russian refugees’) in 1919–1921]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (2012): 39–57 (in Russian).
- “Kontseptsiya ‘prometeizma’ i politika Pol'shi v otnoshenii emigratsii iz Rossii (1920–1930).” [The concept of ‘prometheism’ and Poland’s policy concerning emigration from Russia (1920–1930)]. In *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya: materialy i issledovaniya*. Institut vseobshchei istorii RAN, 266–290. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).
- “Prometeizm vo vneshnei politike Pol'shi. 1919–1924 gg.” [Prometheism in the foreign policy of Poland. 1919–1924]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (2002): 47–63 (in Russian).
- *Russkie antisovetskie formirovaniya v Pol'she* [Russian anti-Soviet formations in Poland]. Moscow: B. i., 2013 (in Russian).
- *Sovetskaya Rossiya (SSSR) i Pol'sha. Antisovetskie formirovaniya: 1919–1925 gg.* Moscow: Kvadriga, 2013 (in Russian).
- Skrunda, W. “Michał Arcybaszew o utraconych złudzeniach Fausta («Diabel», tragifarsa wierszem).” In *Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współczesni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*, 35–98. Warsaw, 1996 (in Polish).
- “Rosiyski uchodzca na polskim bruku. O poemacie Lwa Gomolickiego ‘Warszawa’ (1934). Aneks: L. Gomolickij, ‘Warszawa. Poema’, Warszawa 1934.” In *Studia Rossica X. O literaturze rosyjskiej nowej i dawnej*, 89–125. Warsaw, 2000 (in Polish).
- “Echa ‘gniewnych jambow’ w poemacie Lwa Gomolickiego ‘Warszawa’ (1934).” In *Studia Rossica XI*, 187–197. Warsaw, 2000 (in Polish).
- “Zamysł poematu Lwa Gomolickiego «Warszawa» w swietle inwektyw Karola Radka i nauk mnicha Ewagriusza.” In *Studia Rossica XII. Literatura rosyjska na rozdrozach XX wieku*, 215–228. Warsaw, 2001 (in Polish).
- Sokolov M. *Drugaja zhizn' Borisa Evreinova*. <https://www.svoboda.org/a/460388.html> (in Russian).
- Stanislavskii, W. “Soglasie i razdory. Russkaya emigratsiya na zemlyakh Vtoroi Rechi Pospolitoi.” [Harmony and discord. Russian emigration in the lands of the Second Polish Republic]. *Novaya Pol'sha*, no. 7–8 (2006): 91–96 (in Russian).
- “Russkaya emigratsiya v Varshave.” [Russian emigration in Warsaw].

- Novaya Pol'sha*, no. 5, 2002. http://novopol.org/ru/rkjOo_fDjW/RUSSKAYa-EMIGRACIYa-V-VARShAVE (in Russian).
- “Rycerz przegranej sprawy?” Kontakty Dymitra Filozofowa z polskimi elitami kulturalnymi.” In *Emigracja rosyjska. Losy i idee*, 313–328. Łódź, 2002 (in Polish).
- “Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności.” *Sprawy narodowościowe. Seria nowa* 5, no. 2 (1996): 23–60 (in Polish).
- *Myśl polityczna emigracji rosyjskiej w II Rzeczypospolitej: interpretacje przeszłości i koncepcje polityczne: Praca doktorska*. Warsaw: Instytut Historii Uniwersytetu Warszawskiego, 2002 (in Polish).
- Suchanek, L. “Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian.” In *A Centenary of Slavic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium*, edited by J.I. Björnflaten, G. Kjetsaa, T. Mathiasen, 173–189. Oslo: The Norwegian Academy of Science and Letters, 1998.
- “Słowiańska emigrantologia.” In *Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne*, 73–88. Vol 3. Kraków: Prace Komisji Kultury Słowian, 2004 (in Polish).
- “Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian.” *Slavia Orientalis* 63, no. 2 (2014): 173–189 (in Polish).
- Sucharski, T. “Rosja Czapskiego sprzed ‘nie ludzkiej ziemi.’” *Ślupskie Prace Filologiczne*, no. 6 (2008): 55–72 (in Polish).
- Suławka, A.R. “Rosyjska i rosyjskojęzyczna prasa religijna w II Rzeczypospolitej.” *Kultura–Media–Teologia*, no. 10 (2012): 59–88 (in Polish).
- “Idea współpracy polsko-rosyjskiej w myśli politycznej rosyjskiej emigracji w Polsce (lata 1918–1939).” *Przegląd Filozoficzny Nowa Seria*, no. 3 (2013): 221–238 (in Polish).
- Vikhornov, V.A. *Aleksandr Vertinskii na ekrane i ne tol'ko*. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2012 (in Russian).
- Zamojski, J., and Waluga, G., eds. “Biała emigracja rosyjska w Polsce; sytuacja, problemy (1919–1939).” In *Imigranci i społeczeństwa przyjmujące: adaptacja, integracja, transformacja?* 32–60. Warsaw: Neriton, 2000 (in Polish).
- Zamoiskii, Yan. “Russkaya (belaya) emigratsiya v Pol'she i ee pol'skie svyazi (1918–1939).” [Russian (white) emigration to Poland and its Polish context (1918–1939)]. In *Kul'turnye svyazi Rossii i Pol'shi XI–XX vv. / Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.*, 170–189. Moscow: URSS, 1998 (in Russian).
- Zielińska-Balcerzak, N. “Wybrane elementy sytuacji prawnej i politycznej emigracji rosyjskiej w pierwszych latach II Rzeczypospolitej.” *Studia Iuridica Lublinensia* 24, no. 4 (2015): 151–164 (in Polish).

Submitted: 18 December 2017

For citation: Simonova, Tatiana M., and Gluszkowski, Piotr. “History of Russian emigrants in Poland in 1919–1939: new sources and modern historiography.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МАТЧ АЛЁХИН – БОТВИННИК (1939–1940 гг.)

Д.И. Олейников

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6
oleinikovdi@yandex.ru

Рассмотренная на основании новых архивных документов история несостоявшегося матча на первенство мира по шахматам между эмигрантом-невозвращенцем А.А. Алёхиным и чемпионом СССР М.М. Ботвинником существенно углубляет наши представления о нечастых в то время позитивных контактах «Руси советской» и «Руси зарубежной», а также демонстрирует способы и приемы деятельности советского управленческого аппарата сталинской эпохи. Проведенный анализ документов показывает, что именно управленческий аппарат на уровне СНК СССР и нового руководства Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта сыграл ключевую роль в срыве шахматного матча, который мог стать знаковым для установления контактов СССР и мира Русского зарубежья.

Ключевые слова: Шахматы, А.А. Алехин, М.М. Ботвинник, Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, Русское зарубежье, бюрократия

Введение

До настоящего времени историки культуры и специалисты по эмиграции, биографы двух великих шахматистов, чемпионов мира А.А. Алёхина и М.М. Ботвинника не использовали в качестве источника «Дело № 035–30. О проведении матча на мировое шахматное первенство между тов. Ботвинником и Алехиным (Франция). Начато 27 марта 1939 г. Окончено 22 марта 1940 г.»¹, обнаруженное в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и включающее в себя официальные документы и переписку. Эти закрытые под грифом «Совершенно секретно» документы красной папки

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Листы дела подшиты в обратном хронологическом порядке, и соответственно пронумерованы по убыванию, начиная с Л. 56.

Управления делами Совнаркома СССР длительное время вообще не выдавались исследователям. Между тем эти документы представляют научный интерес не только для биографа или историка шахмат.

Историография данного вопроса фактически не сложилась: наиболее авторитетные из работ представляют собой общие нарративные биографии А.А. Алехина, которые написаны в научно-популярном жанре², причем только соавтор одной из них, И.М. Линдер, был профессиональным историком, специалистом по шахматам дореволюционной России; касающиеся темы современные зарубежные исследования³ и публикации в научной периодике⁴ либо не затрагивают сам вопрос о внутрисполитической стороне матча Алехина и Ботвинника, либо, как и указанные научно-популярные работы, основываются на очень ценных, но весьма неполных по информации и субъективных воспоминаниях М.М. Ботвинника «У цели»⁵, – как теперь выясняется, существенно неточных⁶.

Майкл Хадсон (Michael A. Hudson) высказывает предположения о том, что причиной срыва матча стали неприятие шахматным руководством СССР «буржуазных шахмат» и особенно нежелание иметь дело с «предателем» Алехиным, позволяющим себе антисоветские высказывания. Однако никаких иных источников, кроме мемуаров Ботвинника, М. Хадсон не приводит⁷. Е.А. Левин, разбирая в общем феномен политизации советского спорта в 1924–1991 гг. на примере шахмат и утверждая о невозможности проведения матча, вообще основывается на обобщенном представлении о том, что «буржуазно-аристократическое происхождение Алехина, его дальней-

---

² Котов А.А. Александр Алехин. М.: Физкультура и спорт, 1973. 254 с. (Выдающиеся шахматисты мира); Шабуров Ю.Н. Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. 265 с. (Жизнь замечательных людей: Вып. 794); Линдер И.М., Линдер В.И. Александр Алехин: жизнь и игра М.: АСТ: Астрель, 2007 (Энциклопедия шахматного Олимпа).

³ Hudson Michael. Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union, 1917–1948. Ph.D., History UC Santa Cruz, 2013.

⁴ Bernstein, Seth. Valedictorians of the Soviet School: Professionalization and the Impact of War in Soviet Chess // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History – Volume 13, Number 2, Spring 2012 (New Series) P. 395–418; Левин Е.А. Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. №11 (55). 2015. URL: www.sisp.nkras.ru.

⁵ Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010.

⁶ Интересные дополнения к указанным мемуарам можно найти в последних подробных интервью с М.М. Ботвинником, сделанных в 1990 г. для фильма «Осень шахматиста. Михаил Ботвинник».

⁷ Hudson Michael. Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union, 1917–1948. Ph.D., History UC Santa Cruz, 2013. P. 257–261.

ший жизненный путь, делали практически невозможным любое его сближение с советским государством и его официальными представителями». Оценка А. Левиным позиции советского руководства по отношению к матчу внутренне противоречива и также не подкреплена ссылками на источники; сам аппарат рассматривается как некий монолит, «партийно-шахматное руководство»⁸.

Актуальность исследования истории несостоявшегося матча на первенство мира по шахматам между «эмигрантом-невозвращенцем» Александром Алёхиным и чемпионом СССР Михаилом Ботвинником определяется как недостаточной разработанностью темы, так и непреходящим интересом к социокультурной и политической истории СССР середины XX века; его результаты смогут углубить наши представления о нечастых в то время контактах «Руси советской» и «Руси зарубежной», а также продемонстрировать механизмы, способы и приемы деятельности советского управленческого аппарата в 1939–1940 гг. Таким образом, создается возможность характерного для современной исторической науки «многоуровневого видения социокультурного пространства», при котором большую роль играет «переход от людей к структурам и обратно»⁹.

Цель статьи – показать с помощью вводимых в оборот новых источников, почему не состоялся одобренный на высшем уровне советского и партийного руководства матч между А.А. Алехиным и М.М. Ботвинником, для чего решить задачи по выявлению круга сторонников и противников матча и определению роли важнейших составляющих исполнительной власти авторитарной государственной структуры: управленческого аппарата на уровне СНК СССР и подчиненного ему Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта.

«Показать, насколько возросло значение Советского Союза...»

К концу 1930-х гг. шахматы стали, по оценке некоторых исследователей, самым популярным видом спорта в СССР с почти миллионом зарегистрированных шахматистов. От задач массовости, характерных для советского спорта эпохи 1920-х – первой половины 1930-х гг., начинался переход

---

⁸ *Левин Е.А.* Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2015. № 11 (55). С. 92.

⁹ *Ретина Л.Г.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 93–94; *Arcangeli Alessandro.* Cultural history. A Concise Introduction. Routledge, 2012. P. 16.

к задачам мировых рекордов и завоевания мировых первенств. Советский чемпион М.М. Ботвинник уже в то время рассматривался как достойный конкурент «буржуазных мастеров»¹⁰.

В конце 1938 г. 27-летний Михаил Ботвинник нашел способ обойти очередь претендентов на матч с чемпионом мира по шахматам Александром Алёхиным. 29 ноября он, воспользовавшись возможностью личной встречи во время сильнейшего АВРО-турнира в Голландии (там Ботвинник – третий, с победами над чемпионом мира и экс-чемпионом – Х.-Р. Капабланкой; Алёхин – только шестой), быстро получил принципиальное согласие Алёхина на организацию матча. Но при встрече было решено сам факт переговоров держать в тайне до тех пор, пока М. Ботвинник все не согласует, а Москва официально не объявит о матче¹¹.

К тому времени отношение к А. Алёхину, «эмигранту-невозвращенцу»¹², в СССР изменилось в лучшую сторону. В конце 1920-х гг. характерной была формулировка, озвученная А.Ф. Ильиным-Женевским в идеологической «передовице» к сборнику партий матча на первенство мира Капабланка – Алёхин 1927 г. С одной стороны, отмечалось, что Алёхин, «уехав в 1921 г. с разрешения Советской власти за границу, порвал всякие связи с советской шахматной жизнью и, наконец, докатился до белогвардейских подонков Парижа», поставил себя «в ряды наших непримиримых политических врагов». С другой стороны, было заявлено: «Кем бы ни был Алёхин в политическом отношении, он продолжает оставаться крупнейшим шахматистом нашего времени. Наше изучение шахматного искусства будет неполным, если мы выкинем из него Алёхина. По партиям Алёхина будет учиться и повышать квалификацию наша шахматная молодежь»¹³.

В свою очередь, сам Алёхин в одном из интервью в мае 1929 г. говорил: «Сейчас я вообще не связан с политикой. По взглядам я убежденный демократ, но не в такой чрезмерно левой форме, как нынешнее российское

---

¹⁰ *Riordan, James. Sport in Soviet Society. Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR. Cambridge University Press, 1977. P. 139–140; Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта: 1920–1930 гг.: Дис... кандидата исторических наук. 07.00.02. [Место защиты: Ярослав.гос. ун-т им. П.Г. Демидова]. Ярославль, 2012. С. 157, 163–165, 184.*

¹¹ *Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 121.*

¹² Алёхин почему-то не попал в добротную работу о «невозвращенцах» В.Л. Гениса [13].

¹³ *Ильин-Женевский А.Ф. Несколько слов об Алёхине / Матч Алёхин – Капабланка на первенство мира: сборник всех партий матча / Г. Я. Левенфиш и П. А. Романовский; [предисл.: А. Ильин-Женевский]. – Ленинград: Изд-во ВСФК «Шахматный листок», 1928. С. 4.*

руководство. При этом я всей душой приветствую все попытки советского правительства развивать и поддерживать шахматную активность в СССР»¹⁴.

«Оттепель» в отношениях обозначилась к 1935 г., когда Алёхин прислал поздравление советским шахматистам с годовщиной Октябрьской революции. Вопрос о публикации телеграммы Алёхина рассматривался на самом высоком уровне, в ЦК ВКП(б). В записке на имя Секретаря ЦК ВКП(б) тов. Сталина (копия: Председателю Совнаркома СССР тов. Молотову) нарком юстиции и патрон советских шахмат Н.В. Крыленко предложил поздравление «рenegата и белогвардейца» напечатать, но начать со следующей отповеди: «Политическое предательство и ренегатство не искупаются так легко... никакие таланты не спасут Алёхина от ... заслуженного презрения...» и т.д. Однако лично Сталин начертил резолюцию: «Напечатать без комментариев», и под ней поставили подписи Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.И. Калинин, Г.К. Орджоникидзе, С.В. Косиор, Н.И. Ежов и другие. Письмо напечатали без комментариев¹⁵.

Алёхин рассказал о своей внутренней мотивации только в 1945 г. в открытом письме в британский журнал «*Chess*»: «Около двадцати лет я ношу прозвище “белого русского”, что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею... В течение 1938–1939 гг., я надеялся в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником положить конец этой нелепой легенде путем организации в Советском Союзе матча между нами, который был практически решен»¹⁶.

Все это не было известно в 1938–39 гг., и любые контакты с Алёхиным по личной инициативе (а предложение об организации матча было личной инициативой Ботвинника) казались подозрительными. На всякий случай даже на конфиденциальную встречу с Алёхиным Ботвинник пошел со свидетелем – гроссмейстером С. Флором. Советский чемпион вспоминал: «Все-таки я человек осторожный и, хотя у меня были хорошие отношения с Александром Александровичем, я все-таки помнил, что он – эмигрант, и мне нужен был свидетель для того, чтобы всегда можно было бы объявить о том, о чем, собственно, мы с ним говорили... Я решил взять “грех” на свою душу. Вообще, я всегда так действовал. Когда я считал, что это выгодно советскому народу, советскому государству, я иногда даже на-

---

¹⁴ Brooklyn Daily Eagle. 19 May 1929. P. 7.

¹⁵ «Никакие таланты не спасут Алёхина...» // Источник. 1997. № 6. С. 141.

¹⁶ *Шабуров Ю.Н.* Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. (Жизнь замечательных людей. Вып. 794. С. 94).

рушал инструкции. Потому что я считал, что самая главная инструкция – это действовать на благо советского народа»¹⁷.

Вернувшись, Ботвинник развил личную инициативу, воспользовался своим знакомством с Н.А. Булганиным (в то время главой правления Госбанка и заместителем Предсовнаркома) и отправился к нему на прием: ведь матч на первенство мира должен был финансироваться государством.

Ботвинник четко изложил свою аргументацию: «Можно будет показать, насколько возросло значение Советского Союза вообще и в мировой культуре в частности, когда даже такой маленький вопрос, как вопрос о шахматном первенстве мира, не может быть правильно разрешен без помощи социалистической страны»¹⁸. Булганин порекомендовал написать официальное письмо прямо на имя председателя Совнаркома В.М. Молотова.

Примерно через месяц фельдъегерь вручил Ботвиннику правительственную телеграмму от 21 января 1939 г.: «Если решите вызвать шахматиста Алёхина на матч, желаем вам полного успеха. Остальное нетрудно обеспечить»¹⁹. Телеграмма была подписана Молотовым, но Ботвинник был уверен, что текст продиктовал лично Сталин, о чем написал в своих воспоминаниях: «Вспоминая этот эпизод, я случайно произнес текст телеграммы с кавказским акцентом и понял, что, скорее всего, она была продиктована Сталиным. Это его стиль: особенно характерно «Желаем» (а не желаю) и “нетрудно обеспечить”»²⁰.

Ботвинник быстро ответил, причем следом за необходимыми благодарностями в его письме шла просьба начать официальные переговоры о матче как можно скорее. Однако весь дальнейший процесс подготовки к матчу теперь напрямую зависел от работы «аппарата», в результате о скорости пришлось забыть.

Противодействие

Риск матча с Алёхиным, точнее, риск проигрыша «невозвращенцу» был опасен не только для Ботвинника, но и для всего руководства, имевшего отношение к подготовке матча. Только что назначенный руководить Всесоюзным комитетом по делам физической культуры и спорта при СНК СССР

---

¹⁷ Интервью М.М. Ботвинника // Осень шахматиста [1990]: документальный фильм / Сценарий И. Петров, режиссер В. Виноградов. [ТПО «Союзтелефильм», «Экран»; Студия документальных телефильмов].

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 126.

В.В. Снегов занял место арестованного «контрреволюционера» А.В. Зеликова²¹ и не мог чувствовать себя уверенно на новом посту, что сразу же заметил Ботвинник при встрече с ним в конце зимы. Он писал по этому поводу: «Не могу найти общего языка с лицом, от которого зависит моя шахматная деятельность. Молчание, перемежающееся недружелюбными замечаниями... Недружелюбие Снегова было первым проявлением противодействия матчу с Алёхиным. Тогда я не выяснил, чем это было вызвано» (позже Ботвинник говорил, что дело было в зависти)²².

Между тем Алёхин ждал (и тщетно) реакции Москвы, оговоренного официального объявления о вызове на матч, разве что догадываясь, что по истечении условленного между шахматистами срока бюрократическая машина только начала сдвигаться с места.

26 марта 1939 г. Снегов все-таки начал документооборот и написал секретное письмо В.М. Молотову: «Комитет по делам Физкультуры и спорта просит санкционировать организацию означенного матча и дать указания по основным условиям регламента матча...» Идеологическая подоплека была показана совершенно явно: «Решая принципиальную сторону этого проекта, необходимо учесть, что сам факт вмешательства советской физкультурной организации в область организационных вопросов буржуазного спорта беспрецедентен и будет иметь значение, далеко выходящее за пределы одних только интересов советского физкультурного движения»²³.

При этом Снегов осторожно создавал пути для отступления. Он заявлял: «При решении этого вопроса, однако, необходимо учесть, что А. Алёхин является невозвращенцем, хотя в последние годы и проявляет в своих выступлениях в печати лояльное и благожелательное отношение к Советскому Союзу, но фактически, не сделавшим достаточно определенных и искренних заявлений, осуждающих его прежнее враждебное отношение к СССР.

Это обстоятельство приобретает тем больший вес, что Алёхин обязательным условием для проведения матча ставит возможность своего приезда в СССР на 15 дней за 2–3 месяца до начала состязания, для участия в небольшом турнире, с целью ознакомления с условиями шахматных соревнований в СССР и некоторой акклиматизации.

Значительная продолжительность всего матча, необходимость в связи с этим длительного пребывания АЛЁХИНА в СССР и тот огромный ин-

---

²¹ А.В. Зеликов, член ВКП(б), образование неполное среднее, арестован 25.12.1938, осужден 15.04.1939 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, расстрелян на следующий день. Реабилитирован в августе 1956 г.

²² *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 127.

²³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 4.

терес широких масс, который будет проявляться к матчу на всем его протяжении, заставляют особенно серьезно остановиться на таком политически важном моменте, как приглашение АЛЁХИНА в СССР.

Политическая одиозность приглашения АЛЁХИНА в СССР может быть с избытком компенсирована фактом победы БОТВИННИКА, которая в условиях проведения матча в Советском Союзе является наиболее вероятной»²⁴.

Излагая предложения Ботвинника (и понимая, что они уже одобрены «наверху»), Снегов, тем не менее, не мог не изложить собственную позицию. Судя по письму, Ботвинник для Снегова – чуть ли не случайно попавший в восьмерку сильнейших шахматистов планеты представитель СССР, и его матч с чемпионом мира – дело рискованное. Поэтому Снегов предлагал вместо прямой встречи с Алёхиным организовать в СССР турнир восьми претендентов, а товарищу Ботвиннику пока присматриваться, «вести переговоры с нынешним “клубом восьми” в плане высказывания отдельных мыслей о целесообразности изменения существующей системы розыгрыша мирового шахматного первенства»²⁵.

Внешне Снегов действовал в интересах государства – что будет, если советский чемпион проиграет эмигранту-невозвращенцу Алёхину, какой это будет удар по престижу страны Советов! Внутренне же сквозь строки Снегова сквозит перестраховка: за неудачу отвечать ему, и если нельзя ее предотвратить, то потом можно будет хотя бы сослаться на свои «здравые» предложения.

И, тем не менее, СНК своих позиций не изменил: «дело Ботвинника» снова попало к заместителю Предсовнаркома Н.А. Булганину, который в конце марта 1939 г. дал разрешение проводить матч с Алёхиным в СССР, в Москве.

Сразу после этого официальный вызов Алёхину был отправлен. Правда, сделано это было с чудовищным опозданием. В конце ноября 1938 г. Алёхин дал Ботвиннику больше месяца «запаса», предложив направить вызов по адресу в Тринидад и Тобаго: там чемпион намеревался пробыть до февраля 1939 г., чтобы давать сеансы одновременной игры и прицениваться к земельным участкам. Письмо с вызовом было отправлено только после 26 марта, после разрешения Булганина. Алёхина в Тринидаде и Тобаго уже давно не было (перемещения Алёхина по миру можно отследить благодаря капитальному труду Л. Скиннера и Р. Верховена²⁶).

---

²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Лл. 32–34.

²⁵ Там же. Лл. 2, 3.

²⁶ *Leonard M. Skinner; Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion.* – Jefferson, N.C.; London, 1998. Pp. 635–658.

Пауза в ожидании ответа усложнила позицию Ботвинника: пришло время для очередного чемпионата СССР, и любое место в нем, кроме первого, давало козыри противникам матча с Алёхиным. Целый месяц, с 15 апреля по 16 мая 1939 г., Ботвиннику пришлось доказывать, что он действительно является сильнейшим шахматистом СССР.

Дело двинулось дальше после того, как Ботвинник занял первое место. К тому времени Молотов перепоручил вести дело Ботвинника своему новому заму А.Я. Вышинскому, который был утвержден в этом качестве на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. «Команда» Вышинского еще в 1938 г. унаследовала многие заботы расстрелянного тогда наркома юстиции Н.В. Крыленко, теперь на ее долю пришлось и покровительство шахматам (Н. В. Крыленко много лет возглавлял шахматную организацию СССР).

На справке, излагающей суть предложений Ботвинника, Вышинский начертал лично: «Согласен, надо разрешить вопрос о порядке установленных сроков и правил»²⁷. В мае по настоянию Ботвинника было отправлено еще одно письмо-вызов Алёхину: на этот раз по его постоянному парижскому адресу. Но в то время адресат находился в турне по странам Южной Америки. Едва вернувшись в Париж, чемпион мира ответил полным энтузиазма письмом от 20 июля, которое можно было считать официальным согласием на проведение матча в Москве: «Я с тем большей готовностью принимаю Ваш вызов, что помимо встречи в ответственной состязании с лучшим представителем нашего искусства в СССР – он даст мне желанную возможность посетить Вашу родину и раз навсегда выявить мое истинное отношение к ней»²⁸.

Комитет по физкультуре и спорту окончательно определился со сроками и обеспечением матча: его было решено проводить в Колонном зале Дома Союзов (или аналогичном, не менее, чем на 1500 мест), смета расходов составляла 600 тысяч рублей. Однако именно на вопросе финансирования дело неожиданно застопорилось.

В этом месте Ботвинник заканчивает всю историю словами: «1 сентября началась вторая мировая война, и первый этап переговоров о матче был окончен» или вообще «всё было кончено»²⁹. Архивные документы показывают, что история имела довольно богатое продолжение.

---

²⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ *Ботвинник М.М.* Шах двадцатому веку. М.: АСТ, «Зебра Е», 2010. С. 124; *Осень шахматиста.* Михаил Ботвинник. Режиссер В. Виноградов. М., 1990.

Наперегонки с войной

25 сентября 1939 г. Вышинский одобрил как идею проведения матча в Доме Союзов, так и саму возможность его финансирования. Уже шла мировая война, будущее становилось туманным, а согласно условиям Алёхина официальное приглашение на матч должно было быть направлено ему в Буэнос-Айрес, где в августе–сентябре проходила Всемирная шахматная Олимпиада (СССР тогда в таких «буржуазных» соревнованиях принципиально не участвовал). Необходимо было спешить, и в письме от 3 октября 1939 г., направленном в Наркомат финансов министру А.Г. Звереву, Вышинский синим карандашом указывал на срочность и важность дела; он требовал ответа в пятидневный срок и приказывал помощникам: «Лично обеспечить своевременное получение ответа. При задержке доложить...»³⁰.

Однако столь жесткое требование, даже в критических условиях военного времени, было медленно приторможено опытными управленцами. Ответ Наркомфина последовал не через 5 дней, а почти через две недели, 16 октября. Алёхин между тем уже выехал с гастролями в Уругвай, в Монтевидео, для участия в турнире в пользу польского Красного креста вместе с французскими и британскими шахматистами (что характеризует его отношение к начавшейся Второй мировой войне)³¹. К тому же ответ был нерешительным: можно дать дотацию в 150 тысяч рублей, остальное пусть обеспечивает Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта.

На перемещение бумаг ушла еще неделя, и 23 октября 1939 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры признался, что без помощи Наркомфина таких денег дать не может. К тому же Снегов получил шанс еще потянуть: 26 октября пришло сообщение ТАСС о том, что Алёхин ведет переговоры совсем о другом матче – с Х.Р. Капабланкой (этого матча-реванша мир ждал почти 15 лет после проигрыша Капабланки в 1927 г.). О деталях и реалиях того, что было принято за «переговоры», подробно пишет в своей работе Эд. Винтер³².

Докладывая «наверх» 1 ноября, Снегов не мог не рапортовать, что пока информация не подтвердилась, «работа будет продолжаться», однако, как он писал, «если все же окажется, что Алёхин действительно пренебрег взятыми на себя обязательствами и односторонне нарушил данное им

---

³⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 39.

³¹ Leonard M. Skinner, Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion. Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 648.

³² Winter, Ed. Capablanca. Jefferson, N.C.; London, 1989. P. 240.

обещание, то этот факт является неоспоримым доказательством истинного отношения Алёхина к Советскому Союзу и позволяет сделать из него необходимые выводы»³³.

Так дело снова затянули. 3 ноября Вышинский перепоручил заняться возникшей коллизией своему помощнику Т. Тишенкову, которого попросил «дать заключение по этому вопросу и доложить ему весь материал с проектом решения»³⁴.

В тот же день войска Ленинградского военного округа и Балтийский флот получили приказы готовиться к войне с Финляндией. Примерно тогда же Тишенков предоставил ответ «считать возможным организацию матча Ботвинник–Алёхин».

Из СНК были спущены официальные распоряжения:

«Вышинский – Снегову и Звереву (Наркомфин)

СНК Союза ССР поручает тов. Снегову разработать и представить в СНК СССР свои предложения о порядке организации и проведения матча.

Наркомфину установить дотацию бюджета 100 000 рублей (вместо 150 000)»³⁵.

27 декабря 1939 г. Вышинскому было доложено:

«В исполнении указанного выше решения тов. М.М. Ботвинником в начале декабря с. г. послана телеграмма АЛЁХИНУ следующего содержания:

“Независящим от меня причинам ответ задержался тчк условия письма 20 июля в основном приняты тчк реализация мероприятия намечена осенью сорокового года в Москве тчк По получении Вашего телеграфного согласия последует официальное объявление”.

Телеграмма эта на русском языке, написанная латинским шрифтом была отправлена по имевшемуся у нас адресу АЛЁХИНА – в Буэнос Айрес.

По получении ответа немедленно поставим Вас в известность Снегов».³⁶

---

³³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 44.

³⁴ Там же. Л. 44а.

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 49.

Теперь можно было взять паузу в ожидании ответа Алёхина, и значительную: телеграмма почему-то была отправлена в Буэнос-Айрес, хотя шахматная Олимпиада давным-давно закончилась. Алёхин к тому времени провел три месяца в Уругвае и 30 декабря отплыл в Европу, направляясь в Париж³⁷.

Прождав ответа более двух месяцев, Снегов доложил Вышинскому: «Никакого ответа на телеграмму, посланную тов. Ботвинником Алёхину в Буэнос-Айрес в начале декабря не получено». Заодно, припомнив новости полугодовой давности, добавил: «Сообщаем также что циркулировавшие одно время слухи о заключении Алёхиным договора с Капабланкой о матче на мировое первенство не подтвердились»³⁸.

Между составлением и отправлением новой телеграммы Алёхину «в никуда» и новыми шагами Снегова прошла целая советско-финская война. К тому времени Снегов, видимо, понял, что телеграмма была отправлена по слишком старому адресу. Согласовав действия с Наркоматом иностранных дел (конкретно – с «тов. В. Деканозовым»), он 17 марта снова обратился к Вышинскому «с просьбой о разрешении послать повторный запрос Алёхину, находящемуся в Испании, о получении им посланной в декабре 1939 года тов. Ботвинником телеграммы о проведении матча на первенство мира по шахматам»³⁹ (к слову сказать, Алёхина в Испании уже не было). Теперь над ответным ходом задумались в СНК, да так, что 27 марта 1940 г. измученный ожиданием Ботвинник отправил письмо от своего имени непосредственно Вышинскому:

«Хотя мне неприятно вновь самому поднимать вопрос о моем матче на первенство мира, но считаю необходимым сообщить правительству следующее:

1) Прошло более года как я получил (21 января 1939 года) телеграмму от тов. В.М. Молотова (и сейчас я перечитываю ее с чувством искренней благодарности). С тех пор события развернулись следующим образом:

1. Комитет Физкультуры поставил вопрос о месте проведения матча. Ответ пришел 26 марта – тов. Н.А. Булганин распорядился проводить матч в Москве.

2. Я написал вызов Алёхину, который Комитет Физкультуры отправил по просроченному адресу (в Южную Америку). По моему настоянию

---

³⁷ Leonard M. Skinner; Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion. – Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 650.

³⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 50.

³⁹ Там же. Лл. 52, 53.

копия письма в мае месяце была послана по парижскому адресу Алёхина – она была им получена.

3. В августе месяце я получил от Алёхина подробный ответ, в котором он просил сделать официальное объявление о матче до 20 сентября и сообщил свой адрес до этого же числа. Мной своевременно было составлено ответное письмо, которое, как я потом узнал, не было послано комитетом. Мотивировка – якобы отсутствие окончательного решения СНК.

4. СНК утвердил смету матча в ноябре. Комитет Физкультуры послал за моей подписью телеграмму Алёхину опять-таки по просроченному адресу. Ответа не последовало.

В таком положении вопрос находится по сей день»⁴⁰.

Снегов наверняка получил от аккуратного Ботвинника копию и отреагировал буквально на следующий день, написав Вышинскому, что Ботвинника стоит выдвинуть официально, уже не как просто гроссмейстера, а как представителя СССР в «кандидаты на первенство мира», а затем снова послать его вызов Алёхину. На докладе – резолюция Вышинского: «Тов. Мишунину. Соберите все материалы по этому вопросу, разберитесь и перегов. [орите] со мной»⁴¹.

Через четыре дня Мишунин предложил «разрешить Всес. Комитету по делам ф и с опубликовать в советской печати обращение т. Ботвинника к [т. – *зачеркнуто*] Алёхину по вопросу о проведении первенства мира по шахматам»⁴².

Вышинский предложение одобрил; но с публикацией решили не спешить: ждали хоть какой реакции Алёхина, поскольку на дворе стоял апрель 1940-го, и договоренность с ним была решительно просрочена. Где находился в тот период Алёхин, в Комитете физкультуры не знали.

С помощью переехавшего в СССР на постоянное жительство чешского гроссмейстера Сало Флора в Комитет физкультуры попала вырезка из эмигрантской газеты, из которой стало известно, что Алёхин проживал дома, в Париже; в одном из небольших клубных турниров занял первое место. При этом он немедленно по возвращении явился к военным властям (Франция вела «странную войну» с Германией) и получил уже назначение переводчиком. Снегов мог спокойно вздохнуть: Алёхин ушел на войну, пусть даже «странную», и до ее окончания вряд ли мог выбраться за гра-

---

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 21.

⁴¹ Там же. Л. 25.

⁴² Там же. Лл. 26, 28.

ницы Франции. Самое время было пустить в ход классический механизм затягивания ситуации – просить у начальства «указаний»:

«Заместителю председателя СНК Союза ССР
тов. А.Я. Вышинскому

А.А. Алёхин немедленно по возвращении явившийся военным властям получил уже назначение переводчиком.

Об изложенном Всесоюзный Комитет по делам Физкультуры и спорта при СНК СССР считает необходимым довести до вашего сведения и просит Ваших указаний о порядке дальнейших переговоров с АЛЁХИНЫМ

17 апреля 1940 В. Снегов».

Рапорт пролежал в папке у Вышинского два месяца, а 26 июня 1940 г. его перечеркнула резолюция «Вопрос в настоящее время снят. Тов. Снегову сообщено (по телефону) 1 июля 1940 года»⁴³. Да и всплыла бумага, видимо, только потому, что 22 июня 1940 г. Франция признала свое поражение в войне с гитлеровской Германией.

Ботвинник не знал, что Алёхин в тщетной надежде вырваться из оккупированной Франции, из гибнущей Европы, демобилизовался, добрался до Марселя и 15 июля отправил телеграмму в кубинское консульство, чтобы получить визу и отправиться в Америку для переговоров о матче с Капабланкой⁴⁴. Ответа он не получил и ближайшие годы провел на территории «тысячелетнего Рейха», а потом Испании и Португалии в тяжелейших условиях.

Эпилог

В конце 1945 г. к вопросу о матче вновь вернулись на правительственном уровне⁴⁵. Советский спорт тогда возглавлял уже не Снегов, а куда более решительный Н.Н. Романов (это он добился реальной профессионализации советского спорта и начала выступлений сборной СССР на всемирных Олимпиадах). Ботвиннику были созданы все условия для похода за чемпионством. В особую статью были выделены «Личные нужды Ботвинни-

---

⁴³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 322. Л. 56.

⁴⁴ *Leonard M. Skinner, Robert G. P. Verhoeven. Alexander Alekhine's Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion.* Jefferson, N.C.; London, 1998. P. 656.

⁴⁵ Станислав Железный. Сталин хотел, чтобы я сыграл с Алёхиным (Беседа М.М. Ботвинника с С. Железным) // Красная звезда, №187 (21474), 17 августа 1994.

ка», в частности, «увеличение продовольственного лимита из расчета 2 кгр сливочного масла, 1,5 кгр зернистой икры, 5кгр фруктов, 2 кгр шоколада»⁴⁶. Стоит отметить, что все решения принимались снова на высшем правительственном и партийном уровне, а переписка шла под грифом «Секретно»⁴⁷.

Алехину была отправлена телеграмма следующего содержания: «Я сожалею, что война помешала нашему матчу в 1939 году. Я вновь вызываю Вас на матч за мировое первенство. Если Вы согласны, я жду Вашего ответа, в котором прошу Вас указать Ваше мнение о времени и месте матча. 4 февраля 1946 года. Михаил Ботвинник».

Алехин немедленно начал подготовку к важнейшему поединку, однако сил и здоровья ему уже не хватило. 24 марта 1946 г. чемпион мира ушел из жизни непообежденным. В мае 1948 г. Ботвинник выиграл звание чемпиона мира в Москве, на матч-турнире сильнейших шахматистов планеты.

Выводы

Причину срыва матча Алехин–Ботвинник – важного и знакового для истории контактов СССР и Русского зарубежья (если бы он состоялся), долгое время искали в неблагоприятных внешних факторах, прежде всего таком очевидном, как начало Второй мировой войны, в меньшей степени – в неприятии в СССР «эмигрантов-невозвращенцев».

Проделанный анализ показывает, что куда более существенную роль в срыве судьбоносной встречи двух ведущих шахматистов сыграл советский управленческий аппарат на уровне СНК СССР и нового руководства Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Даже в условиях жесткого авторитарного руководства, при наличии руководящих распоряжений В.М. Молотова, Н.А. Булганина и А.Я. Вышинского (а, возможно, и И.В. Сталина) управленцы располагали достаточным набором бюрократических приемов, позволивших оттягивать запуск механизма подготовки и проведения матча до появления благоприятного повода и вовсе прекратить всю работу. В числе таких приемов – перестраховка, затягивание пауз в межведомственной коммуникации, запрос «указаний», перерасчет смет, использование слухов в качестве аргументов, использование ошибочных адресов и переадресовок корреспонденций.

---

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7576. Оп. 21. Д. 89. Лл. 4–5.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 473. Л. 40.

Причина такой пассивности чиновников заключалась в боязни личной ответственности за поражение советского чемпиона от эмигранта-невозвращенца, особенно в ситуации, когда предыдущие руководители шахматного движения СССР были репрессированы.

В целом данная ситуация свидетельствовала об особенностях модели советского управления в условиях сталинского политического режима, сложившегося в СССР к началу Второй мировой войны.

© Олейников Д.И., 2018

Рукопись поступила в редакцию 20 ноября 2017 г.

Для цитирования: Олейников Д.И. Управленческий аппарат сталинской эпохи и состоявшийся матч Алёхин–Ботвинник (1939–1940) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 74–91. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91.

ADMINISTRATIVE APPARATUS OF STALIN ERA AND ALEKHINE-BOTVINNIK FAILED MATCH (1939–1940)

Dmitriy I. Oleynikov

Russian State University for the Humanities (RSUH)
6 Miusscay Square, Moscow, 125993, Russia
oleinikovdi@yandex.ru

This article examines the fate of the well-known chess players of the middle of the 20th century – the “expatriate defector” Alexander Alekhine and the Soviet champion Mikhail Botvinnik – as one of the little-known stories related to the history of the contacts between the representatives of the Russian diaspora and the Soviet state of the Stalin era. The author examines the history of the failed match between these two outstanding chess masters in 1939–1940 and shows why the Alekhine-Botvinnik match, which had been initially approved at the highest party and state level, was not held, and find out what role the Soviet administrative apparatus played in this. The author comes to conclusion that under the conditions of strict authoritarian leadership, with the directives of V.M. Molotov, N.A. Bulganin and A.Ya. Vyshinsky, and possibly Joseph Stalin, the managers had a sufficient set of bureaucratic methods that allowed delaying the process of preparing the match up to a favourable occasion which led to the final breakdown in the negotiations. Such methods include precaution, prolonging pauses in interdepartmental communication, requesting

for “instructions”, recalculating estimates, using rumours as arguments, using erroneous addresses and redirecting correspondence. The reason for the officials’ inactivity was the fear of personal responsibility for the defeat of the Soviet champion by the “expatriate defector”, especially in the situation when some leaders of the USSR chess movement were repressed. The author’s analysis provides insight into the problems of the functioning of the executive power in the conditions of the political regime established in the USSR by the beginning of the Second World War.

Keywords: Alexander Alekhine, Mikhail Botvinnik, State Committee for Physical Culture and Sport, apparatchiks, state bureaucracy

REFERENCES

- Zheleznyy, S. “Stalin hotel, chtobyasygral s Alyohinym.” [‘Stalin wanted I played with Alekhine’]. Interview by M.M. Botvinnik. *Krasnaja zvezda*, no. 187 (1994) (in Russian).
- “Nikakie talanty ne spasut Aljohina...” [‘No talent can’t save Alekhine...’]. *Istochnik*, no. 6 (1997): 141 (in Russian).
- Arcangeli, Alessandro. *Cultural history. A Concise Introduction*. London; New York: Routledge, 2012.
- Bernstein, Seth. “Valedictorians of the Soviet School: Professionalization and the Impact of War in Soviet Chess.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 395–418.
- Botvinnik, M.M. *Shah dvadcatomu veku*. Moscow: AST, Zebra E, 2010 (in Russian).
- Brooklyn Daily Eagle*, May 19, 1929.
- Filippov, A.N. “Gosudarstvennaja politika SSSR v oblasti fizicheskoj kul’tury i sporta: 1920–1930 gg.” [The state policy of the USSR in the field of physical culture and sport: 1920–1930]. Ph.D. diss., P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoj Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 5446, op. 24a, d. 322.
- GA RF, f. 7576, op. 21, d. 89.
- Hudson, Michael. “*Storming Fortresses: A Political History of Chess in the Soviet Union Cruz, 1917–1948.*” PhD diss., University of California – Santa, 2013.
- Il’in-Zhenevskij, A.F. “Neskol’ko slov ob Aljohine.” [A few words about Alekhine] *Match Alekhine–Kapablanka na pervenstvo mira: sbornik vseh partij matcha*. Leningrad: Shahmatny listok, 1928 (in Russian).
- Kotov, A.A. *Aleksandr Alekhin*. Moscow: Fizkul’tura i sport, 1973 (in Russian).
- Leonard, M. Skinner, Robert, G., and Verhoeven, P. *Alexander Alekhine’s Chess Games, 1902–1946: 2543 Games of the Former World Champion*. Jefferson; N.C.; London, 1998.
- Levin, E.A. “Fenomen politizacii shahmatnogo sporta v SSSR.” [The phenomenon of politicization of chess sport in the USSR]. *Sovremenny eissledovanija social’nyh problem*, no. 11 (2015). <https://www.sisp.nkras.ru>. (in Russian).

- Linder, I.M., and Linder, V.I. *Aleksandr Alekhin: zhizn' i igra*. Moscow: AST: Astrel', 2007 (in Russian).
- Repina, L.G. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vekov: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika* [Historical science at the turn of 20th– 21stcenturies: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug, 2011 (in Russian).
- Riordan, James. "Sport in Soviet Society." In *Development of Sport and Physical Education in Russia and the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Rossijskij gosudarstvenny arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian state archive of socio-political history], f. 17, op. 125, d. 473.
- Shaburov, Yu.N. *Alekhin*. Moscow: Molodaja gvardija, 2001 (in Russian).
- Winter, Ed. *Capablanca*. Jefferson, N.C.; London, 1989.

Submitted: 20 November 2017

For citation: Oleynikov, Dmitriy I. "Administrative apparatus of Stalin era and Alekhin–Botvinnik failed match (1939–1940)." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 74–91. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-74-91.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108

РУССКИЙ МИР В ИСПАНИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР (1991–2015 ГГ.)

В.Ф. Ершов^а, Х.Д. Гаджиева^б

^а Московский государственный областной университет, Москва, Россия
105005, Москва, ул. Радио, 10а.
ershov_yf@mail.ru

^б Независимый исследователь (Республика Азербайджан)
khanym15@mail.ru

В статье обоснована научная актуальность изучения российского зарубежья в Испании в контексте международной политики России и развития процессов глобализации. Раскрывается позитивное влияние расширения российско-испанского сотрудничества в сфере культуры и образования в 2000-е гг. на процесс институционализации движения российских соотечественников в Испании за сохранение своей культурной и языковой идентичности и на продвижение русской культуры в испанском интеллектуальном пространстве. В статье анализируются важнейшие аспекты общественной жизни современного русскоговорящего зарубежья в Испании, роль сообщества российских соотечественников в Испании в расширении диалога культур, в международном взаимодействии в образовательной и экономической сферах; анализируется влияние глобализации на эволюцию социально-культурного облика и институциональной структуры российской диаспоры в Испании в 1990–2000-е гг.

Ключевые слова: российское зарубежье, Русский мир, русские в Испании, российско-испанские отношения, глобализация

Введение

Актуальность темы исследования определяется возрастающим значением Русского мира в системе международной политики и общецивилизационной культуры, как в глобальном измерении, так и в контексте выстраивания двусторонних отношений Российской Федерации с различными странами, в том числе в процессе развития российско-испанского взаимодействия. Дополнительную актуальность изучению центров Русского мира в Испании

придает реализация программ культурного и научно-образовательного сотрудничества, которая осуществляется в рамках комплекса мероприятий в связи с 40-летием восстановления дипломатических отношений между нашими странами. Кроме того, в декабре 2017 г. исполнилось 350 лет со дня прибытия в Испанию первой российской дипломатической миссии. Данные события находят отражение в официальных мероприятиях и в публичной дипломатии, освещаются в средствах массовой информации двух стран¹.

Тема становления российского зарубежья в Испании, его демографическая, социальная и структурная эволюция затрагивается в обобщающих исследованиях по истории феномена российского зарубежья члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара², М.Н. Мосейкиной³, З.С. Бочаровой⁴, Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева⁵ и др. Отдельные аспекты формирования и социально-культурной специфики испанских центров российского зарубежья рассматриваются в контексте изучения проблематики Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. и ее отражения в общественно-политической жизни российской эмиграции 1930–1980-х гг.⁶ Тема Русского мира в Испании находит отражение в публикациях, посвященных испанской истории и культуре, вопросам внешней политики Испании и российско-испанских отношений. В частности, проблематика становления и эволюции российско-испанских культурных связей в XIX – начале XXI вв. раскрывается в трудах В.Е. Багно⁷,

---

¹ Россия и Испания отмечают юбилей // Международная жизнь = International Affairs. 12 августа 2017 г. URL: interaffairs.ru/news/show/16835.

² Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

³ Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира, XIX – начало XX века / Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 1. М.: АИРО-XXI; СПб: Алетейя, 2014.

⁴ Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России / Русский мир в XX веке. В 6-ти томах / Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 6. М.: АИРО-XXI, 2014.

⁵ Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. М.: АИРО-XXI; СПб:Алетейя, 2014.

⁶ Пчелинов-Образумов А.А. Образ Испанской республики (1936–1939) в прессе российской политической эмиграции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1(144). Вып. 25. С. 44–52; Семенов К.К. Русская эмиграция и Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М.: Алгоритм, 2016.

⁷ Багно В.Е. Образ другого как способ самопознания (Россия и Испания) // Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейских литератур. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999; Багно В.Е. Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культу-

исследованиях О.В. Волосюк⁸, Д.В. Юркова⁹ и др., а также в совместных работах российских и испанских авторов¹⁰. Важные аспекты междивизиационного диалога России и Испании и ибероамериканского мира в целом в историческом аспекте раскрываются в исследованиях М.Н. Мосейкиной¹¹.

В работах П.П. Яковлева изучается эволюция внутренней и внешней политики Королевства Испания в новейший период, развитие российско-испанских взаимоотношений, в том числе оказывающее влияние на социум русскоговорящей диаспоры в Испании¹². Социально-экономический и культурный контекст развития испанских центров современного Русского мира затрагивается в публикациях Э. Аснара, Ф. Санчеса, И. Янышев-Нестеровой и других зарубежных авторов, исследующих проблемы внешней политики Испании, включая российско-испанские связи в XX – начале XXI вв.¹³. В то же время тема участия русскоговорящего сообщества в Испании

ры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб.: Союз писателей С.-Петербурга, 2001; Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006.

⁸ *Волосюк О.В., Юрков Д.В.* О развитии научных и культурных связей России и Испании на современном этапе // Россия – Испания – Иberoамерика. Перекрестный год сотрудничества. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 59-63.

⁹ *Юрков Д.В.* Российско-испанские культурные связи (конец 1970-х гг. – начало XXI в.). Автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. М., 2010.

¹⁰ Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / Отв. ред.: О.В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016; *Volosyuk O.V., Bagnó V., Cuesta Hernández L.J., Deyá Bauzá M.J., Kagané L., Latorre J., Shashkov Y. Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad* // Pamplona : Universidad de Navarra, 2015.

¹¹ *Мосейкина М.Н.* Судьба поколений литературной эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 55–67; *Она же.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х годах // Российская история. 2010. № 3. С. 80–101; *Она же.* Русский мир на пространстве Латинской Америки: потенциал русских иммигрантов как социально-демографический, духовный и агентный ресурс // Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и перспективы. В 2 т. Т. 1. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2014. С. 111–118.

¹² *Яковлев П.П.* Испания: три десятилетия достижений и перемен // Латинская Америка. 2005. № 10. С. 31–36; Яковлев П.П. Россия и Испания на пути к «Партнерству для модернизации» // Международная экономика, 2011. № 6. С. 46.

¹³ *Aznar E.* Revision del concepto tie lejania en un mundo globalizado: Rusia, Asia, Africa y el Pacífico // Espana, un actor destacado en el ambito internacional / Coord. Ferre J. M. Madrid: Fundacion para el analisis y los estudios sociales, 2000; *Sanchez Fernandez R.* Relaciones comerciales e institucionales de Rusia con la Union Europea // Informacion Comercial Espanola (ICE). 2003, pp. 117–132; *Francesc Serra I Massansalvador.* Rusia, la otra potencia europea. Barcelona, 2005; *Ványeshev Nésterova, I.* El trasfondo institucional de los intereses soviéticos en el Atlántico Centro – Oriental 1965–1971” // Economía y marco institucional (siglos XVI–XX)] En LUXÁN, S. (Ed.) Las Palmas de Gran Canaria: Mapfre Guanarteme, 2014, pp. 209–241 etc.

в международном диалоге культур, которые ведут Россия и Русский мир в условиях глобализации 1990–2000-х гг., до настоящего времени не изучалась в качестве самостоятельной научной проблемы.

В статье использованы материалы законодательства Российской Федерации, отражающие государственную политику России в отношении сообщества российских соотечественников, проживающих за рубежом, международные правовые акты и документы МИД РФ по проблемам двусторонних отношений Российской Федерации и Испании. Используются также материалы сайтов Фонда «Русский мир», культурных обществ и ассоциаций российских соотечественников в Испании, информационного портала «Русская Испания», испанского журнала «Линда» (*La vida Linda*), который имеет русскоязычную версию, адресованную сообществу российских соотечественников в Испании, и др.

В статье предполагается рассмотреть ключевые факторы и специфику развития центров Русского мира в Испании в 1990–2000-е гг., проанализировать роль и место русскоговорящего сообщества в Испании в развитии диалога культур в рамках российско-испанского и общеевропейского взаимодействия, а также в системе международного Русского мира.

Исследование выполнено на основе системного анализа, проблемно-хронологического, логического и историко-сравнительного методов.

Миграции из России и стран ближнего зарубежья в Испанию

На рубеже XX–XXI вв. возрастает роль сообществ российских соотечественников, проживающих в различных странах мира, в развитии международного сотрудничества Российской Федерации в области экономики, науки и культуры¹⁴. В этот период диалог России с российским зарубежьем вступает в качественно новый этап благодаря нескольким основным факторам: формированию новых принципов государственной политики России в отношении зарубежных соотечественников, изменениям демографических и социально-культурных параметров российских зарубежных диаспор, процессам экономической, культурной и информационной глобализации. Влияние данных факторов на облик структур зарубежного Русского мира и

---

¹⁴ *Пивовар Е.И.* Зарубежная Россия и современное российское общество в контексте историко-культурного сотрудничества поколений // Сайт Информационно-аналитического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. 21 ноября 2006 г. URL: ia-centr.ru/archive/public_details0ce1.html?id=225.

характера их взаимодействия с Россией наглядно прослеживается на примере российского зарубежья в Испании.

В 1990-е гг., после распада СССР, заметно активизировались миграционные потоки из России и других постсоветских государств на Запад, включая средиземноморский регион – в Италию, Испанию, Португалию. Наряду с экономическими возможностями русскоговорящих мигрантов привлекали природно-климатические условия данных стран, их яркие культуры, доброжелательность и открытость местного населения. Русскоговорящее сообщество современной Испании также сформировалось главным образом на основе миграций с территории Российской Федерации и постсоветских государств; в то же время в его социальную структуру входят потомки российской эмиграции XX в. и «испанских детей», возвратившихся на родину в 1970–1980-е гг. вместе с русскими супругами.

Наибольший приток российских соотечественников в Испанию наблюдался в 2000-е гг. По данным Национального Института статистики Испании, на 2011 г. в стране проживало около 65,5 тысяч россиян¹⁵. В 2000 г. в Мадриде открылся первый русский магазин «Калинка», где можно было приобрести привычные продукты, музыкальные записи, сувениры из России. К концу 2000-х гг. в различных городах страны действовало уже более 100 подобных магазинов. «Сегодня в Испании, кажется, есть все для того, чтобы русские чувствовали себя, как дома», – отмечалось на одном из русскоязычных сайтов¹⁶. При этом современная Русская Испания включает не только россиян, но и русскоговорящих представителей постсоветских государств, которые, проживая постоянно или длительное время за границей, тяготеют к общению с российскими соотечественниками. В то же время они поддерживают контакты с родственниками, друзьями, деловыми партнерами в своих странах (Белоруссии, Казахстане и др.).

В Мадриде при российском посольстве действует русская школа, в которой обучаются дети российских, казахстанских и украинских дипломатов. Таким образом, русский язык и структуры Русского мира в Испании становятся частью системы разнообразных международных общественных и частных коммуникаций, соединяющих государства Европейского Союза с системой стран СНГ.

---

¹⁵ Русские в Европе. Испания: здесь самые счастливые мигранты. Электронный ресурс. URL: <http://prian.ru/pub/23196.html>.

¹⁶ Там же.

Популяризация русского языка и культуры в Испании

На рубеже XX–XXI вв. проявляется стремление русскоговорящего общества Испании к самоорганизации и деятельности в сфере сохранения культурно-языковой идентичности. Российские соотечественники в Испании, большинство которых успешно интегрировалось в деловую, научную и культурную жизнь испанского общества, играют важную роль в формировании положительного образа России в глазах испанцев, способствуя развитию российско-испанского диалога. При этом научно-исследовательские, просветительские и информационные проекты российских зарубежных соотечественников представляют собой компонент транснационального взаимодействия народов и регионов Испании и всего постсоветского пространства.

Интеллектуальные круги российского зарубежья в Испании являются носителями традиционных ценностей отечественной культуры, что нашло отражение, в частности, в деятельности по популяризации классической русской литературы и, прежде всего, произведений А.С. Пушкина.

В 1990-е гг. именно Пушкин, образ которого в XX в. занимал особое место в общественно-культурной жизни российской эмигрантской интеллигенции как эталон и символ отечественной культуры, объединил испанских русистов и представителей русскоговорящего сообщества в Мадриде. В этот период прекратила свое существование Ассоциация «Испания – СССР», которая в предшествующий период играла важную роль в системе российско-испанского культурного диалога, сократилось финансирование и, соответственно, число мероприятий в сфере продвижения в Испании русского языка и литературы, которые проводились российскими научными и дипломатическими учреждениями. В сложившейся ситуации группа энтузиастов во главе с ректором Мадридского политехнического университета Рафаэлем Портаэнкасой при содействии посольства Российской Федерации в Испании выступила инициатором создания Фонда «Александр Пушкин», коллектив которого составили деятели культуры, представлявшие сообщество Русского мира в Испании, испанские русисты и любители русского языка и культуры. Руководителем Фонда был избран сотрудник Росзарубежцентра историк А.А. Черносвитов. Фонд «Александр Пушкин» в 1990–2000-е гг. внес неоценимый вклад в популяризацию русского языка и культуры, как среди испанцев, так и среди потомков российских эмигрантов. При Фонде были открыты курсы русского языка и русская школа, регулярно проводились культурно-просветительские мероприятия. За двадцать лет работы Фондом «Александр Пушкин» были устроены десятки выста-

вок разнообразной тематики, проведено более 1300 концертов, организованы многочисленные обмены делегациями деятелей культуры и искусства, а также школьников и молодежи.

Русскоязычная пресса в Испании

В 1995 г. в Испании начался выпуск первой русскоязычной газеты «Новая Земля». Издание выходило дважды в месяц и предназначалось преимущественно для туристов из России и постсоветских государств, отдыхавших на курортах испанской Андалусии. В последующие годы в условиях растущей численности русскоговорящего сообщества в Испании появились два еженедельника, представлявших версии популярных российских изданий – «Комсомольская правда в Испании» и «МК-Новости Испании», журналистские коллективы которых не только на высоком уровне ведут свою профессиональную работу, но и участвуют в культурной жизни центров Русского мира в Испании.

На территории Испании распространяется также газета «Слово», которая издается в Португалии. В 2000-е гг. в курортных районах Испании, где также проживает много выходцев из России и стран СНГ, появилась печатная периодика и электронные СМИ на русском языке, главным образом информационно-рекламного и развлекательного характера: газета «Вести Майорка» (Балеарские острова), «Русский журнал» (Барселона), журнал «Линда» (Коста-дель-Соль), двуязычные журналы «ImpulsPlus» (Мурсия) и «Beautiful People» (Марбелья). Летом 2013 г. ведущий издательский дом Андалусии «SUR» запустил еженедельную газету «SUR на русском». В конце 2011 г. в Аликанте (Барселона) начало вещание «Русское радио», а в 2013 г. была создана радиостанция «Русское Радио Марбелья» (Коста-дель-Соль), выступившая в январе организатором в Марбелье фестиваля российского кино¹⁷.

Российско-испанское культурное сотрудничество

В 1990–2000-е гг. устанавливаются новые принципы государственной политики России в отношении соотечественников, проживающих за рубежом¹⁸, перед дипломатическими учреждениями Российской Федерации

---

¹⁷ Вклад российских соотечественников в культуру и науку зарубежных стран. Сборник материалов / Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. М., 2013. С. 157.

¹⁸ Федеральный закон № 99-ФЗ от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». С изменениями в соот-

ставится задача развития общественно-культурных связей с диаспорами, в том числе создаются механизмы популяризации и поддержки в российском зарубежье и вообще в мире русского языка и культуры.

Во второй половине 2000-х гг. российско-испанские отношения получили новый импульс развития в связи с визитом Президента России В.В. Путина в Мадрид в 2006 г. и подписанием «Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания»¹⁹ 2009 г., а также другими двусторонними российско-испанскими договоренностями²⁰. Конструктивные тенденции в развитии российско-испанского диалога складывались на основе взаимодействия Россотрудничества, посольства России в Мадриде и других российских учреждений в Королевстве Испания, различных испанских организаций и местных сообществ российских соотечественников. Подобные формы сотрудничества позволили расширить круг участников российско-испанских проектов, особенно в сфере культуры и искусства, создавали в процессе их подготовки и реализации творческую доверительную атмосферу.

С 2008 г. представительство Россотрудничества (Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству) в Мадриде во главе с советником российского посольства Э.А. Соколовым, проводит работу на основе современной парадигмы международного культурного сотрудничества и глобального диалога гражданских обществ. Были установлены партнерские отношения с испанскими университетами, колледжами, мэриями городов, библиотеками и музеями, а также налажены постоянные контакты с землячествами, клубами и ассоциациями российских соотечественников в Испании²¹. При этом уделялось внимание культурным проектам, адресо-

---

ветствии с Федеральным законом РФ от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом».

¹⁹ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания. 3 марта 2009 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213562.shtml.

²⁰ Программа сотрудничества между Королевством Испания и Российской Федерацией в области культуры и образования на 2005–2007 годы. Подписана в Москве 29 сентября 2005 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213562.shtml.

²¹ Сборник научно-информационных материалов комплексных мероприятий, посвященных празднованию Дня русского языка, для российских соотечественников и иностранных граждан, Испания, Мадрид – Валенсия, 3–8 июня 2014 г., Болгария, София – Бургас, 5–11 октября 2014 г. / Россотрудничество, Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого; редкол.: Ж.Е. Фомичева (отв. ред.) и др. М.–Тула, 2014.

ванным конкретным регионам и городам страны, что на волне активизации регионалистского движения в Испании встречало достаточно широкий интерес и поддержку местной общественности²².

В этот период испанские провинции активно стремились заявить о себе как о самостоятельных субъектах не только в политической и экономической, но и в культурной сфере, в том числе на международном уровне, что способствовало дальнейшему развитию их культурного диалога с Россией, а также с российскими регионами. Выставки картин, фотографий и книг, концерты, этнографические и детские фестивали, показы кинофильмов и другие мероприятия, рассказывавшие о культуре и искусстве народов Российской Федерации, проводились в Мадриде, Барселоне, Гранаде, Малаге, Севилье и других городах Испании²³.

10 декабря 2010 г. группой крупных российских компаний и некоммерческих организаций был создан благотворительный фонд «Дом России в Барселоне», который стал одним из ведущих центров российско-испанского культурного диалога: здесь были открыты курсы русского языка, регулярно проводятся концерты российских исполнителей, художественные выставки.

В марте 2011 г. была основана Ассоциация «Русский Дом в Каталонии», которая объединила несколько крупных российских финансовых и промышленных компаний, работающих в Испании, в том числе Газпромбанк и Трансмашхолдинг, и заинтересованных в развитии российско-испанского диалога в сфере экономики и культуры. Так, под эгидой Ассоциации «Русский Дом в Каталонии» и ее представительств, открытых в 2012 г. в Барселоне, Мадриде и на Коста Брава, проводится обмен художественными выставками, гастролями театральных и музыкальных коллективов между Испанией и Россией и другими формами культурного диалога, а также осуществляется правовая и информационная поддержка российских туристов²⁴.

Особое значение для структур Русского мира в Испании имели мероприятия 2011 года – перекрестного Года культур России и Испании, в рамках которого состоялось большое количество концертов, спектаклей, выставок, привлекавших как испанскую публику, так и представителей русскоговорящего сообщества. Осуществление данных проектов подтвер-

---

²² Шабига А.В., Бондаренко Т.В. Внешнеполитический аспект региональной политики Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2013. № 2. С. 83–91.

²³ Дружба + сотрудничество = культура // Портал «Русская Испания». URL: www.russianspain.com/blog/kultura/5025.html.

²⁴ Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века. М.: Инфра-М, 2016. С. 94.

дило глубину исторических культурных и художественных связей между двумя странами и раскрыло новые перспективы для российско-испанского интеллектуального диалога²⁵. 5 декабря 2011 г. в Мадриде был открыт Российский центр науки и культуры (РЦНК), который регулярно представляет в Испании русские книги, лучшие образцы изобразительного, музыкального и театрального искусства России, проводит встречи с российскими деятелями науки и культуры²⁶. Актуальным аспектом работы Центра стало продвижение в информационном пространстве Испании культур народов и регионов России, которое осуществляется в рамках различных российско-испанских акций, например, «Дни Осетии в Испании» и т.п.

Важное значение в системе российско-испанских научных и культурных связей имеют контакты в рамках профильных коллективов факультетов и кафедр вузов в России и Испании, а также специализированных структур высшей школы, работающих по испанской тематике. В их числе Центр Галисийских исследований при Санкт-Петербургском государственном университете, Ибероамериканский Центр МГИМО – Университета МИД России, Российский университет дружбы народов, НИУ «Высшая школа экономики» и др.

Представители российской, европейской и латиноамериканской высшей школы и академических учреждений входят в состав «Международной федерации ассоциаций испанистов и преподавателей испанского языка» и других научно-корпоративных объединений, наиболее значимые проекты которых формируются и реализуются на основе сотрудничества дипломатических структур, различных министерств и ведомств и общественных организаций²⁷. Академическая мобильность русскоговорящей молодежи, заинтересованной в изучении (совершенствовании) испанского языка, обеспечивает развитие коммуникативных связей не только между вузами России и Испании, но и в общеевропейском и евразийском формате²⁸.

---

²⁵ Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы = España y Rusia: diálogo de culturas a través del paradigma de la civilización contemporánea: материалы Международной научно-практической Интернет-конференции / Ред. Гайбарян О.Е. Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2011.

²⁶ В Мадриде открылся Российский центр науки и культуры // Российская газета. Столичный выпуск. 6 декабря 2011 г. № 5650 (274).

²⁷ Мехонцев В. Российская испанистика: с уверенностью в будущее // Вузовский вестник: Российская информационно-аналитическая газета. М., 16–31 мая 2008 г. № 10 (58). С. 4.

²⁸ Растущая Европа: проблемы построения Большой Европы = *Nascia una Europa amplia*: Дискуссия в Университете Помпеу Фабра (Барселона), 17 апреля 2013 года. Санкт-Пе-

Существенную роль в сохранении российскими соотечественниками в Испании культурно-языковой идентичности и в расширении их контактов с Россией и русскоговорящими сообществами в различных странах играет Фонд «Русский мир», который реализует программы распространения русского языка в Мадриде, Гранаде, Барселоне и других городах Испании, а также способствует вовлечению русскоговорящих испанцев и россиян, проживающих в Испании, в систему глобальных сетевых коммуникаций на русском языке²⁹. Ассамблеи и круглые столы «Русского мира», в которых принимают участие российские соотечественники и русисты из многих стран мира, в том числе из Испании, в настоящее время стали одной из наиболее авторитетных международных площадок, где деятели образования и культуры обсуждают актуальные проблемы глобального продвижения русского языка и литературы и сохранения языковой идентичности в российском зарубежье³⁰.

Деятельность Фонда «Русский мир», Фонда «Александр Пушкин» в Мадриде и других организаций в России и российском зарубежье в сфере глобального продвижения русского языка и литературы перекликается с миссией испанского «Фонда Сервантеса», осуществляющего аналогичную работу по поддержке и распространению в мире испанского языка, и другими внешнеполитическими культурными проектами Испании³¹.

Общественные организации российских соотечественников

Сообщества российских соотечественников в Мадриде и различных испанских провинциях проявляют значительную общественную активность, создавая русские ассоциации и клубы, которые становятся центрами живого культурного обмена³². Еще более широкое культурно-информационное

тербург: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов; Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2014.

²⁹ *Чепиницкая П.Р.* Категория «соотечественники за рубежом» в модусе этносоциологии и сетевая структура «Русского мира» // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 8. С. 102–104.

³⁰ *Смыслы и ценности русского мира. Сборник статей и материалов «круглых столов», организованных Фондом «Русский мир» / Ред. В. Никонов. М.: Фонд «Русский мир», 2010.*

³¹ *Боголюбова Н., Николаева Ю.* Внешняя культурная политика: опыт Испании // *Латинская Америка*. 2011. № 8. С. 56–68.

³² *Русские в Испании / Гл. ред. Александр Пеунов. Мадрид: Координационный совет русских соотечественников в Испании, 2011.*

поле составляют сетевые структуры российских соотечественников в Испании. В стране имеется более десяти центров культурного сотрудничества с Россией, большинство которых было создано благодаря общественной активности российских соотечественников в Испании. В то же время в их работе участвуют многие испанские деятели культуры, искусства и образования, а также испанские мужья и жены из смешанных семей и представители их ближайшего окружения. Нередко подобные культурные инициативы связаны с предпринимательской деятельностью их участников, например, туристическим бизнесом.

Только в Мадриде действуют семь российско-испанских общественных организаций, в том числе Фонд «Александр Пушкин», Федерация «Русский Дом», «Ассоциация культурного сотрудничества с родиной – СССР», Культурная ассоциация «Испания – Россия» и др. Культурно-просветительную и гуманитарную работу ведут «Ассоциация русской культуры» в Арагоне, Ассоциация «Соотечественники» в Барселоне, «Ассоциация русскоговорящих» в Севилье и др.

В 2006 г. представители российского зарубежья в Испании приняли участие во II Всемирном Конгрессе российских соотечественников в Санкт-Петербурге, а в 2007 г. в Мадриде состоялась Первая Конференция российских соотечественников в Испании, на которой был образован «Координационный совет российских соотечественников в Испании», объединивший представителей большинства вышеназванных местных обществ и ассоциаций.

Русская Испания – участник диалога культур многонациональной Европы

В 2000-е гг. российские соотечественники в Испании включаются в систему общественно-культурного взаимодействия национальных диаспор в Европе, в том числе в проекты Европейского русского альянса (ЕРА) – объединения российских общественных деятелей и представителей СМИ в Европейском Союзе. Так, например, в мае 2008 г. ЕРА при содействии Фонда «Русский Мир» выступил в качестве организатора в Люксембурге Форума этнических меньшинств, где российские соотечественники из 20 стран, включая Испанию, получили возможность обменяться опытом социально-культурной адаптации и интеграции в европейское сообщество с различными национальными объединениями – Нидерландско-польским центром культуры и образования, Испанско-китайским фондом сотрудничества и развития, Еврейским обществом Дюссельдорфа, мусульманскими

общинами Европы и др.³³ Подобные инициативы стали частью общей картины культурного и лингвистического пространства современной Европы и ее взаимодействия с другими регионами мира. При этом многие представители русскоговорящего сообщества Европейского Союза, включая Испанию, являются представителями не только русской культуры, но и самобытных культур народов Средней Азии, Кавказа, Поволжья и других этносов, формирующих евразийское цивилизационное поле. Соответственно, общественные инициативы Русского мира в современной Европе, в том числе в Испании, представляют собой уникальные площадки для диалога цивилизаций Востока и Запада³⁴.

В 2014–2015 гг. российские соотечественники в Испании принимали участие в движении за сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и праздновании 70-летия Победы, развернувшимся в российском зарубежье, а также активно включились в орбиту международной народной дипломатии, продвигающей положительный образ России в Западной Европе и мире.

Выводы

В рамках общественно-культурной и повседневной жизни российских соотечественников в Испании сложился уникальный центр интенсивного диалога Мира Испанидад и Русского мира, каждый из которых имеет глобальное цивилизационное значение, включает множество разнообразных институциональных подсистем и центров в большинстве регионов планеты.

Русский мир в Испании является одним из исторических центров российского зарубежья XIX–XX вв. и в то же время одним из динамично развивающихся сообществ современной русскоговорящей Европы, в социум которой входят представители нескольких поколений россиян и граждан постсоветских государств.

Традиционные культурные связи России и Испании, взаимные симпатии народов двух стран, продолжающееся их тесное общегуманитарное взаимодействие в различных сферах явились существенным фактором ин-

---

³³ Русские из Испании знакомятся с китайцами из Испании // Портал «Русская Испания». URL: www.russpain.ru/44/index.php?id=6492.

³⁴ Диалог цивилизаций: Восток–Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы XII научной конференции молодых ученых / Ред. Петров В.Б. М. РУДН, 2012. Россия и Испания отмечают юбилей // Международная жизнь = International Affairs. 12 августа 2017 г. Электронный ресурс. URL: interaffairs.ru/news/show/16835.

теграции российских соотечественников в испанское общество без утраты культурно-языковой самобытности и развития в Испании центров международного Русского мира. В то же время деловая, культурная и научная деятельность российских соотечественников в Испании в рассматриваемый период создавала позитивный фон для расширения двусторонних российско-испанских отношений, а также для сближения позиций России и Испании по ключевым вопросам глобального сотрудничества и безопасности.

В условиях информационной и социальной мобильности русскоговорящая Испания, прежде всего молодежь, активно участвует в международных гуманитарных, образовательных и деловых проектах, что играет важную позитивную роль в развитии глобального диалога культур начала XXI века.

© Ершов В.Ф., Гаджиева Ханым Давид кызы, 2018

Рукопись поступила в редакцию 17 марта 2017 г.

Для цитирования: *Ершов В.Ф., Гаджиева Ханым Давид кызы. Русский мир в Испании и культурный диалог (1991–2015 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 92–108. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108.*

RUSSIAN COMMUNITY IN SPAIN AND CULTURAL DIALOGUE (1991–2015)

Vitaliy F. Ershov^a, Khanym David kyzy Gadzhieva^b

^a Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, 105005, Russia
ershov_vf@mail.ru

^b independent researcher (The Azerbaijan Republic)
khanym15@mail.ru

The article considers the relevance of studying the Russian community in Spain in the context of Russia's foreign policy and the development of globalization processes. The author considers the factors of the increase of the Russian-speaking community of Spain at the turn of the 21st century, highlights the key demographic and social parameters of the Russian community in Spain. The article reveals the positive influence of the expan-

sion of the Russian-Spanish cooperation in the sphere of culture and economy in the 2000s on the process of institutionalization of the movement of the Russian compatriots in Spain for the preservation of their cultural and language identity and on the promotion of the Russian culture in Spain. There are distinguished the most important aspects of the social life of the modern Russian-speaking community of Spain: revitalization of joint cultural work of the Russian diplomats, of the representatives of the Russian business in Spain and figures of the foreign Russian community; participation of foreign compatriots in the development of the Russian-Spanish relations at the regional level, including the national republics of the Russian Federation; increase of the share of the Russian-language press, electronic media and social networks in the Spanish information space, etc. The author reveals the role of the Russian compatriots' community in Spain in the increase of the dialogue of cultures and civilizations, in the international interaction in the educational and economic sphere. There is also analyzed the influence of globalization on the evolution of the socio-cultural image and institutional structure of the Russian diaspora in Spain in the 1990–2000s.

Keywords: the Russian community, the Russian world, Russians in Spain, Russian-Spanish relations, globalization

REFERENCES

- Aznar, E. "Revision del concepto tie lejanía en un mundo globalizado: Rusia, Asia, Africa y el Pacífico." *España, un actor destacado en el ámbito internacional*. Madrid: Fundación para el análisis y los estudios sociales, 2000.
- Bagno, V.E. "Jazyki pograničnyh kul'tur (Ispanija i Rossija)." [Languages of border cultures (Spain and Russia)]. *Pograničnye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom (Rossija i Ispanija)*. St. Peterburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenny universitet, 2001 (in Russian).
- "Obraz drugogo kak sposob samopoznaniya (Rossija i Ispanija)." [The image of the other as a way of self-knowledge (Russia and Spain)]. *Vzaimosvyazi i vzaimovliyaniye russkoy i evropeyskih literatur*. St. Peterburg: St. Petersburg University, 1999 (in Russian).
- *Rossija i Ispanija: obshhaja granica*. St. Peterburg: Nauka, 2006 (in Russian).
- Bocharova, Z.S. "Russkij mir 1930-h godov: ot rascveta k uvyadaniyu zarubezhnoy Rossii." [Russian world of the 1930-ies, from blossoming to withering foreign Russia]. In *Russkij mir v XX veke*. Vol. 6. Moscow: AIRO-XXI, 2014 (in Russian).
- Bordyugov, G.A., and Kasaev, A.Ch. *Russkij mir i Rossija: formirovanie novogo tipa ot-noshenij. 1986–2000 gg.* [Russian world and Russia: the formation of a new type of relationship. 1986–2000]. Moscow: AIRO-XXI; St. Peterburg: Aleteiya, 2014 (in Russian).
- Chepinickaja, P.R. "Kategorija «sootchestvenniki za rubezhom» v moduse jetnosociologii i setevaja struktura «Russkogo mira»." *Theory and practice of social development*, no. 8 (2011): 102–104 (in Russian).

- Ershov, V.F. *Russkij mir i severokavkazskoe zarubezh'e v XX – nachale XXI veka*. Moscow: Infra-M, 2016 (in Russian).
- Fomicheva, Zh.E. at all, eds. *Sbornik nauchno-informacionnyh materialov kompleksnyh meroprijatij, posvjashhennyh prazdnovaniju Dnja russkogo jazyka, dlja rossijskikh sootchestvennikov i inostrannyh grazhdan, Ispanija, Madrid – Valensija, 3–8 ijunja 2014 g., Bolgarija, Sofija – Burgas, 5–11 oktjabrja 2014 g.* Moscow; Tula: Ros-sotrudnichestvo; Tula state pedagogical university Publ., 2014 (in Russian).
- Gajbarjan, O.E., ed. *España y Rusia: diálogo de culturas a través del paradigma de la civilización contemporánea: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii*. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2011 (in Russian).
- Massansalvador, Francesc Serra I. *Rusia, la otra potencia europea*. Barcelona: Bellaterra, 2005.
- Mekhontsev, V. “Rossiyskaya ispanistika: s uverenost'yu v budushhee.” [Russian hispanistics: with confidence to the future]. *Vuzovskiy vestnik: Rossiyskaya informacionno-analiticheskaja gazeta*. May 16–31, 2008 (in Russian).
- Moseikina M.N. “Russkij mir na prostranstve Latinskoj Ameriki: potencial russkikh immigrantov kak social'no-demograficheskij, duhovny i agentny resurs.” [Russian world in the space of Latin America: the potential of Russian immigrants as socio-demographic, spiritual and agent-based resource]. *Rossija i Iberoamerika v globalizirujushhemsja mire: istorija i perspektivy*, 111–118. Vol. 1. St. Peterburg: St. Peterburgskij gosudarstvennij universitet, 2014 (in Russian).
- Moseikina M.N. “The fate of literary émigré generations in the context of Russian-Latin America dialogue of cultures.” *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts* 18, no. 4 (2016): 55–67 (in Russian).
- “U istokov formirovaniya Russkogo mira, XIX – nachalo XX veka.” [At the origins of formation of the Russian world, of the 19th – early 20th century]. In *Russkij mir v XX veke*. Vol. 6. Moscow: AIRO-XXI, 2014 (in Russian).
- “Russkaya emigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–1930-h godah” [Russian emigration in Latin America in 1920–1930s]. *Russian history*, no. 3, (2010): 80–101 (in Russian).
- Nikonov, V. ed. *Smysly i cennosti russkogo mira*. Sbornik statej i materialov «kruglyh stolov», organizovannyh Fondom «Russkij mir». Moscow: «Russkij mir», 2010, 101 (in Russian).
- Pchelinov-Obrazumov, A.A. “Obraz Ispanskoj respubliki (1936–1939) v presse rossijskoj politicheskoy jemigracii.” [The image of the Spanish Republic (1936–1939) in the press of the Russian political emigration]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika* 25, no. 1 (2013): 44–52 (in Russian).
- Peunov, A. ed. *Russkie v Ispanii* [Russian in Spain]. Madrid: Koordinacionnyj sovet russkikh sootchestvennikov v Ispanii, 2011 (in Russian).
- Pivovar, E.I. “Zarubezhnaya Rossiya i sovremennoe rossijskoe obshchestvo v kontekste istoriko-kul'turnogo sotrudnichestva pokolenii. Moscow: Gumanitarii, 2006 (in Russian).
- *Rossijskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii*. Moscow: RSUH Publ., 2008 (in Russian).

- “Rossija i Ispanija otmechajut jubilej.” *Mezhdunarodnaja zhizn'*, August 12, 2017. <https://iinteraffairs.ru/news/show/16835> (in Russian).
- Sanchez, Fernandez R. “Relaciones comerciales e institucionales de Rusia con la Union Europea.” *Informacion Comercial Espanola (ICE)*, no. 805 (2003): 117–132.
- Semenov, K.K. *Russkaya emigraciya i Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg.* Moscow: Algoritm, 2016 (in Russian).
- Shabaga, A.V., and Bondarenko, T.V. “Vneshnepoliticheskij aspekt regional'noj politiki Ispanii.” [The foreign policy aspect of the regional policy of Spain]. *Vestnik RUDN. International Relations* 12, no. 2, (2013): 83–91 (in Russian).
- Volosyuk, O.V. ed. *Rossijskie diplomaty v Ispanii. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016 (in Russian).
- Volosyuk, O.V., and Yurkov, D.V. “O razvitii nauchnyh i kul'turnyh svyazey Rossii i Ispanii na sovremennom etape.” [On the development of scientific and cultural ties between Russia and Spain at the present stage]. *Rossiya – Ispaniya – Iberoamerika. Perekrestnyy god sotrudnichestva.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2011: 59–63 (in Russian).
- Volosyuk, O.V., Bagnó, V., Cuesta, Hernández L.J., Deyá, Bauzá, M. J., Kagané, L., Latorre, J., and Shashkov, Y. “Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad.” *Pamplona: Universidad de Navarra*, 2015.
- and Yurkov, D.V. “O razvitii nauchnyh i kul'turnyh svyazey Rossii i Ispanii na sovremennom etape.” [On the development of scientific and cultural ties between Russia and Spain at the present stage]. *Rossiya – Ispaniya – Iberoamerika. Perekrestnyy god sotrudnichestva.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2011: 59–63 (in Russian).
- Bagnó, V., Cuesta, Hernández L.J., Deyá, Bauzá, M. J., Kagané, L., Latorre, J., and Shashkov, Y. “Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad.” *Pamplona: Universidad de Navarra*, 2015.
- Yakovlev, P.P. “Ispaniya: tri desyatiletija dostizheniy i peremen.” [Spain: three decades of achievements and changes]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], no. 10 (2005): 31–36 (in Russian).
- “Rossiya i Ispanija na puti k ‘Partnerstvu dlja modernizacii.’” [Russia and Spain on the way to «Partnership for modernization»]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*, no. 6, (2011): 46 (in Russian).
- Yányshev Nésterova, Irina. “El trasfondo institucional de los intereses soviéticos en el Atlántico Centro – Oriental 1965–1971.” *Economía y marco institucional (siglos XVI–XX)*, 209–241. Las Palmas de Gran Canaria: Mapfre Guanarteme, 2014.
- Yurkov, D.V. “Rossiysko-ispanskije kul'turnye svyazi (konec 1970-h gg. – nachalo XXI v.)” [Russian-Spanish cultural relations (end of 1970s – earlt 21st century)]. PhD thesis, RUDN University, 2010 (in Russian).

Submitted: 17 March 2017

For citation: Ershov, Vitaliy F., and Gadzhieva, Khanym David kyzy. “Russian community in Spain and global cultural dialogue (1991–2015).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 92–108. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-109-128

ГЕОГРАФИЯ «АРХИВНЫХ МАТЕРИКОВ» РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

И.В. Сабенникова^а, В.Л. Гентшке^а, А.С. Ловцов^а

^аВсероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела
117393, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 82
sabennikova@mail.ru

В статье анализируется процесс формирования крупнейших хранилищ архивного наследия российского зарубежья, показываются причины, способствовавшие появлению зарубежной архивной России, в том числе влияние миграций. Определяются понятия «Зарубежная архивная Россия» (далее ЗАР) и «Архивы российского (русского зарубежья)» (далее АРЗ), временные, исторические и географические аспекты в их формировании. Показывается многообразие архивных материалов по российской истории, находящихся за рубежом, часто разъединенных между различными архивными фондами, коллекциями, частными и государственными хранилищами, архивами и библиотеками. Рассматривается роль эмиграции в создании ЗАР, вклад эмигрантского сообщества в сохранение документального наследия российской эмиграции. Рассказывается о выявлении, передаче документов зарубежной архивной России России.

Ключевые слова: Русское зарубежье, архивы, зарубежная архивная Россия, документальное наследие

Введение

Осмыслить, сохранить национальную культуру, традиции невозможно без сохранения исторической памяти, важнейшей частью которой является архивное наследие. В этом контексте Зарубежная архивная Россия, в значительной части – архивное наследие русского эмигрантского зарубежья, являются важнейшей составляющей общего культурного достояния России.

Формирование этого обширного массива источников, охватившее длительный период времени, происходило постепенно, причем в различ-

ные периоды времени с разной степенью интенсивности, и было определено историческими событиями как в нашей стране, так и за ее пределами. На этот процесс влияли связи России (СССР) на международной арене, научная деятельность, особенно в сфере географических открытий, изучение народов мира, военные конфликты, порождающие вывоз архивов с оккупированных территорий, и др.

Понятие «Зарубежная архивная Россия» трактуется не всегда однозначно. На наш взгляд, если рассматривать его максимально широко, – ЗАР представляет собой весь тот объем архивных документов, имеющих отношение к России (СССР) и находящихся вне ее пределов, независимо от времени их происхождения. При этом архивное наследие Русского Зарубежья, в плане эмигрантских материалов, отложившихся за рубежом, составляет лишь часть всего массива документов, относящихся к «Зарубежной архивной России». В этом случае понятия «Зарубежная архивная Россия» и «Архивы Русского Зарубежья» не являются синонимами.

Источниками информации о ЗАР, в первую очередь, служат путеводители, каталоги, описи, справочники по архивам, библиотекам, музеям, Европы, Америки, Азии и др. Сведения можно получить также из материалов, размещенных на сайтах различных архивохранилищ мира. Дополнительная информация содержится в научной литературе, в периодике, как на русском, так и на иностранных языках, в диссертационных исследованиях, базирующихся на материалах зарубежных архивов, в каталогах выставок архивных документов, на сайтах, содержащих информацию по истории России.

В советской историографии, в силу идеологических причин, а также отсутствия адекватной источниковой базы, практически не уделялось внимания истории Российского Зарубежья, а появлявшиеся работы отличались определенной политизированностью. Еще менее изученной была ЗАР, в том числе архивы Русского Зарубежья, публикации по проблематике которой были представлены в основном разрозненными статьями и информационными материалами. Тема поднималась и зарубежными исследователями, причем за пределами нашей страны лидерами ее изучения становились эмигранты и их потомки, проживающие в различных странах мира¹.

---

¹ Бялькин Р.Н. Россия в Германии // Проблемы зарубежной архивной России. М., 1996. С. 107–109; К пребыванию потемкинцев в эмиграции: (документы, письма и записки из тетради А.Н. Матюшенко) // Исторический архив. 1955. № 3. С. 134–149; Слава Хвала Честь. Юбилейный сборник, посвященный 25-летию основания Русского Центра в Сан-Франциско С.Ш.А. Сан-Франциско, 1964; Хотимский К.М. Русские в Австралии. Мельбурн. 1957; Volkman H.T. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. Würzburg, 1966.

Политические изменения перестроечного периода и особенно после распада Советского Союза значительно усилили внимание к этим проблемам, расширилась география их изучения. Открытие многих архивных фондов, активная политика рассекречивания и появившиеся возможности для исследователей работать в зарубежных архивах, кардинально улучшили ситуацию. Вслед за публицистическими работами, часто опережавшими научный поиск, стали создаваться базирующиеся на документальных источниках научные работы, в том числе диссертационные исследования, документальные кинофильмы по истории российской эмиграции. Начали публиковаться архивные документы.

Среди исследований по проблематике архивов российского зарубежья – статьи, монографии, диссертации, сборники документов, справочники, словари, библиографические указатели, архивные путеводители и т.д.². Устойчивый интерес к данной теме проявляют и зарубежные исследователи, в том числе эмигранты и их потомки³.

---

² *Понов А.В.* Россия в негосударственных хранилищах США // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 22–26; *Понов А.В.* Архивные собрания Православной церкви в Америке: история и современность // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 42–44; Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999; Русская эмиграция в фотографиях. Франция, 1917–1947 / Сост. А. Корляков. Париж: Имка-Пресс, 1999; *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000; *Шмелев А.В.* К истории русской эмиграции в Китае: архивные фонды Музея русской культуры на микрофильме // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции. 29–30 октября 2003 г. М.: РОССПЭН, 2005. С. 176–186; *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2004; *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2005; *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: Проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005; *Шмаглит Р.Г.* Русская эмиграция за полтора столетия: Биографический справочник. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2005; Из архива Б.И. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. Русский революционный архив. М.: Памятники исторической мысли. Вып. 1. 2010; Вып. 2. 2012; *Малинина Г.М.* Музыкальная россика XVIII века: Состояние источников. Пути изучения. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2008; *Ковалев М.В.* Оксфордский архив профессора С.А. Коновалова // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 58–71; *Каневская Г.И., Массов А.Я.* Материалы по истории русской диаспоры в Австралии XIX–XX вв. в архивах и библиотеках пятого континента (по итогам поездки в Австралию в 2015 г.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 190–208.

³ *Govor E.* Russian Anzacs in Australian History. Sydney, NSW: UNSW Press in association with the National Archives of Australia, 2005; Visual Resources from Russia and Eastern Europe in The New York Public Library: A Checklist / Hee-Gwone Yoo, Kristen Regina; The New York Publ. Libr.; Hillwood Estate, Museum & Gardens; Inst. of Modern Russia Culture, Univ. of Southern California; pref. by John E. Bowlit; introd. by Kristen Regina – New York:

Важным на современном этапе исследования темы является то, что уже сформировались направления изучения проблемы, система исследовательских организаций, имеющих интернациональный характер, позволяющих в значительной мере координировать исследования. В научный оборот вошел объемный массив отчетной документации, позволившей всесторонне раскрыть феномен российской эмиграции.

Проанализированные нами публикации, базирующиеся на документах зарубежных хранилищ, посвящены истории жизни россиян за рубежом, всевозможным эмигрантским организациям и объединениям, персоналиям. Вышедшие к настоящему времени публикации, главным образом, раскрывают историю эмиграции из России в XX в., преимущественно постреволюционной волны как наиболее массовой. Отметим, что публикации, непосредственно посвященные ЗАР, поднимают важнейшие вопросы выявления, изучения и передачи документального наследия в виде подлинников или копий в Россию; рассматривают архивные путеводители (печатные и электронные), содержащие информацию о российских документах; анализируют публикации в отечественных периодических и продолжающихся изданиях на предмет содержания в них сведений о документах ЗАР; рассматривают проблему реституции архивных документов, перемещенных в годы Второй мировой войны и т.п.

Анализ работ не только показывает возросшую интенсивность использования документов из тех или иных хранилищ, но также постановку самой проблемы возвращения документов российского происхождения в отечественные архивы, сложности и специфику выявления таких документов, работу исследователей с понятийным аппаратом, выработку методологических подходов, позволяет более четко выявить «белые пятна» в изучении ЗАР и определить дальнейшие направления исследований⁴.

Авторы статьи провели системное комплексное изучение источников и литературы, уделив особое внимание понятийному аппарату, в том числе и определениям ЗАР и АРЗ, этапам и источникам их формирования, результатами которого стал ряд публикаций, в том числе справочников, позволяющих более глубоко и детально раскрыть тему⁵.

Ross Publ. LLC, 2008; Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова. Уредник Петар Буньяк. Славистичко друштво Србије Београд. 2013.

⁴ Проблемы зарубежной архивной россики: Сб. ст. М.: Информ.-изд. агентство «Русский мир», 1997; Зарубежная архивная Россия. Итоги и перспективы выявления и возвращения. Мат.-лы Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2000 г., Москва. М., 2001.

⁵ *Сабенникова И.В., Гентшке В.Л.* Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014; *Сабенникова И.В.*,

В статье поставлена задача, обобщив ранее полученные результаты, проанализировать процесс формирования своеобразных «архивных материков» российского зарубежья – территорий, где находятся наиболее крупные центры хранения документов, в первую очередь русской эмиграции, географию размещения, выявление и использование ЗАР, роль российской эмиграции в сохранении этого наследия. Широкая доступность зарубежных архивов, библиотек создали новую информационную ситуацию для исследования поставленной проблемы, что позволяет ввести в научный оборот обширные сведения об архивном документальном наследии русского зарубежья.

Методология данного исследования основывается на комплексном изучении архивного пространства русского зарубежья как целостной системы, имеющей свою структуру и закономерности развития, активном обращении к методам исторических и других гуманитарных наук и применении информационных технологий. Особое значение для ретроспективного изучения географии архивных материков российской диаспоры имеет системный анализ, позволяющий воссоздать из разрозненной фактографии объективную совокупность, обладающую всеми признаками и характерными особенностями системы. Новая информационная ситуация, современная достижимость справочно-информационных средств архивов мира позволили вести исследования на качественно ином уровне.

Источники, составляющие Зарубежную архивную Россию

Зарубежная архивная Россия представлена источниками разнородного генезиса, информационного и содержательного наполнения. Источники, составляющие ЗАР, можно условно сгруппировать в два комплекса документов:

- документы, созданные российскими правительствами, русскими или бывшими русскими гражданами, учреждениями и организациями и т.п.;
- зарубежный комплекс документов, включающий те документы, которые были созданы иностранцами, иностранными правительственными,

---

Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Архивные материк Российской зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2015; *Гентшке В.Л., Сабенникова И.В.* Документы российских историков-эмигрантов в архивах Великобритании и США // Исторический архив. 2016. № 6. С. 28–46; *Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С.* Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2017.

полуофициальными или частными учреждениями и организациями, а также частными лицами.

Остановимся на первом комплексе.

Прежде всего отметим, что это источники разной временной принадлежности (XVI – XVII – XXI вв.) и разнообразные по своему составу (документация официального характера, летописи, хроники, мемуары, корреспонденция, дневники, автобиографии, рукописи религиозного содержания, и др.). Так, обширный массив документов, касающихся истории Российского императорского дома (конец XVIII – нач. XX в.) входит в состав архивного наследия герцогов Ольденбургских (Нижнесаксонский государственный архив, г. Ольденбург и семейный архив герцогов Ольденбургских, г. Ойтин). Бодлеанская библиотека при Оксфордском университете располагает рукописями церковного содержания XVI–XVIII вв., письмами русских царей и другими документами. В архивах ряда прежде всего европейских стран находятся документы тогда еще малочисленного Российского Зарубежья и т.п.

1917 год стал рубежом и в процессе формирования новых документов ЗАР, в первую очередь создания архивов резко выросшего численно Русского Зарубежья. К первому комплексу относятся документы посольств, консульств Российской империи, оставшиеся за рубежами нашей страны после смены власти в результате Русской революции 1917 года. Среди стран, чьи архивы хранят дипломатические источники по русской истории, первенство принадлежит Франции, это прежде всего архив Министерства иностранных дел.

Значительная коллекция документов русского революционного движения хранится в Международном институте социальной истории в Амстердаме.

К этим документам примыкает документация, созданная за границей эмигрантскими организациями разных направлений (военными, профессиональными, образовательными, научными) или общественными группами, а также частными лицами.

Одним из богатейших собраний обладает Архив Гуверовского института войны, революции и мира, существующий в системе университета Стэнфорда в США: здесь отложились документы, созданные за рубежом представителями недипломатических и полуофициальных российских организаций, учреждений, например, документы парижского отделения дореволюционной русской зарубежной разведки; документы частных лиц, прежде всего многочисленных русских эмигрантов, включая частные бумаги,

среди которых встречаются копии и даже подлинники важных правительственных документов периода революции и Гражданской войны; массив документов радио «Свобода» отражает работу эмигрантов-интеллектуалов в сфере Самиздата, являющегося особой областью русской интеллектуальной жизни в советский период, и др. Подавляющая часть русских коллекций была передана архиву эмигрантами. В нем находится и знаменитая коллекция Бориса Николаевского, приобретенная Институтом в 1963 г. В ее составе – документы политических партий, политических деятелей, материалы по истории русской культуры.

Документы российских негосударственных частных организаций, церковных, культурных учреждений имеются в Национальном архиве в Вашингтоне, в Библиотеке Конгресса (США) и др. Отдельная группа – документы нелегальных организаций и высланных лиц, включая подпольные, позже диссидентские группы периода СССР. Сюда входят также документы российских политических партий, запрещенных церковных общин и приходов.

Сведения о послевоенных организациях русской эмиграции второй волны – Русской Освободительной Армии (РОА), Союзе борьбы за освобождение народов России – отложились в фонде М. В. Шатова (П. В. Каштанов), Бахметьевского архива Колумбийского университета⁶, а также в Бундесархиве, Политическом архиве Министерства иностранных дел ФРГ и архивах ряда других стран.

Большой интерес для исследователей диссидентского движения в СССР 1960-х – 1980-х гг. представляет коллекция документов П.Г. Григоренко, в том числе его переписка с А.А. Амальриком, Л.И. Богораз, В.К. Буковским, В.Н. Войновичем, Н.Е. Горбаневской, А.С. Есениным-Вольпиным, А.И. Солженицыным и другими представителями советского правозащитного движения, хранящихся в Архиве Центра российской культуры при колледже г. Амхерст (США, Массачусетс)⁷.

Отдельную группу составляют коллекции русских архивных материалов, созданные за рубежом, и части других коллекций и фондов в западных архивах и хранилищах рукописей, где содержатся русские документы.

---

⁶ Bakhmeteff archive of Russian and East European History and Culture. Schatoff, Michael, 1920–1980. Papers, 1945–1980. ca. 10,000 items (67 boxes). URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/archival/collections/ldpd_4078033/.

⁷ Amherst Center for Russian Culture, Amherst College. Petro and Zinaida Grigorenko Family Papers. URL: <https://www.amherst.edu/academiclife/departments/russian/acrc/archives/grigorenko>.

Местами хранения ЗАР всех периодов являются:

– государственные архивы различных стран мира (Национальный архив США, Вашингтон; Федеральный архив Германии, г. Кобленц; Национальный архив Финляндии, Хельсинки и т.д.);

– архивные фонды университетов, музеев, библиотек (Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса, Чешская национальная библиотека, Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе; Литературный Архив Музея национальной письменности в Праге и т.д.);

– архивы государственных, научных и общественных организаций, в том числе архивы правоохранительных органов (Архив истории общества Макса Планка, Берлин; Архив Федеральной государственной службы внутренних дел, Бельгия; Архив префектуры полиции Парижа и т.д.);

– архивы религиозных организаций (Архив Епархиального управления православных русских церквей в Западной Европе, Синодальный Архив РПЦЗ в Нью-Йорке и т.д.);

– архивы и музеи, созданные самими эмигрантами (Крупнейший из них – Музей русской культуры в Сан-Франциско и т.д.);

– архивы эмигрантских общественных и других организаций, находящиеся у них (Архив Толстовского фонда в Вэлли Коттедж, США и др.);

– частные архивы эмигрантов и их потомков (Личное собрание А. Копршиовой-Вуколовой, Чехия; Личный архив С.Н. Крикорьяна, Швейцария и др.);

– различные фонды, в том числе фонды наследственного имущества (Фонд «Russia Cristiana», Италия и т.д.).

Как показал комплексный анализ всего имеющегося материала, наиболее объемны коллекции Европы и Северной Америки, в первую очередь США. Относительно малочисленными являются собрания ЗАР в Азии, Австралии, Африке. Причем находящиеся за рубежом архивные материалы могут входить целиком в один фонд одного архива, быть разделены между архивными фондами или коллекциями различных архивов, находиться в архивах различного уровня и подчинения. Именно многочисленность источников ЗАР, в частности АРЗ, география их размещения, их раздробленность по различным странам мира позволяет говорить о своеобразных «Архивных материках» Российского Зарубежья. И связано это в определенной мере с российской постреволюционной эмиграцией, оставившей разностороннее документальное наследие, располагающееся повсеместно.

Роль российской эмиграции в процессе формирования Зарубежной архивной России

Особое место занимает процесс накопления исторических источников в зарубежных хранилищах, сопряженный с массовыми миграциями населения. Различные исторические события, происходившие в стране, часто драматические, приводили к эмиграции ее населения (религиозные преследования, ухудшения в экономике, породившие трудовую эмиграцию на рубеже XIX–XX вв., политические и военные катаклизмы XX в. – революции, войны, изменения границ страны, последовавшие за распадом Российской империи, а затем и СССР). Все это вело к накоплению многочисленных документов российского происхождения в архивохранилищах многих стран мира, которые откладывались там в виде отдельных фондов, коллекций документов или даже самостоятельных архивов.

Условно можно выделить особо крупные миграционные этапы, первый из которых завершается событиями 1917 г., и второй этап, продолжающийся до сегодняшнего дня.

До конца XIX в. за рубежами Российской империи постоянно проживало весьма незначительное число выходцев из Российской империи, в том числе этнических русских. На появление групп переселенцев влияла в значительной мере государственная политика в сфере религии, в частности, преследование старообрядцев. Наряду с этим имелаась и сословная составляющая общего эмиграционного потока (запорожцы и казаки-некрасовцы). В дальнейшем религиозная эмиграция не только идет на спад, но даже появляется слабая тенденция к реэмиграции как результат гуманитарно-державной политики Екатерины II. В тот исторический период преобладает национальная эмиграция, состоящая из ногайцев, калмыков, крымских татар и поляков⁸. Периодически относительно небольшой отрезок времени за границей проводили лица по долгу гражданской и военной службы, а также в связи с обучением, лечением, отдыхом, путешествиями. Российское зарубежье этого периода было фрагментарным и неустойчивым, что наложило отпечаток как на процесс формирования, так и на географию размещения документальных источников, связанных с ним. Конец XIX – начала XX столетия характеризуется достаточно крупной волной эмиграции, носящей преимущественно экономический характер. Эмигранты в основном направляются на американский континент (Аргентина, Бразилия, Канада, США).

---

⁸ *Мазин К.А.* Российская эмиграция и русское зарубежье в XVIII в.: политический и культурный феномен. М.: Издательство МГОУ, 2009. С. 183.

Конфликты между властью и оппозицией, политическая нестабильность порождают особый вид эмиграции – политическую. Как известно, причины эмиграции всегда различны, но весьма отлична политическая эмиграция. Ее представители, в подавляющем большинстве, стремятся к изменению существующего режима на своей исторической родине, к возвращению в ее пределы. Таким, принципиально иным типом эмиграции стала политическая эмиграция, начавшаяся в Российской империи со второй половины XIX в. В российской историографии выделяют пять волн эмиграции, из которых первые четыре могут по ряду параметров считаться политическими: дореволюционная, постреволюционная, эмиграция, вызванная Второй мировой войной, и эмиграция 1970–1980-х гг. или диссидентская, а также постперестроечная эмиграция (она не имела политического контекста).

Среди них самой «мощной» волной эмиграции по политическим мотивам XX в. считается русская эмиграция, начавшаяся сразу после Октябрьского переворота 1917 г. и интенсивно продолжавшаяся до 1921–1922 гг. В ее составе было более 95% русских. Среди эмигрантов были участники белого движения, военнопленные, отказавшиеся вернуться в Россию, гражданские лица, среди которых было много женщин и детей.

Сведения о численности этого эмиграционного потока весьма неоднозначны. Опираясь на подсчеты Лиги Наций и Международного Красного Креста, которые отличны между собой, можно говорить о числе русских беженцев в Европе в пределах от 750 тыс. до 2,5 млн человек. Некоторые авторы пишут даже о 8–10 млн человек⁹.

Как свидетельствуют документы Земско-городского комитета, эмигранты в межвоенный период массово расселились на территории Европы, в том числе Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Кипра, Константинопольского района, Корсики, Латвии, Польши, Финляндии, Эстонии, Швейцарии, Франции, Чехословакии, а также на территории Египта и Туниса. Позднее, при их относительно постоянной численности, в результате поиска лучших условий существования менялось их распределение по странам и материкам.

Особенностью этой волны русской политической эмиграции было то, что она жила надеждой на возвращение в Россию. Эта идея сплачивала эмигрантское сообщество безотносительно от места его фактического проживания, препятствовала, в определенной степени, натурализации и ассимиляции русских. Как отмечают специалисты, наиболее стойки к процессу

---

⁹ Ковалевский П. Зарубежная Россия. Париж: Б.и., 1971. С. 12–13.

ассимиляции лица, эмигрировавшие в составе большой группы людей, надеющиеся вернуться на историческую Родину и четко осознающие свою принадлежность к родному этносу. Подтверждением этого служит сохранение статуса апатрида, то есть лица без гражданства, многими русскими эмигрантами первой волны, не принявшими возможность натурализации в странах их фактического проживания и сохранивших нансеновский паспорт, подтверждающий их подданство Российской империи.

Русское эмигрантское сообщество смогло выжить и при этом не только сохранить национальную культуру, но и развить ее. И в этом первостепенную роль сыграли представители интеллигенции, составлявшие его значительную часть.

Жизнь российской эмиграции этого периода характеризуется уникальным явлением – сохранением и собиранием культурного наследия эмиграции, в том числе ее архивов. Особым и достаточно массовым явлением стало создание множества архивов, музеев, библиотек, накопивших и сохранивших уникальные исторические источники ЗАР, характеризующих жизнь первой волны эмиграции, объективно способствовавших их концентрации. Это явление отразило потребность российской эмиграции в сохранении своей культуры, преемственности традиций, определении своей самоидентификации, осмысления своего места в сложных условиях нового мира. Такое бережное отношение к документу как к исторической памяти дает возможность современным исследователям объективно оценить наиболее дискуссионные в плане изучения периоды российской истории.

Назовем лишь некоторые из них. Это – «Русские архивы» в Варне, Харбине, Русская военная библиотека в Белграде, Русский педагогический музей и архив в Париже и др.¹⁰. Уникальным явлением стал Русский Заграничный Исторический Архив в Праге (РЗИА) – крупнейший архив постреволюционной эмиграции, созданный в начале 1920-х гг. В его фондах отложились интереснейшие документы, характеризующие во всем многообразии жизнь и деятельность русского эмигрантского сообщества, географически охватывающие широкий ареал проживания жителей «второй России»¹¹.

Вторая мировая война и последовавшие за ней изменения в политической системе ряда стран мира внесли существенные изменения в места проживания эмиграции, значительная часть которой вынуждена была вто-

---

¹⁰ Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 1966.

¹¹ *Родионова Н.А.* Русский исторический архив в Праге: история становления и деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 108–119.

рично эмигрировать, главным образом в США, Австралию, Латинскую Америку. Этот процесс охватил российских эмигрантов из стран Восточной Европы и Китая. В США переехали и многие из перемещенных лиц – диги (Displaced Persons). В дальнейшем США стали также прибежищем для многих представителей более поздних волн эмиграции из России.

Война нанесла большой урон наследию российской эмиграции, в том числе архивам, библиотекам. И хотя их разыскивало «Общество охранения Российских культурных ценностей за рубежом» (основано Д.П. Рябушинским), но многое оказалось безвозвратно утерянным. Значительные потери русских коллекций и собраний эмигрантов в Европе и Китае в годы Второй мировой войны и послевоенных лет, передача фондов РЗИА Советскому Союзу в нарушение Договора 1928 г., подписанного русской эмиграцией и чешским правительством, поставили вопрос о необходимости формирования в США архивных собраний документов российской эмиграции в составе уже существующих архивов, так и о создании нового Общественного архива документов русской эмиграции.

Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско (США) был основан в 1948 г. видными представителями эмиграции. Его создание стало своего рода гарантией, что документы эмиграции не окажутся, как оказались документы РЗИА, в СССР. Коллекции музея скомпонованы по тематическим группам. Здесь представлены источники по русско-японской и Первой мировой войнам, по Русской революции и Гражданской войне, истории русской эмиграции, а также личные фонды, документы Российской духовной миссии в Пекине, свидетельства жизни Императорской фамилии Романовых и другие материалы, отражающие жизнь дореволюционно России.

Архив российской и восточноевропейской истории и культуры был создан в 1951 г. Инициатором его создания стал Б.А. Бахметев (в 1975 г. архиву присвоено его имя), ранее посол Временного правительства в США, позднее – профессор Инженерной школы Колумбийского университета. В фондах архива отложились материалы, отражающие события Первой мировой войны, Русской революции 1917 г., Гражданской войны и последующих периодов. Значительное место в его коллекциях занимают документы по истории эмиграции различных периодов.

Напомним, что архивы также являлись ареной борьбы между эмиграцией и советским режимом, между различными центрами внутри самой эмиграции, между отдельными эмигрантскими центрами и структурами, заинтересованными в коммерческом и политическом использовании документов в послевоенный период. Первоначально контроль над ними был

важен для легитимации положения эмигрантских центров как правопреемников всей русской эмиграции. Позднее, с ослаблением социальных и политических функций эмигрантских центров, на первый план выступают функции социализации и связи поколений.

Документальное наследие эмиграции свидетельствует о существовании российской эмиграции как целостной социокультурной системы, показывает деятельность основных культурных, образовательных, политических центров эмиграции, достижения ее отдельных представителей, их успехи в различных сферах литературы, искусства, науки и техники, осмысление причин и следствий революции и т.д.

География Зарубежной архивной России

Наибольшее число комплексов документальных источников по истории России всех периодов (до 1917 г., Русской революции 1917 г. и последующих лет) находится в странах Европы и Америки (США). Меньше отложилось их в хранилищах Азии, Австралии, Африки (ее архивы изучены слабее всего).

Отметим, что основной массив документов сосредоточен в государственных архивохранилищах, библиотеках, музеях и относительно небольшое количество – в личных и семейных архивах и коллекциях.

Назовем крупнейшие собрания ЗАР по континентам.

Австралия: Австралийский военный мемориал, Канберра, Библиотека университета штата Квинсленд, Национальный архив Австралии и др.

Ближний Восток и Азия: Израиль (Государственный архив Израиля, Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме); Китай (Первый и Второй исторические архивы Китая); Турция (Османский архив при Премьер-министре Турецкой Республики); Япония (Кабинет исторических дипломатических документов, принадлежащих МИД Японии, Библиотека Университета Васэда, Государственная парламентская библиотека) и др.

Африка: Марокко (Архивы Успенского и Воскресенского храмов РПЦЗ) и др.

Америка: Бразилия (Национальный архив Бразилии в Рио-де-Жанейро); Канада (Библиотека и Архив Канады); США (Архив Гуверовского института войны, революции и мира, существующий в системе университета Стэнфорда, Бахметевский архив, Библиотека Конгресса, Архив Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле) и др.

Европа: Великобритания (Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса, Государственный архив Великобритании, Отдел ру-

кописей Британской библиотеки, Отдел рукописей Британской библиотеки политических и экономических наук); Болгария (Центральный Государственный архив Болгарии); Германия (Бундесархив, Политический архив МИД ФРГ, Западнонемецкая библиотека в Марбурге, архив земли Берлин); Нидерланды (Международный институт социальной истории в Амстердаме); Финляндия (Национальный архив Финляндии, Абоская академическая библиотека); Франция (Национальный архив, Национальная библиотека, архив Префектуры Парижской полиции, Архив русской эмиграции в Библиотеке современной международной документации в г. Нантер); Чехия (Национальная библиотека Чешской Республики в г. Прага, Литературный архив Музея чешской литературы) и др.

Проблемы возвращения документов Зарубежной архивной Россики

История поисков и собирания материалов российского происхождения насчитывает несколько столетий. Этим занимались энтузиасты, отдельные организации, государственные структуры.

Одной из первых попыток такого рода была попытка, предпринятая в 1654 г. патриархом Никоном, когда с Афона было доставлено 498 рукописных памятников, в том числе уникальные списки IX–XIII вв. Поиски XIX в. связаны с именем графа Н.П. Румянцева и объединившихся вокруг него ученых. Был осмотрен ряд архивов, библиотек Швеции, Германии, Ватикана и др., что позволило выявить и скопировать ряд важных документов.

В СССР также проводилось возвращение документов, в первую очередь партийных. Но это лишь незначительно коснулось источников по истории российской эмиграции. После Второй мировой войны этот массив увеличился за счет фондов РЗИА. В 1960-е гг. в страну поступали документы, связанные с жизнью деятелей культуры.

Со второй половины 1980-х гг., когда в Советском Союзе происходили существенные изменения, усилился процесс передачи и обмена документальными источниками (оригиналами и копиями) между библиотеками, архивами и музеями. Этому способствовала государственная программа «Зарубежная архивная Россика», направленная, в первую очередь, на поиск и возвращение в Россию материалов (оригиналов и копий) из архивов по истории всех волн российской эмиграции, принесящая ощутимые результаты. В частности, в нашу страну поступили микрофиль-

мы ряда коллекций Музея русской культуры в Сан-Франциско, Гуверовского архива, Свято-Троицкой Духовной семинарии (г. Джорданвилль, США), переданные Государственному архиву Российской Федерации. Материалы по истории казачьей эмиграции, переданные потомками казаков, ныне находятся в Госархиве Краснодарского края. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) пополнился материалами музея общества «Родина» (г. Лейквуд, США) и т.д. Войдя в состав Архивного Фонда РФ, возвращенные документы (или их копии) перестают относиться к комплексу документов зарубежной архивной России.

Ныне целый ряд российских архивов, музеев и библиотек, научно-исследовательских учреждений, общественных организаций различных регионов страны имеют на хранении эти документы, что делает их более доступными для российских исследователей. Значительно расширились фонды как центральных архивов, библиотек, музеев (ГА РФ, РГАЛИ, Отделы рукописей РГБ и ИМЛИ и т.д.), так и региональных.

Рассматривая весь массив возвращенных в последнее двадцатилетие источников, укажем, что в основном это были документы, связанные с историей российской эмиграции XX в. Причем в последнее время активизировалось возвращение (зачастую безвозмездное) документов (в значительной части подлинников) из личных фондов и фондов эмигрантских организаций. К сожалению, процесс выявления и возвращения зарубежной архивной России идет далеко не всегда успешно, что связано не только с финансовыми трудностями.

Нельзя не указать, что наша страна также передает документы или их копии, связанные с историей других стран, в их национальные архивы. Так, Россия предала Бразилии копии документов, связанных с пребыванием бразильского революционера Луиса Карлоса Престеса в СССР в начале 1930-х гг.

Выводы

В результате проведенных исследований были выявлены обширные комплексы ретроспективной документной информации, находящиеся в государственных и частных архивах, рукописных отделах библиотек и частных коллекциях многих стран мира, отражающие историю контактов между ними и Россией (СССР) в сфере политики, экономики, науки, культуры, а также жизнь и деятельность российских эмигрантов, в первую очередь представителей постреволюционной волны.

Документы, связанные с историей России, относятся к различным видам документации. Различно также время и обстоятельства их создания, информационная насыщенность, географические рамки местонахождения таких документов также охватывают различные страны мира.

В зарубежных архивах, библиотеках, музеях, личных собраниях отложились как письменные, так и вещественные источники, которые относятся к определенному историческому периоду, отражают его специфику в различных пропорциях. Понятно, что, чем ближе к современности по своему происхождению та или иная группа документов, тем лучше она сохранилась и более широко представлена в архивохранилищах мира.

Проведенный комплексный анализ информации позволяет сделать несколько выводов.

Ареал размещения зарубежной архивной Россики, в том числе архивов Российского Зарубежья, постоянно расширялся, что определялось мировыми и непосредственно российскими историческими событиями. Перемены в ее очертаниях, начиная с 1917 г., определялись миграционными процессами, изменениями государственных границ (войны, распад Российской империи, а позже СССР). Процесс смены мест хранения больших массивов документов, связанный с революцией, войнами, эмиграцией, в XX в. значительно активизировался.

В годы Второй мировой войны большие массивы документов перемещались из стран их происхождения в Германию, а позже в архивы СССР и США. В XX в. усилился процесс концентрации документов в крупнейших архивохранилищах мира, связанных с российской эмиграцией всех волн. Распад Советского Союза, изменение политического режима в Российской Федерации активизировали процесс возвращения документов ЗАР в архивы нашей страны.

Современные зарубежные архивы и сегодня продолжают пополняться новыми документами российского происхождения. Благодаря развитию электронных сетей мы узнаем о частных коллекциях и архивах, прежде не известных исследователям, идет активный процесс их ввода в научный оборот, что, безусловно, способствует большей научной объективности при освещении российской истории. Все это свидетельствует о том, что становление «Архивных материков» Российского Зарубежья окончательно не завершено и обещает новые научные открытия.

© Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С., 2018

Рукопись поступила в редакцию 5 июня 2017 г.

Для цитирования: Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. География «Архивных материков» Российского Зарубежья: история формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 109–128. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-109-128.

GEOGRAPHY OF “ARCHIVAL CONTINENTS” OF RUSSIAN DIASPORA: HISTORY OF FORMATION

Irina V. Sabennikova^a, Valeriya L. Gentshke^a, Aleksei S. Lovtsov^a

^a All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute
82 Profsoyuznaya St., Moscow, Russia 117393
sabennikova@mail.ru

The article analyzes the process of the establishment of archival continents of the Russian diaspora and the causes of the emergence of foreign archival Rossica. The article reveals the influence of migrations on this process. Authors show the diversity of archival materials on the Russian history which are kept outside Russia and often scattered in different archival collections, private and public archives and libraries. The emergence of communities of the Russian diaspora in several countries of the world led to the formation of extensive archival heritage. The study of this heritage is one the most urgent contemporary problems. The activities related to the discovery, restitution to Russia and use of this heritage have significantly increased in the last decades which is connected with the change of the political situation, researchers' gaining access to the archival collections of the Russian diaspora. The relevance of this fundamental research problem is enhanced by the necessity of eliminating the existing information gap at the current stage of the Russian history development – to reveal the information concerning foreign archival Rossica, the documents of the Russian diaspora and their locations in foreign archives and compile them in the unified information data base. The identification of the location of different documents of this group is aimed at the reconstruction of the integrity of the scattered archival collections by means of both restitution, exchange or copying of the documents and by means of virtual unification, for example, in the form of digital archive. These activities will also contribute to solving the problems related to the restitution of the archival heritage.

Keywords: Russian diaspora, archives, foreign archival Rossica, documentary heritage

REFERENCES

- Alsberg, P.A. *Guide to the archives in Israel*. Jerusalem, 1973.
- Arutyunov, G.A., ed. “K prebyvaniju potemkincev v jemigracii: (dokumenty, pis'ma i zapisi iz tetradi A.N. Matjushenko).” [‘Potiomkintsy’ in emigration: (documents, letters and records from the copy-book of A.N. Matyushenko)]. *Istoricheskiy arhiv*, no. 3 (1955): 134–149 (in Russian).
- Bakhmeteff archive of Russian and East European History and Culture*. Schatoff, Michael, 1920–1980. Papers, 1945–1980, ca. 10,000 items (67 boxes). http://www.columbia.edu/cu/lweb/archival/collections/ldpd_4078033.
- Barkovets, A.I., Bogdanova, V.E., and Vladimirtsev, N.I. et al., eds. *Fondy Russkogo Zagraničnogo istoričeskogo arhiva v Prage: Mezharhivnyj putevoditel'*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Barvikova, G., and Podan, V. *Putevoditel' po arhivnym fondam i sobranijam v Cheshskoj Respublike*. Praga, 1995.
- Biron, M. *Guide des fonds d'archives privées*. Montreal, 1992.
- Bunyak, Petar, ed. *Ruska dijaspora i slovenski svet. Zbornik radova*. Belgrad: Slavistichko drushtvo Srbije, 2013 (in Serbian).
- Byal'kin, R.N. “Rossika v Germanii.” [Rossica in Germany]. *Problemy zarubezhnoj arhivnoy Rossiki*. Moscow, 1996: 107–109 (in Russian).
- Cepilova, V.I. *Istoricheskaja nauka russkogo zarubezh'ja: Problemy istoriografii (1920–2004 gg.)*. Ekaterinburg, UGU Publ., 2005 (in Russian).
- Gentshke, V.L., Sabennikova, I.V. “Dokumenty rossijskikh istorikov-jemigrantov v arhivah Velikobritanii i SShA.” [Documents of Russian émigré historians in archives of Great Britain and the USA]. *Istoricheskiy arhiv*, no.6, 2016: 28–46 (in Russian).
- Gosudarstvenny arhiv Rossijskoi Federacii* (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 5764, op. 1, d. 89.
- Govor, E. *Russian Anzacs in Australian History*. Sydney, NSW: UNSW Press in association with the National Archives of Australia, 2005.
- Grant, S.A., and Brown, J.H. *The Russian Empire and the Soviet Union: a Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States*. Boston, MA: G.K. Hall, 1981.
- Hartley, Janet M. *Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union*. London; New York: Mansell Publishing, 1987.
- *Guide to Documents and Manuscripts in the Irish Republic Relating to Russia and the Soviet Union*. London: School of Slavonic and East European Studies, 1994.
- Hee Gwone Yoo, and Regina, Kristen. *Visual Resources from Russia and Eastern Europe in The New York Public Library: A Checklist*. New York: Ross Publ. LLC, 2008.
- Hisamutdinov, A.A. *Rossijskaja jemigracija v Aziatsko-Tihookeanskom regione i Juzhnoj Amerike: Biobibliograficheskij slovar'*. Vladivostok: DGU Publ., 2000 (in Russian).
- Horst, A. van der, and Koen, E. eds. *Guide to the International Archives and Collections at the International Institute of Social History*. Amsterdam: International Institute of Social History, 1989.

- Iz arkhiva B.I. Nikolaevskogo. Perepiska s I.G. Tsereteli 1923–1958 gg. Russkii revolyutsionnyi arkhiv*. 2 vols. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2010; 2012 (in Russian).
- Kanevskaja, G.I., and Massov, A.Ya. “Materialy po istorii russoj diaspory v Avstralii XIX–XX vv. v arhivah i bibliotekah pjatogo kontinenta (po itogam poezdki v Avstraliju v 2015 g.)” [Materials on history of Russian Diaspora in Australia in the 19th–20th centuries in archives and libraries of the Fifth Continent (according to the results of journey to Australia in 2015)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*, no. 16, (2016): 190–208 (in Russian).
- Karlowich, Robert A., ed. *Guide to Scholarly Resources on the Russian Empire and the Soviet Union in the New York Metropolitan Area*. Armonk (NY); London: Sharpe; Cop., 1990.
- Khotimskii, K.M. *Russkie v Avstralii* [Russians in Australia]. Melbourne, 1957 (in Russian).
- Khranilishcha pamyatnikov kul'tury i istorii Zarubezhnoi Rusi* [Repositories of cultural and historical artifacts of Rus in Exile]. San-Francisco: Museum of Russian Culture Publ., 1966 (in Russian).
- Korlyakov, A. ed. *Russkaya emigraciya v fotografijah. Francija, 1917–1947*. Paris: Ymka-Press Publ., 1999 (in Russian).
- Kovalev, M.V. “Oksfordskij arhiv professora S.A. Konovalova.” [Oxford archive of professor S.A. Konovalov] *Otechestvennye arhivy*, no. 5, (2015): 58–71 (in Russian).
- Kovalevskii, P. *Zarubezhnaya Rossiya*. Paris, 1971 (in Russian).
- Kozlov, V.P., ed. *Problemy zarubezhnoj arhivnoj rossiki: Sbornik statej*. Moscow: Russkii Mir Publ., 1997 (in Russian).
- Ledenham, C. *Guide to the Collections of the Hoover Institution Archives relating to Imperial Russia, the Russian Revolution, the Civil War and the First Emigration*. Stanford: Hoover Institution Press, 1986.
- Lemercier-Quelquelay, Ch. Les fonds russes et Rossica dans les bibliothèques et les archives d’Iran. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, no. 2 (1966): 265–283.
- Lesure, M. *L’Histoire de Russie aux Archives Nationales*. Paris, 1970.
- Lewanski, Richard C., ed. *Eastern Europe and Russia Soviet Union: A Handbook of West European Archival and library resources*. New York; Munich; London; Paris: K.G. Saur Publishing, 1980.
- Malinina, G.M. “Muzykal’naja rossika XVIII veka: Sostojanie istochnikov. Puti izucheniya.” [Musical rossica of the 18th Century: State of sources. Ways of study]. PhD thesis, Tchaikovsky Moscow State Conservatory. Moscow, 2008 (in Russian).
- Mazin, K.A. *Rossiiskaya emigratsiya i russkoe zarubezh’e v XVIII v.: politicheskii i kul’turnyi fenomen*. Moscow: MGOU Publ., 2009 (in Russian).
- Popov, A.V. “Arhivnye sobranija Pravoslavnoj cerkvi v Amerike: istorija i sovremennost’.” [Archival collections of the Orthodox Church in America: history and modern times]. *Otechestvennye arhivy*, no. 6 (2003): 42–44 (in Russian).
- “Rossika v negosudarstvennyh hranilishchah SShA.” [Rossica in private archival depositories of the USA]. *Otechestvennye arhivy*, no. 2 (1996): 22–26 (in Russian).
- Rodionova, N.A. “Russian foreign historical archive in Prague: history of formation and activities.” *RUDN Journal of Russian History* 14, no. 4, (2015): 108–119 (in Russian).

- Russia in the Twentieth Century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*. Boston: G.K. Hall & Co., 1987.
- Sabaneev, L.L. *Vospominaniya o Rossii*. Moscow: Classica-XXI Publ., 2005 (in Russian).
- Sabennikova, I.V., Gentshke, V.L. *Zarubezhnaya arkhivnaya Rossika: geografiya razmeshcheniya, vyyavlenie, publikatsiya istochnikov*. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2014 (in Russian).
- Gentshke, V.L., and Lovcov, A.S. *Zarubezhnaya Rossija: organizacii rossijskoj jemigracii 1917–1939: materialy k mezharhivnomu spravochniku*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2017 (in Russian).
- . *Arkhivnye materiki Rossiiskogo zarubezh'ya: tendentsii i napravleniya izucheniya; annotirovannyi ukazatel'*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2015 (in Russian).
- Shmaglit, R.G. *Russkaja jemigracija za poltora stoletija: Biograficheskiy spravochnik*. Moscow: RIPOL CLASSIC Publ., 2005 (in Russian).
- Shmelev, A.V. “K istorii russkoj jemigracii v Kitae: arhivnye fondy Muzeja russkoj kul'tury na mikrofil'me.” [On history of Russian emigration in China: archival collections of Museum of Russian Culture on microfilm] In *Dokumental'noe nasledie russkoj kul'tury v otechestvennyh arhivah i za rubezhom. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. 29–30 oktjabrja 2003 g.*, 176–186. Moscow: ROSSPEN, 2005 (in Russian).
- Slava Hvala Chest'. Jubilejnyj sbornik, posvjashhennyj 25-letiju osnovanija Russkogo Centra v San Francisko S.Sh.A.* San-Francisco, 1964 (in Russian).
- Volkman, H.T. *Die Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929*. Wurzburg: Holzner, 1966.
- Walker, G., ed. *Directory of Libraries and Special Collections on Eastern Europe and USSR*. Hamden, Conn., Archon Books, 1971.
- Zarubezhnaya arhivnaya Rossika. Itogi i perspektivy vyjavlenija i vozvrashhenija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, 16–17 nojabrja 2000 g., Moskva*. Moscow, 2001 (in Russian).

Submitted: 5 June 2017

For citation: Sabennikova, Irina V., Gentshke, Valeriya L., and Lovtsov, Aleksei S. “Geography of “Archival continents” of Russian Diaspora: history of formation.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 109–128. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-109-128.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-129-150

РУССКИЕ УДМУРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.Н. Уваров

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
426069, Россия, Удмуртская Республика, г. Ижевск,
ул. Студенческая, 11
sergey.uvarov@mail.ru

В статье на основе материалов текущей статистики рассматриваются демографические процессы, происходившие среди русского населения Удмуртии во второй половине XX в. В научный оборот впервые вводится большое количество новых материалов из архивных фондов ЦГА УР, характеризующих рождаемость, смертность, естественный прирост русского населения республики начиная с 1958 и по 1996 гг. (данные отсутствуют лишь за 1981 г.). Полученные результаты можно использовать для проведения сравнительного анализа таких демографических показателей, как рождаемость и смертность, у представителей русских и других национальностей, проживающих на территории Удмуртии и иных регионов страны.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, русские, население, Удмуртия

Введение

Сохраняющаяся неблагополучная ситуация в демографической сфере России актуализирует исторические исследования, позволяющие понять корни проблемы. В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. прямо указывается на обусловленность современной демографической ситуации в Российской Федерации социально-экономическими процессами, происходившими в XX в. Особо в ней подчеркивается значимость второй половины столетия, на протяжении которой высокий естественный прирост сначала сократился, а с 1992 г. сменился естественной убылью населения¹.

---

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/191961/paragraph/17:1>.

Самой большой этнической группой Российской Федерации являются русские, и во многом их положение определяет демографическую ситуацию в стране в целом. Демографическим процессам у русских, происшедших во второй половине XX в., посвящено немало трудов. Среди наиболее заметных исследований можно назвать работы Ю.В. Арутюняна², И.В. Власовой³, В.И. Вдовина⁴, В.М. Кабузана⁵. При ближайшем рассмотрении оказывается, что основным источником для них служат переписи населения. Ежегодную динамику рождаемости, смертности и, соответственно, реакцию людей на проводившуюся политику в полной мере показать они не могут.

Важным направлением в историографии демографического развития русских являются региональные исследования. Надо признать, что в некоторых субъектах Российской Федерации накоплен определенный опыт в этой области исследований. Можно назвать фамилии В.А. Исупова⁶, И.Б. Карпуниной, А.П. Мелентьевой⁷, изучавших русское население Сибири, С.С. Алексеенко⁸ – Башкортостан, В.Ф. Алиевой – Дагестан⁹. В ряде регионов изучались этнодемографические процессы не только у русских¹⁰. В этих трудах, как правило, основным источником также явились переписи населения.

---

² Арутюнян Ю.В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 42–48; Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. 461 с.

³ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2003. С 124–141.

⁴ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013.

⁵ Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996.

⁶ Исупов В.А. Демографическое развитие русского населения Сибири в 1917–1959 гг. // Русский этнос Сибири в XX веке. Сб. науч. трудов / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламина и чл.-корр. РАН Б.В. Базарова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. С. 3–38.

⁷ Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Русские в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: основные демографические тенденции // Русский этнос Сибири в XX веке. Сб. науч. трудов / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламина и чл.-корр. РАН Б.В. Базарова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. С. 39–61.

⁸ Алексеенко С.Ю. Русские Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.: этносоциологическое исследование: дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2017.

⁹ Алиева В.Ф. Русское население Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2009. № 33. С. 47–59.

¹⁰ Ламаханов Ц.В. Население Бурятии: этнодемографические процессы в 1960–1990 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 229 с.; Этнический фактор в демографическом раз-

Одной из территорий, где естественное движение у государствообразующей нации недостаточно исследовано, является Удмуртия. Среди значимых работ следует отметить следующие: диссертацию И.В. Чернышевой¹¹, посвященную, правда, одному десятилетию; коллективную монографию «Удмурты»¹², в которой демографические характеристики титульной нации республики часто сравниваются с аналогичными показателями у русских; монографию М.В. Сумачевой¹³, сравнивающей регионы Урала. Но и эти исследования построены на материалах переписей.

В зарубежной историографии имеется немало демографических исследований, посвященных СССР и постсоветской России. Среди наиболее известных ученых, занимавшихся проблемами рождаемости и смертности, можно назвать М. Фешбах¹⁴, Б. Андерсон, Б. Сильвер¹⁵, Т. Нортстром¹⁶. Но в них рассматривается, как правило, все население страны. Таким образом, можно констатировать, что заявленная тема является недостаточно изученной.

Между тем у нас есть возможность изучить демографические процессы, используя данные текущей статистики, которые крайне редко используются в историко-демографических исследованиях. Практика сбора текущей статистики воспроизводства по отдельным национальностям возобновилась с 1958 г., но ЦСУ СССР ее не публиковало. Так, в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР) хранят-

---

витии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2006. 184 с.; Головнев А.В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40–49; Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6. С. 144–151.

¹¹ Чернышева И.В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2001.

¹² Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993.

¹³ Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009.

¹⁴ Feshbach M. Demography and Soviet society: Social and cultural aspects. Washington: Wilson center, 1981.

¹⁵ Anderson A. Barbara, Brian D. Silver. Infant Mortality in the Soviet Union: Regional Differences and Measurement Issues // Population and Development Review. 1986. Vol. 12, № 4. P. 705–738.

¹⁶ Norstrom T. The role of alcohol in the Russian mortality crisis // Addiction. 2011. Volume 106. Issue 11. P. 1957–1965.

ся материалы, показывающие естественное движение самых многочисленных этнических групп республики вплоть по 1996 г. (за более современный период данные не отложились). Исключением явился лишь 1981 г., когда учет этнического воспроизводства не проводился. Эти неопубликованные источники хранятся в фонде Статистического управления Удмуртской АССР – Удмуртской Республики (фонд Р-845, опись 7). Они позволяют в полной мере отследить ежегодную динамику рождаемости и смертности русских республики почти на всем протяжении второй половины XX в. Отметим, что текущая статистика определяла этническую принадлежность новорожденных по национальности матери. Национальность умерших определялась, как правило, по паспорту, но умершим младенцам приписывалась национальность матери. Во время переписи национальность записывалась по самоопределению.

Целью данной статьи является рассмотрение демографических процессов (рождаемость, смертность, естественный прирост), происшедших у русских Удмуртии во второй половине XX в. Научная новизна заключается во введении в научный оборот новых источников по заявленной проблеме. Полученные результаты можно использовать для сравнения этнической рождаемости и смертности как у русских разных регионов, так и у представителей других национальностей республики.

В исследовании использовались историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный методы. Для обработки материалов статистики составлялись динамические ряды в виде таблиц. Применялся также метод поперечного анализа.

Динамика рождаемости

Русские в Удмуртии составляли большинство, о чем свидетельствуют данные таблицы 1. При этом их доля в населении республики росла, хотя сильно уступала общероссийским значениям. За 1959–2002 гг. численность русских в республике выросла на 185,3 тыс. чел. или на 24,4%. Темпы прироста были выше общереспубликанских. До конца 1980-х гг. они нарастали как в абсолютных, так и относительных значениях. Наибольший прирост произошел в 1980-е гг., затем началось снижение (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение городского и сельского населения Удмуртии
по национальности**

Год	Национальность	Все население		Городское население		Сельское население	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1959	Все национальности	1336927	100	593875	100	743052	100
	Из них русские	758770	56,8	440423	74,2	318347	42,8
1970	Все национальности	1417675	100	808611	100	609064	100
	Из них русские	809563	57,1	577064	71,4	232499	38,2
1979	Все национальности	1492172	100	975349	100	516823	100
	Из них русские	870270	58,3	678773	69,6	191497	37,1
1989	Все национальности	1605663	100	1119773	100	485890	100
	Из них русские	945216	58,9	762766	68,1	182450	37,5
2002	Все национальности	1570316	100	1094338	100	475978	100
	Из них русские	944108	60,1	756376	69,1	187732	39,4
2010	Все национальности	1521420	100	1052153	100	469267	100
	Из них русские	912539	60,0	715729	68,0	196810	41,9

Таблица составлена по: Перепись населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.

Основная масса русского населения проживала в городах, причем их урбанизированность была значительно выше, чем в России в целом. До 1989 г.

удельный вес горожан в составе русских республики увеличивался, затем до конца столетия практически не изменился. Однако численность других национальностей Удмуртии в городах росла еще быстрее, о чем говорит снижение удельного веса русских в городском населении республики с 74,2% в 1959 г. до 68,1% в 1989 г. Лишь в последнее десятилетие века это падение остановилось.

Динамика рождаемости русских Удмуртии приведена в табл. 2. Для наглядности она представлена также на рис. 1 (верхняя кривая показывает изменение числа рождений у русских мам по республике, средняя – отдельно по городам, нижняя – по сельской местности). В первой половине 1960-х гг. у русских в республике произошел резкий спад рождаемости. Всего с 1960 по 1965 гг. она снизилась в 1,6 раза – с 19 618 чел. до 12 113 чел. Наибольшее падение произошло в сельской местности – более чем в два раза.

Таблица 2

**Рождаемость, смертность, естественный прирост
у русских Удмуртской АССР, чел.***

Год	Родилось (без мертворожденных)			Умерло (в знаменателе – умерших детей в возрасте до 1 года)			Естественный прирост		
	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика
1958	10880	9665	20545	3056/447	2923/434	5979/881	7824	6742	14566
1959	10686	9312	19998	3308/423	3137/458	6445/881	7378	6175	13553
1958–1959	21566	18977	40543	6364/870	6060/892	12424/1762	15202	12917	28119
среднее за год в 1958–1959	10783	9489	20272	3182/435	3030/446	6212/881	7601	6459	14060
1960	10711	8907	19618	3196/474	2848/443	6044/917	7515	6059	13574
1961	10882	7362	18244	3453/402	2796/325	6249/727	7429	4566	11995
1962	10234	6272	16506	3522/334	2772/220	6294/554	6712	3500	10212
1963	9567	5934	15501	3598/282	2580/258	6178/540	5969	3354	9323
1964	8926	5055	13981	3487/248	2371/158	5858/406	5439	2684	8123
1965	7937	4176	12113	3675/235	2424/122	6099/357	4262	1752	6014

Продолжение табл. 2

Год	Родилось (без мертворожденных)			Умерло (в знаменателе – умерших детей в возрасте до 1 года)			Естественный прирост		
	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика
1966	8231	3863	12094	3865/230	2476/80	6341/310	4366	1387	5753
1967	7950	3632	11582	4056/223	2465/114	6521/337	3894	1167	5061
1968	8081	3257	11338	4390/214	2472/96	6862/310	3691	785	4476
1969	8588	3100	11688	4479/247	2617/97	7096/344	4109	483	4592
1960–1969	91107	51558	142665	37721/2889	25821/1913	63542/4802	53386	25737	79123
среднее за год в 1960–1969	9111	5156	14267	3772/289	2582/191	6354/480	5339	2574	7912
1970	9114	3196	12310	4796/214	2590/85	7386/299	4318	606	4924
1971	9896	3216	13112	5084/210	2542/94	7626/304	4812	674	5486
1972	10205	3082	13287	4980/220	2547/83	7527/303	5225	535	5760
1973	10120	2981	13101	5095/215	2449/78	7544/293	5025	532	5557
1974	10989	3416	14405	5116/252	2511/74	7627/326	5873	905	6778
1975	11356	3071	14427	5548/256	2608/85	8156/341	5808	463	6271
1976	11547	3270	14817	6051/276	2599/101	8650/377	5496	671	6167
1977	11430	3117	14547	6183/290	2611/107	8794/397	5247	506	5753
1978	11583	3072	14655	6420/309	2586/75	9006/384	5163	486	5649
1979	11263	3128	14391	6788/243	2748/94	9536/337	4475	380	4855
1970–1979	107503	31549	139052	56061/2485	25791/876	81852/3361	51442	5758	57200
среднее за год в 1970–1979	10750	3155	13905	5606/249	2579/87	8185/336	5144	576	5720
1980	11698	3075	14773	6641/223	2676/85	9317/308	5057	399	5456
1982	11828	3010	14838	6933/237	2400/69	9333/306	4895	610	5505
1983	13114	3440	16554	6963/207	2593/60	9556/267	6151	847	6998

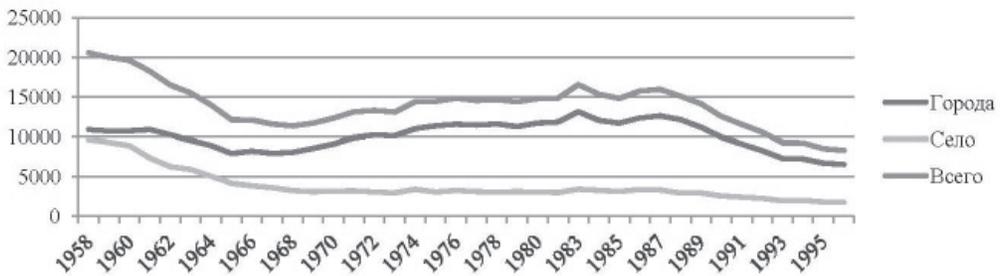
Окончание табл. 2

Год	Родилось (без мертворожденных)			Умерло (в знаменателе – умерших детей в возрасте до 1 года)			Естественный прирост		
	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика	Городские поселения	Сельская местность	Вся республика
1984	12044	3282	15326	7598/239	2702/84	10300/323	4446	580	5026
1985	11676	3132	14808	7382/251	2643/85	10025/336	4294	489	4783
1986	12336	3397	15733	6584/194	2054/70	8638/264	5752	1343	7095
1987	12611	3338	15949	6703/194	2151/73	8854/267	5908	1187	7095
1988	12139	2945	15084	6780/219	2034/63	8814/282	5359	911	6270
1989	11171	2968	14139	7074/209	2075/59	9149/268	4097	893	4990
1980–1989**	108617	28587	137204	62658/1973	21328/648	83986/2621	45959	7259	53218
среднее за год в 1980–1989**	12069	3176	15245	6962/219	2370/72	9332/291	5107	806	5913
1990	9958	2587	12545	7097/153	2132/37	9229/190	2861	455	3316
1991	9116	2416	11532	7295/164	2037/58	9332/222	1821	379	2200
1992	8290	2276	10566	8182/166	2300/56	10482/222	108	–24	84
1993	7309	1969	9278	9772/127	2860/52	12632/179	–2463	–891	–3354
1994	7245	2025	9270	11159/137	3038/47	14197/184	–3914	–1013	–4927
1995	6726	1813	8539	10295/110	2731/39	13026/149	–3569	–918	–4487
1996	6550	1771	8321	9354/101	2617/28	11971/129	–2804	–846	–3650
среднее за год в 1990–1996	55194	14857	70051	63154/958	17715/317	80869/1275	–7960	–2858	–10818
Всего за 1958–1996**	383987	145528	529515	225958/9175	96715/4646	322673/13821	158029	48813	206842

* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 85. Лл. 48–50 об.; Д. 87. Лл. 42–44 об.; Д. 93. Лл. 33–35 об.; Д. 100. Лл. 36–38 об.; Д. 107. Лл. 30–32 об.; Д. 115. Лл. 27–29 об.; Д. 123. Лл. 24–26 об.; Д. 131. Лл. 45–47 об.; Д. 162. Лл. 40–42 об.; Д. 171. Лл. 37–39 об.; Д. 191. Лл. 35–38 об.; Д. 205. Лл. 50–52 об.; Д. 216. Лл. 48–50 об.;

Д. 288. Лл. 43–45 об.; Д. 239. Лл. 29–32 об.; Д. 270. Лл. 40–42 об.; Д. 280. Лл. 43–45 об.; Д. 291. Лл. 37–39 об.; Д. 321. Лл. 41–43 об.; Д. 332. Лл. 39–41 об.; Д. 344. Лл. 52–54 об.; Д. 376. Лл. 77–79 об.; Д. 388. Лл. 84–86 об.; Д. 408. Лл. 57–59 об.; Д. 417. Лл. 50–52 об.; Д. 427. Лл. 58–60 об.; Д. 438. Лл. 55–57 об.; Д. 446. Лл. 52–55 об.; Д. 454. Лл. 39–41 об.; Д. 461. Лл. 7–9; Д. 468. Лл. 7–9; Д. 475. Лл. 14–16; Д. 483. Лл. 7–9; Д. 491. Лл. 7–12; Д. 501. Лл. 7–12; Д. 512. Лл. 7–12; Д. 521. Лл. 7–12; Д. 532. Лл. 7–12.

** без 1981 г.

Рис. 1. Рождаемость у русских Удмуртской АССР в 1958–1996 гг., чел. (без 1981 г.)

Всего за несколько лет рождаемость «опустилась» на современный уровень. Одной из главных причин сокращения рождаемости было распространение индивидуального регулирования деторождения, характерного для стран, осуществивших демографический переход. Этому во многом способствовал существенный рост образовательного уровня населения. Устойчивая обратная связь между уровнем образования женщин и их деторождаемостью отмечалась многочисленными исследованиями, посвященными изучению влияния на рождаемость социально-экономических и социально-культурных факторов. Об этом, в частности, писала Г.А. Бондарская¹⁷.

Повышение уровня образования населения, в частности, женщин, влекло за собой изменение структуры потребностей, среди которых все большее значение приобретали потребности духовные, а также расширение круга интересов женщин, все более выходящих за рамки узкосемейных. Непременное следствие всех этих перемен – рост занятости женщин в общественном производстве, в том числе на квалифицированных и высококвалифицированных работах, когда существенное значение приобретали уже моральные стимулы к труду. С ростом культурного уровня населения повышались требования и к уходу за детьми, их воспитанию¹⁸.

¹⁷ Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М.: Статистика, 1977.

¹⁸ Там же. С. 72.

По данным переписей, за 1959–1970 гг. образовательный уровень русского населения Удмуртской АССР резко вырос. Доля лиц в возрасте 10 лет, имеющих высшее образование, в пересчете на тысячу населения увеличилась вдвое; имеющих среднее специальное образование – в 1,3 раза; лиц со средним общим образованием стало больше в 2,2 раза. Соответственно, уменьшился удельный вес людей с начальным образованием – в 1,1 раза и без образования – в 1,5 раза (табл. 3). При этом надо особо отметить, что к 1959 г. в деревнях более половины русских женщин старше 10 лет вообще не имели даже начального образования.

Таблица 3

Уровень образования у русских Удмуртской АССР в 1959 и 1970 гг.*

		На 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше				
		имеют образование				не имеют начального образования
		высшее	среднее специальное	среднее общее	начальное	
<i>Все население</i>						
Оба пола	1959	19	58	52	343	309
	1970	39	75	114	299	206
Мужчины	1959	20	56	49	444	191
	1970	41	64	113	352	124
Женщины	1959	18	60	54	273	391
	1970	37	83	114	258	270
<i>Городское население</i>						
Оба пола	1959	26	68	71	333	245
	1970	48	85	140	269	167
Мужчины	1959	27	69	65	418	150
	1970	51	76	136	313	98
Женщины	1959	25	68	76	273	311
	1970	46	92	144	236	220
<i>Сельское население</i>						
Оба пола	1959	9	43	23	358	404
	1970	15	48	44	376	310
Мужчины	1959	10	37	25	482	252
	1970	15	32	54	455	193
Женщины	1959	8	47	21	273	509
	1970	15	59	37	317	399

* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 491. Л. 21 об.

Таблица 4

Количество произведенных аборт в Удмуртской АССР*

	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Всего по республике	17760	31131	36512	43790	45896	48936	55594	59125
Городская местность	14406	23914	26995	30709	32214	35171	40222	43893
Сельская местность	3354	7217	9517	13081	13682	13765	15372	15232

* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 84; Д. 107. Л. 66.

Учитывая, что в 1970-е и отчасти в 1980-е гг. наблюдался рост рождаемости, повышение образовательного уровня не может являться единственной причиной, влияющей на появление детей. По всей видимости, причины падения рождаемости 1960-х гг. обусловлены ухудшением социально-экономической ситуации в стране (о чем ярко свидетельствовала реакция рабочих в Новочеркасске в 1962 г.), в связи с которым усилилось внутрисемейное регулирование рождаемости, в частности, чаще женщины стали делать аборт. Нашу мысль косвенно подтверждают пояснительные записки, прилагавшиеся к статистическим отчетам Статуправления Удмуртской АССР о естественном движении населения, где есть отсылки к заявлениям работников женских консультаций и роддомов о том, что на аборт женщин толкали недостаток детских учреждений и стесненные жилищные условия¹⁹. Очевидно, что в условиях существовавшего политического режима должностные лица не могли напрямую связывать аборт с ухудшением материального положения населения.

До ноября 1955 г. аборт были запрещены, затем Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» производство операции искусственного прерывания беременности было разрешено всем женщинам при отсутствии медицинских противопоказаний. Количество абортов стало резко нарастать (табл. 4). Особенно сильно выросло их число на селе: в 1962 г. сельским женщинам было сделано в 4,5 раза абортов больше, чем в 1955 г., городским – в 3 раза. Но в городах тем не менее прерывали

¹⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 100. Л. 68.

беременность чаще, чем в сельской местности (например, в 1962 г. – в 3 раза). К сожалению, данные Статуправления УАССР по абортам не показывают их распределение по национальностям, поэтому можно лишь предположить, что количество прерываний беременности было значительным среди всех этнических групп. После 1962 г. сведения о количестве абортот обнаруживать в архивных материалах статистических органов не удалось.

С середины и до конца 1960-х гг. количество рождений у русских сокращалось, но уже не такими высокими темпами, а в городах даже наблюдался некоторый рост (кроме 1967 г.). С 1969 г. число рождений в республике стало вплоть до 1983 г. неуклонно расти. Небольшие спады пришлось лишь на 1973, 1977, 1979 гг. Кривая рождаемости в городах с конца 1960-х гг. почти точно повторяла линию, показывающую динамику рождаемости у русских в целом по республике. Подобное сходство не должно вызывать удивления, поскольку подавляющее большинство представителей государствообразующей нации проживало в городских поселениях. В сельской местности с того же времени и до начала 1980-х гг. установилось равновесие, которое лишь изредка подвергалось заметным колебаниям, как в 1974 г., когда рождаемость подскочила на 14,6%, или как в следующем году, когда она упала на 10%.

Для 1980-х гг. была характерна самая динамичная картина, кривая рождаемости несколько раз меняла направления, наблюдались резкие перепады. Здесь она имела два четких всплеска. Первый был серьезнее и пришелся на 1983 г., когда на свет появилось 16 554 малыша, что на 11,6% превосходило показатель предыдущего года. По городам превышение составило 10,9%, для сельской местности – 14,3%. Учитывая 9-месячный срок, необходимый для вынашивания ребенка, можно констатировать, что максимальное количество зачатий в 1980-е гг. пришлось на 1982 г., когда закончилось многолетнее правление Л.И. Брежнева и к власти пришел Ю.В. Андропов. Очевидно, с новым правителем население связывало определенные надежды. Наверняка свою роль сыграло и принятие Продовольственной программы 1982 г., усиление внимания к селу. Недаром прирост рождаемости в сельской местности в 1983 г. был намного выше, чем в городах.

В 1984 г. число родившихся существенно снизилось, особенно заметно это было у русских в городах, где рождаемость упала по сравнению с предыдущим годом почти на 8%. В 1985 г. падение продолжилось.

Второй всплеск рождаемости пришелся на 1986–1987 гг. Сначала увеличение было довольно значительным: на 5,7% в городах и 8,5% – в сельской местности, в целом оно составило 6,2%. Поэтому и здесь, вероятнее всего, свою роль сыграли надежды, которые подарил насе-

лению новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. В 1987 г. рождаемость повысилась у русских уже незначительно, а в сельской местности – даже понизилась.

Таблица 5

**Половозрастной состав русских Удмуртской АССР
по переписям 1959 и 1989 гг., чел.***

Возраст	Вся республика				Городские поселения				Сельская местность			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	1959	1989	1959	1989	1959	1989	1959	1989	1959	1989	1959	1989
0–10	97019	91406	94088	89181	51269	70490	49812	68821	45750	20916	44276	20360
10–14	29785	42105	29519	40869	16425	33245	16549	32392	13360	8860	12970	8477
15–19	27995	34711	29719	33222	16933	28908	19519	28832	11062	5803	10200	4390
20–24	34900	29566	37588	29311	20381	23904	25361	24586	14519	5662	12227	4725
25–29	32598	38546	35737	38639	20299	30501	22039	31997	12299	8045	13698	6642
30–34	28815	41287	35769	41475	18862	33110	22146	35015	9953	8177	13623	6460
35–39	12821	37790	22557	38308	7753	31355	13890	33155	5068	6435	8667	5153
40–44	13083	23838	23541	24739	8521	20271	14157	21781	4562	3567	9384	2958
45–49	14954	21483	27529	23994	9866	17912	15892	20477	5088	3571	11637	3517
50–54	12799	24329	24910	30046	7995	19686	14199	24841	4804	4643	10711	5205
55–59	8083	21266	21636	28727	4955	16136	11854	22231	3128	5130	9782	6496
60–64	5973	16430	15780	28070	3294	12922	8627	21634	2679	3508	7153	6436
65–69	4735	6257	11674	16748	2280	4716	5934	12847	2455	1541	5740	3901
70 и старше	7040	11095	18111	41769	2893	8726	8712	32270	4147	2369	9399	9499
Возраст не указан	5	5	7	4	3	2	3	3	2	3	4	1
Всего	330605	440114	428165	505102	191729	351884	248694	410882	138876	88230	179471	94220

* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 303. Лл. 2, 10, 18; Д. 1084. Лл. 14, 24, 44, 54, 74, 84.

С 1988 г. (в сельской местности – с 1990 г.) у русских по республике началось продолжительное падение рождаемости, обусловленное трансформационными процессами, происходившими в стране (кризис перестройки, распад СССР, радикальные реформы 1990-х гг.). К 1996 г. в республике рождаемость сократилась чуть менее чем наполовину, упав до исторического минимума.

Если сопоставить динамику численности населения и рождаемости, то мы увидим значительное несоответствие. За 1959–1989 гг. русских стало больше в республике в 1,2 раза, но число рождений у них сократилось в 1,4 раза. В городах численность выросла в 1,7 раза, но число рождений практически не изменилось. В селах и деревнях количество русских жителей уменьшилось в 1,7 раза, но детей за то же время появилось у сельских русских мам в 3,1 раза меньше.

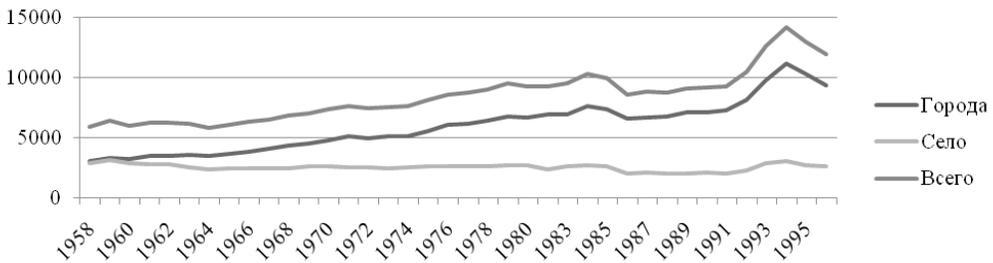
Приведенные диспропорции несколько обманчивы, поскольку необходимо принимать во внимание половозрастную структуру населения. Она приведена в табл. 5. Для сравнения взяты данные переписей 1959 и 1989 гг., которые показывают количество и доли русских женщин репродуктивного возраста (15–44 лет). В целом по республике их число выросло только в 1,1 раза, а удельный вес сократился с 43,2% до 40,7%. В городах их количество выросло в 1,5 раза, доля снизилась с 47,1% до 42,7%. Наиболее разительные перемены произошли в деревне, демографический потенциал которой оказался подорванным войной и урбанизацией. С 1959 по 1989 гг. число сельских русских женщин в возрасте 15–44 лет сократилось в 2,2 раза (!), а их доля упала с 37,8% до 32,2%.

Табл. 5 показывает также, насколько негативно Великая Отечественная война отразилась на населении республики. Начиная с когорты 35–39 лет превышение числа женщин над количеством мужчин составляло около 10 тыс. чел. или более в каждой возрастной категории.

Динамика смертности

Смертность в республике у русских с середины 1960-х гг. стала возрастать, и на протяжении двух десятилетий можно было наблюдать ее неуклонный рост (за исключением 1972 и 1980 гг.) (рис. 2). При этом ближе к началу перестройки рост ускорился, и в 1984 г. число умерших впервые за рассматриваемый период превысило 10 тыс. чел. С одной стороны, количество смертей росло, потому что стала больше численность русского населения. Способствовало росту смертности и старение населения. Если в 1959 г. доля лиц пенсионного возраста у русских мужчин (с 60 лет) состав-

ляла 5,4%, у женщин (с 55 лет) – 15,7%, то в 1989 г. эти цифры равнялись уже 7,7% и 22,8% соответственно (табл. 5). Хотя следует признать, что на общереспубликанском фоне, где в 1989 г. пенсионером был почти каждый пятый русский²⁰, в Удмуртии половозрастная структура русского населения была очень молодой.

Рис. 2. Смертность у русских Удмуртии в 1958–1996 гг., чел. (без 1981 г.)

С другой стороны, рост смертности был заметно обусловлен растущей алкоголизацией населения. Если в 1976–1982 гг. в Удмуртской АССР непосредственно от алкогольного отравления умирало от 525 до 599 чел., то в 1983 г. количество умерших составило 741 чел., а в 1984 г. – 759 чел. (данные по всему населению республики). В состоянии алкогольного опьянения умирало гораздо больше: в 1980–1984 гг. в среднем каждый пятый умерший в республике²¹. О нарастании проблемы алкоголизма говорит то, что в Удмуртии постоянно увеличивалось количество хронических алкоголиков и алкогольных психозов.

Начавшаяся перестройка, а вместе с ней и антиалкогольная кампания привели к снижению смертности. В 1985 г. она сократилась еще не значительно, но в следующем году уменьшилась сразу на 13,8% по сравнению с предыдущим годом. С 1989 г. смертность вновь стала расти, достигнув в 1994 г. исторического максимума. Очевидно, что на рост смертности повлияли те же процессы, которые привели к падению рождаемости. Дополнительным фактором можно считать алкоголизацию населения²².

²⁰ Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2003. С.136.

²¹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 5695. Л. 14.

²² Кортаев А.В., Халтурина Д.А. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006. 128 с.; Немцов А.В.

На общие показатели смертности русских в республике заметно влияла динамика младенческой смертности. В 1958 г. в структуре умерших 14,7% составляли дети в возрасте до одного года (табл. 2). Благодаря успехам медицины этот показатель сильно уменьшился. Наибольшее снижение младенческой смертности наблюдалось в первой половине 1960-х гг. Если в 1960 г. умерло 917 детей, то в 1966 г. – уже 310. В 1966 г. удельный вес умерших младенцев в общей смертности составил у русских только 4,9%.

Динамика младенческой смертности у русских в 1960-е г. приведена в табл. 6. Она показывает наиболее заметное ее снижение в сельской местности. У русских в городах коэффициент младенческой смертности сократился в 1,6 раза, на 15,4 промилле, в сельской местности снижение было бóльшим: в 1,8 раза, на 21,7 промилле. Удельный вес в общей смертности национальности также сильнее сократился на селе.

В целом за рассматриваемый период количество умерших до года сократилось у русских в 6,8 раза. В структуре общей смертности доля умерших младенцев в первой половине 1990-х гг. составила 1,6%.

Естественный прирост в конце 1950-х – начале 1960-х гг. был очень высоким, но в 1963 г. он опустился ниже 10 тыс. чел. и уже не поднимался выше этой отметки (рис. 3). На протяжении 1960-х гг. заметно – в десять раз (!) – снижался прирост населения в сельской местности. В дальнейшем естественный прирост в деревне у государствообразующей нации был мизерным и не превышал трехзначные цифры (исключение составили лишь 1986 и 1987 гг., когда во многом за счет антиалкогольной кампании удалось снизить смертность). В 1970-е и 1980-е гг. прирост у русских шел практически полностью за счет городов.

Как показано в табл. 1, в каждый межпереписной период русских становилось больше, чем в предыдущий. Если за 1959–1970 гг. русских в республике за счет превышения рождаемости над смертностью стало больше на 6,7%, за 1970–1979 гг. – на 7,5%, то за 1980–1989 гг. – на 8,6%. В то же время естественный прирост с каждым десятилетием сокращался. Соответственно, есть основания предполагать, что численность русских возростала за счет ассимиляции других национальностей. В исторической литературе отмечалось, что в русско-удмуртских семьях дети часто в качестве родного выбирали русский язык²³. И действительно, доля межнациональных браков

Алкогольная история России: Новейший период. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009; *Simpura J., Levin B.M., Mustonen H.* Russian drinking in the 1990's: patterns and trends in international comparison // *Simpura J. Levin B.M. (eds.) Demystifying Russian Drinking. Research Report.* National Research and Development Centre for Welfare and Health. 1997. № 85. P. 79–107.

²³ Удмурты: историко-этнографические очерки / Науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 347.

с каждым десятилетием росла, увеличивалось количество детей, рожденных в смешанных семьях. Если в 1959 г. у 9% русских новорожденных отец был другой национальности, то в 1996 г. эта доля увеличилась до 25,8%²⁴.

Таблица 6

**Показатели младенческой смертности у русских
в Удмуртской АССР***

	Коэффициент младенческой смертности, на 1000 родившихся русских**		Удельный вес в общей смертности национальности, %	
	<i>Городские поселения</i>	<i>Сельская местность</i>	<i>Городские поселения</i>	<i>Сельская местность</i>
1959	39,3	48,6	12,8	14,6
1960	44,3	49,0	14,8	15,6
1961	37,1	41,3	11,6	11,6
1962	32,0	33,2	9,5	7,9
1963	28,8	42,7	7,8	10
1964	27,1	29,5	7,1	6,7
1965	28,4	27,3	6,4	5
1966	28,3	20,2	6	3,2
1967	27,7	30,7	5,5	4,6
1968	26,6	28,4	4,9	3,9
1969	29,3	30,8	5,5	3,7
1970	23,9	26,9	4,5	3,3

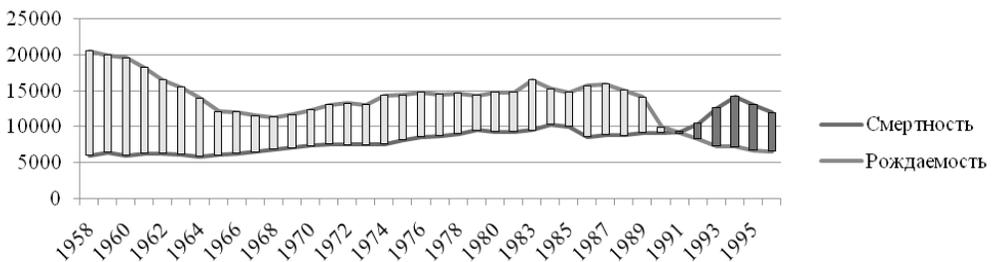
* Таблица составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Лл. 43–44 об.; Д. 93. Лл. 33–34 об.; Д. 100. Лл. 36–37 об.; Д. 107. Лл. 31–32 об.; Д. 115. Лл. 28–29 об.; Д. 123. Лл. 24–25 об.; Д. 131. Лл. 46–47 об.; Д. 162. Лл. 41–42 об.; Д. 171. Лл. 37–38 об.; Д. 191. Лл. 37–38 об.; Д. 205. Лл. 51–52 об.; Д. 216. Лл. 48–49 об.

** Коэффициент младенческой смертности рассчитан автором по формуле Ратса.

В 1992 г. естественный прирост практически остановился (всего 84 чел.), а в сельской местности он уже был отрицательным. С 1993 г. повсеместно в республике смертность превышала рождаемость, причем очень существенно – на 3 354 чел. В следующем году естественная убыль составила уже 4 927 чел., в последующие годы происходило некоторое снижение.

²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 42об.; Д. 532. Л. 7.

Всего за 1958–1996 гг. (без 1981 г.) естественный прирост у русских Удмуртии составил 206 842 чел., из которых чуть более трех четвертей пришлось на города. А по данным переписей за 1959–1989 гг., русское население республики увеличилось на 186 446 чел. Это позволяет предполагать, что во второй половине XX в. русские больше выезжали из республики, чем въезжали в нее. На это указывают данные о миграции, собранные во время проведения переписи 1989 г.

Рис. 3. Естественный прирост у русских Удмуртии в 1958–1996 гг., чел. (без 1981 г.)

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., из 945 216 русских, проживавших на территории Удмуртской АССР, в республике родилось 754 881 чел. (79,9%), а остальные 190 335 чел. прибыли в результате внутренней миграции. В городах среди русских доля родившихся в республике была чуть ниже — 78,4%, в сельской местности намного выше — 86,1%²⁵. Всего же, по данным переписи, Удмуртию покинуло 427 326 уроженцев республики всех национальностей. Скорее всего, среди них, как и в национальном составе, большинство было русским.

Выводы

Таким образом, неопубликованные материалы текущей статистики дают вполне наглядное представление о демографических процессах у русских Удмуртской Республики почти на всем протяжении второй половины XX столетия. Они в полной мере показывают динамику рождаемости, смертности и ее связь с внутренними процессами, происходившими в стране. Несмотря на рост численности русских, абсолютные показатели рождаемости упали у них в 2,5 раза. Наиболее быстро она сокращалась в первой половине 1960-х гг. и после 1988 г.

²⁵ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 1096. Лл. 1, 29, 56.

Из фундаментальных причин снижения рождаемости необходимо назвать распространение внутрисемейного ее регулирования (в частности, с помощью аборт), характерного для стран, осуществивших демографический переход. Этому способствовало также повышение образовательного уровня населения.

Увеличение показателей рождаемости в 1970-е гг. свидетельствует о том, что к причинам падения рождаемости в предшествующее десятилетие нужно добавлять и ухудшение социально-экономических условий жизни. Сравнение абсолютной рождаемости позволяет утверждать, что на рождаемость (в сторону ее увеличения) влияли внутривнутриполитические изменения в стране, повышение социального оптимизма. Правда, это справедливо лишь по отношению к периоду правления Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева.

Смертность за тот же период выросла в два раза. Самые высокие темпы роста она демонстрировала перед перестройкой и в начале 1990-х гг. Во многом рост был связан с алкоголизацией населения. Соответственно, начало антиалкогольной кампании М.С. Горбачева сопровождалось масштабным снижением смертности. Также стоит отметить, что за рассматриваемый период количество умерших детей до года сократилось в 6,8 раза. Особенно резко сократилась младенческая смертность в первой половине 1960-х гг.

Естественный прирост у русских Удмуртии составил 206 842 чел., из которых чуть больше трех четвертей пришлось на города. С 1993 г. повсеместно в республике началась естественная убыль русских, и в сельской местности смертность среди них стала превышать рождаемость на год раньше. Проведенное исследование показывает, насколько важно для формирования объективной картины демографической политики в регионах вовлекать в научный оборот материалы текущей статистики.

© Уваров С.Н., 2018

Рукопись поступила в редакцию 27 июня 2017 г.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтничного многообразия и этнополитической стабильности» №16-11-18005.

Для цитирования: Уваров С.Н. Русские Удмуртии во второй половине XX века: демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 129–150. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-129-150.

**RUSSIANS IN UDMURTIA
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY:
DEMOGRAPHIC ASPECT**

Sergey N. Uvarov

Izhevsk State Agricultural Academy
11 Studencheskaya St., Izhevsk, 426069, Russia
sergey.uvarov@mail.ru

The author of the article introduces for the first time a large number of facts characterizing the demographic processes: birth rate, death rate, natural increase of the Russian population in Udmurtia in 1958–1996 (There are no available data only for 1981). The article shows that in the first half of the 1960s there was a sharp decline in the birth rate of the Russian population in the republic. In total, in 1960–1965 it reduced by 1.6 times. Most likely, the reasons for the fall in the birth rate are due to the worsening of the socio-economic situation in the country. In this regard, there enhanced intrafamily birth control, for example, there were more abortions. In 1969–1983, the number of births in the republic was growing. A small decrease in the population occurred only in 1973, 1977, 1979. In the 1980s there were two sharp rises in the birth rate: the first one occurred in 1983, the second – in 1986–1987. From 1988, there began a continuous decline in the birth rate of the Russian population in the republic, due to the transformation of the country. From the mid-1960s the death rate of the Russian population in the republic began to increase, and for two decades there was a steady growth (except 1972 and 1980). In 1985–1986 it declined, particularly in 1986, which was largely due to the anti-alcohol campaign. In 1992 the natural increase virtually stopped. From 1993, the death rate exceeded the birth rate throughout the republic. In total, in 1958–1996 (except 1981), the natural increase of the Russian population in Udmurtia amounted to 206842 people. According to the census data for 1959–1989, the Russian population of the republic increased by 186446 people. This suggests that in the second half of the 20th century, the Russians were leaving the republic rather than coming there.

Keywords: birth rate, death rate, Russians, population, Udmurtia

REFERENCES

- Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V., and Polishchuk, N.S. *Russkie*. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian).
- Alekseenko, S.Yu. “Russkie Bashkortostana na rubezhe XX–XXI vv.: etnosotsiologicheskoe issledovanie.” [Russian of Bashkortostan at the turn of the 20th–21st centuries: ethno-sociological study] PhD diss., Udmurt state University, 2017 (in Russian).

- Alieva, V.F. “Russkobenaselenie Dagestana.” [Russian population of Dagestan] *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 33 (2009): 47–59 (in Russian).
- Anderson, A. Barbara, and Brian, D. Silver. “Infant Mortality in the Soviet Union: Regional Differences and Measurement Issues.” *Population and Development Review* 12, no. 4 (1986): 705–738.
- Arutyunyan, Yu.V. “Russkii etnos: demograficheskie izmeneniya i vostrebovannost’ mezhetnicheskoi integratsii.” [Russian ethnos: demographic changes and the demand for inter-ethnic integration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 12 (2010): 42–48 (in Russian).
- Arutyunyan, Yu.V. *Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian).
- Bondarskaya, G.A. *Rozhdaemost’ v SSSR (etnodemograficheskii aspekt)*. Moscow: Statistika, 1977 (in Russian).
- Central’nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki* (thereafter – CGA UR) [Central state archive of the Udmurt Republic], f. P-551, op. 2, d. 5695.
- CGA UR, f. P-845, op. 5, d. 85, 87, 93, 100, 107, 115, 123, 131, 162, 171, 191, 205, 216, 239, 270, 280, 288, 291, 303, 321, 332, 344, 376, 388, 408, 417, 427, 438, 446, 454, 461, 475, 483, 491, 501, 512, 521, 532, 1084, 1096.
- CGA UR, f. P-845, op. 7, d. 87, 93, 100, 107, 115, 123, 131, 162, 171, 191, 205, 216, 532.
- Chernysheva, I.V. “Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtskoi Respublike, 1989–1999 gg.” [Ethnodemographic processes in the Republic of Udmurtia, 1989–1999] PhD diss., Udmurt state University, 2001 (in Russian).
- Dashinamzhirov, O.B., and Lygdenova, V.V. “Ethnical demographic processes in Western Siberia in post-soviet period (1989–2010).” *Tomsk State University Journal of History*, no. 6 (2016): 144–151 (in Russian).
- Fauzer, V.V. “Etnicheskiifaktor v demograficheskom razvitii Respubliki Komi (seredina XIX – nachalo XXI veka).” [The ethnic factor in the demographic development of the Republic of Komi (the mid-19th – 21st)] *Ocherki istorii narodonaseleniya*. Syktyvkar: IYaLI KNTs UrO RAN, 2006 (in Russian).
- Feshbach, M. *Demography and Soviet society: Social and cultural aspects*. Washington: Wilson center, 1981.
- Golovnev, A.V. “Etnichnost’ i identichnost’ na Urale.” *Ural historical Herald*, no. 2 (2011): 40–49 (in Russian).
- Isupov, V.A. “Demograficheskoe azvitiye russkogo naseleniya Sibiri v 1917–1959 gg.” [Demographic development of the Russian population of Siberia in 1917–1959] *Russkii etnos Sibiri v XX veke*. Sb. nauch. trudov, 3–38. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2004 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. *Russkie v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda*. St. Petersburg: Blits, 1996 (in Russian).
- Karpunina, I.B., and Melent’eva, A.P. “Russkie v Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-e gg.: osnovnye demograficheskie tendentsii.” [Russians in Western Siberia in 1960–1980-s: main demographic trends] *Russkii etnos Sibiri v XX veke*, 39–61. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi iuniversitet, 2004 (in Russian).

- Korotaev, A.V., and Khalturina, D.A. *Russkiikrest: faktory, mekhanizmy I puti preodoleniya demograficheskogo krizisa v Rossii*. Moscow: KomKniga, 2006 (in Russian).
- Lamakhanov, Ts.V. “Naselenie Buryatii: etnodemograficheskie protsessy v 1960–1990 gg.” [The population of Buryatia: ethnodemographic processes in 1960–1990] PhD diss., Buryat state University, 2006 (in Russian).
- Nemtsov, A.V. *Alkogol'naya istoriya Rossii: Noveishii period*. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009 (in Russian).
- Norstrom, T. “The role of alcohol in the Russian mortality crisis.” *Addiction*. 106, no. 11 (2011): 1957–1965.
- Pimenov, V.V., ed. *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki*. Izhevsk: UIIYaLUrO RAN, 1993 (in Russian).
- Simpurap, J., and Levin, B.M., Mustonen, H. “Russian drinking in the 1990’s: patterns and trends in international comparison.” *Demystifying Russian Drinking. Research Report. National Research and Development Centre for Welfare and Health* 85 (1997): 79–107.
- Sumacheva, M.V. *Etnicheskie protsessy na Urale vo vtoroi polovine XX veka*. Ekaterinburg: Rossiiski igosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet, 2009 (in Russian).
- Vdovin, A.I. *Russkie v XX veke. Tragedi i itriumfy velikogo naroda*. Moscow: Veche, 2013 (in Russian).

Submitted: 27 June 2017

Financing: The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Project “Study of the ethnodemographic development of Udmurtia in the 20th – early 21st century in order to preserve polyethnic diversity and ethno-political stability” (grant № 16-11-18005).

For citation: Uvarov, Sergey N. “Russians in Udmurtia in the second half of the 20th century: demographic aspect.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 129–150. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-129-150.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-151-174

ВКЛАД ГУСТАВА ЭВЕРСА В ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ РУСИ

В.В. Фомин^а, Л.В. Исакова^б

^а Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42
vfominv@mail.ru

^б Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36
isakowa88@yandex.ru

В статье представлен анализ научных изысканий Густава Эверса по истории и праву Руси. Акцент сделан на критике Эверсом основных положений норманизма, изложенных в труде его учителя А.Л. Шлецера «Нестор», в процессе которой формировалась его собственная концепция начала Руси. Эти задачи решены с широким привлечением историографического материала. Авторы показывают, что критика Эверсом норманнской теории получила высокую оценку в историографии XIX в. и сохраняет свое значение в связи с попытками закрепить монополию норманизма в науке.

Ключевые слова: Густав Эверс, А.Л. Шлецер, норманизм, норманнская теория, антинорманизм, понтийская Русь

Введение

На современном этапе развития историографии актуальным представляется обращение к трудам отечественных исследователей первой трети XIX в., – времени начала интенсивной разработки истории Древней Руси. В этой связи следует обратиться к работам немецкого историка, обретшего в России вторую родину, – Иоганна Филиппа Густава Эверса (1779–1830), изучение творчества которого сегодня преимущественно ограничивается рассмотрением родовой теории. Однако круг его научных интересов был

значительно шире. Он впервые в нашей историографии обратил внимание на процесс естественного общественного развития и в зависимость от него поставил формирование государственных начал, рассматривал становление правовой системы Руси, внес значительный вклад в разработку ряда основополагающих вопросов методологии российской исторической науки.

Эверс придал мощный импульс исследованию варяго-русского вопроса, в целом всей ранней русской истории, выступил конструктивным критиком своего учителя А.Л. Шлецера, вдохнул новую жизнь в концепции бытия понтийской руси и доваряжского периода русской истории, которые тот пытался исключить из науки. По оценке норманиста В.А. Мошина, в эпоху торжества «“ультранорманизма” шлецеровского типа» значительное влияние оказала критика Эверсом норманнской теории и доказательство пребывания руси в Причерноморье до призвания варягов, и что под его влиянием явились «новые толкования русского имени»¹.

Но эта критика, которая способствовала формированию у Эверса собственной концепции начальной истории Руси, не стала в науке темой специального исследования. Ее лишь несколько затрагивал в 1967–1980 гг. В.И. Шевцов, занимавшийся изучением многогранного творчества дерптского историка². В последнее время к анализу его наследия неоднократно обращались А.Е. Шикло, Г.Р. Наумова³, К.Б. Умбрашко⁴, но в основном в

---

¹ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии. Сб. статей и монографий. М.: Русская панорама, 2010. С. 26–28.

² См., например: *Шевцов В.И.* Густав Эверс и его место в русской историографии / Автореферат дис... к.и.н. Днепропетровский государственный университет, 1970.; *Шевцов В.И.* Густав Эверс и русская историография // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 55–70; *Schevzov W.I.* Die Sippentheorie bei Gustav Ewers // Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiewer Rus' bis zur Oktoberrevolution. Berlin, 1976. S. 163–180; *Шевцов В.И.* Вопросы истории русского права в освещении Г. Эверса // Правовые идеи и государственные учреждения (историко-юридические исследования). Свердловск: УрГУ, 1980. С. 70–84.

³ *Шикло А.Е.* Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России XVIII – нач. XX вв. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: «Скрипторий», 1996. С. 124–136; *Шикло А.Е.* Критическое направление в отечественной историографии 20–40-х гг. XIX в. И.Ф.Г. Эверс. Н.А. Полевой. М.Т. Каченовский // Историография России до 1917 г. Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Издательский центр ВЛАДОС, 2003. С. 222–231; *Наумова Г.Р., Шикло А.Е.* Историография истории России. Изд. 2-е. М.: Академия, 2009. С. 194–204.

⁴ *Умбрашко К.Б.* Историзм в русской историографии первой половины XIX века // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. Т. 6. С. 266–270; *Умбрашко К.Б.* Философско-методологические поиски европейских и русских историков XVIII – первой половины XIX вв. // Философия образования. 2011. Т. 38. № 5. С. 99–100.

общих историографических обзорах, что не позволяет в полной мере и в деталях представить вклад ученого в изучение начальной истории Руси. В 1995 и 2001 гг. М.В. Зеленов заострял внимание на мысли Эверса о существовании государственности у восточных славян до прихода варягов и на его полемике с А.Л. Шлецером⁵. В 2011 и 2015 гг. С.В. Соколов подчеркивал, что собственная теория исследователя оказала меньшее влияние на развитие историографии, чем его критика «скандинавской концепции»⁶. Следует также назвать работы С.В. Пашкова, в которых рассмотрено влияние идей Эверса на взгляды норманиста М.П. Погодина⁷. Высоко оценивают в целом заслуги дерптского профессора в изучении проблем русской истории зарубежные специалисты – эстонские, немецкие, финские⁸.

Отношение Шлецера к трудам Эверса

Как пояснял Эверс в монографии «О происхождении Русского государства», увидевшей свет в 1808 г., заняться данной проблемой его побудил «Нестор» Шлецера (пятитомный труд, издаваемый в 1802–1809 гг. в Геттингене, в 1809–1819 гг. вышел на русском языке в трех частях). Но если последний утверждал, что основатели Русского государства прибыли с бе-

---

⁵ Зеленов М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс // *Историки России XVIII–XX вв.* Вып. 1. М.: Архивно-информационное агентство, 1995, С. 81–85; Зеленов М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс // *Историки России: биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев.* М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. С. 116–121.

⁶ Соколов С.В. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург, Банк культурной информации, 2015. С. 8, 44, 187–189, 193, 212–213, 248.

⁷ Пашков С.В. Отношение норманиста М.П. Погодина к трудам антинорманистов // *Вопросы истории.* 2015. № 7. С. 147–154; Пашков С.В. Разбор норманистом М.П. Погодиным взглядов антинорманиста И.Ф.Г. Эверса на варяго-русский вопрос // *Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика.* Вып. 2. М.: МАНПО, 2015. С. 160–169.

⁸ Leppik L. Rektor Ewers. Tartu: Eesti Ajalooarhiv, 2001. 351 lk.; Voigt G. Russland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945. Berlin, 1994. S. 17, 134, 313; Zeil W. Slawistik in Deutschland. Böhlau, 1994. S. 96; Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fren runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 252–253, 326, 446–447; Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie // *Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum.* Bd. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. S. 14, 23, 343, 384; Scholz B. Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte.* Berlin, 2001. S. 515–536.

регов Балтики, то Эверс – Черного: «к таким противоположным выводам нас незаметно привела общая цель: он искал истину, я тоже»⁹.

Поиск истины привел Эверса, воспитанного на норманистских ценностях, к антинорманистским выводам (хотя и неполным): что русь не была скандинавским племенем и проживала на юге Восточной Европы (на такое заключение его вывели в том числе впервые привлеченные им к решению начала Руси восточные источники) и что государственность у восточно-европейских славян сложилась до прихода варягов, в норманстве которых историк не сомневался.

А.Л. Шлецер на подобное проявление инакомыслия своего ученика отреагировал очень оперативно и предельно резко. В 1809 г. в приложении к пятому тому «Нестора» (в русское издание этот раздел не был включен) европейская знаменитость категорично заявила: книга Эверса а priori должна быть осуждена, т.к. плоха «в литературном и моральном отношении».

Ибо ее автор есть самый необразованный и ничего не знающий «из моих критиков», к тому же без ссылок напечатавший целые страницы из работ Шлецера, прежде всего «Нестора», по причине чего у него нет ничего нового¹⁰ (для Шлецера такой стиль разговора был нормой: он «отлучал» от исторической науки «совершенного невежду» в ней М.В. Ломоносова, в рассуждениях «совершенного неуча» В.Н. Татищева о прошлом Восточной Европы до призвания варягов видел только «бредни». Как отмечал В.О. Ключевский, «надменный Шлецер» относился «с немецким пренебрежением» ко всем русским историкам¹¹. Но он нисколько не церемонился и с немецкими исследователями. Так, заключение А.К. Шторха, что «Рюрик нашел свой народ уже обладающим значительною и выгодною торговлей», назвал «глупой сказкой» и возмущался тем, «каким образом ученый человек... мог попасть не токмо на *ненаучную*, но и *уродливую* мысль о древней Руси»¹². В силу того же, если сказать словами Ключевского, «чрезвычайно распухшего самолюбия», Шлецер был несправедлив в довольно низкой оценке Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера как историков).

---

⁹ *Ewers G.* Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808, p. VII.

¹⁰ *Schlözer A.L.* Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib Fehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt. Bd. 5. Göttingen: von Vandenhoeck und Ruprecht, 1809, pp. XVI–XXXV.

¹¹ *Ключевский В.О.* И.Н.Болтин // Он же. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М.: Наука, 1959. С. 133.

¹² *Шлецер А.Л.* Нестор. Пер. с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. С. 388–390.

Насколько далеко, поддавшись эмоциям, зашел Шлецер в неприязни Эверса и его концепции, показывают отзывы тех лет немецких ученых на ту же книгу. Например, в 1808 г. ориенталист И.С. Фатер полностью согласился с выводами, по его оценке, этой очень ценной работы. В 1809 г. Ф. Рюс, посвятив ей развернутую рецензию, признал «ученость» и «прилежание» автора (но тут же говоря, а этот неувыдаемый «аргумент» в адрес антинорманистов был введен в науку Шлецером, что против норманнской теории восстала «русская национальная гордость»).

Об Эверсе лестно отзывались академики-норманисты И.Ф. Круг и А.Х. Лерберг, особо выделяя его критику слабых мест в выводах Шлецера и Тунмана «о происхождении руси»¹³ (стоит добавить, что Эверс опубликовал в 1810 г. «Неприятные воспоминания об Августе Людвиге Шлецере», в которых подчеркнул: многие предупреждали меня, что он, не привыкнув «к критике, поведет себя как негодяй», прикрываясь при этом любовью к истине. Однако я ошибся, и «в гневе его ущемленное самолюбие перебороло его порядочность и заставило написать пасквиль на меня, который позорит пятую часть его “Нестора”»¹⁴).

Критика Эверсом основных положений норманнской теории

В 1814 г. в «Предварительных критических исследованиях для российской истории» (в русском издании книга, являющаяся расширенным вариантом «О происхождении Русского государства», вышла в 1825–1826 гг. в переводе М.П. Погодина, что вызвало уже большое раздражение Н.М. Карамзина¹⁵. Ученый конкретизировал основные положения критики норманнской теории, представил проблему происхождения русской государственности как результат внутренней жизни восточных славян, частные аспекты которой, в том числе формирование политико-правовых институтов Руси, были изложены им в 1826 г. в работе «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (на русском языке она увидела свет в 1835 г.).

---

¹³ *Шевцов В.И.* Г. Эверс и развитие русской исторической науки в XVIII – начале XIX в. в немецкой историографии // Исследования по германо-славянским отношениям / Отв. ред. В.Д. Корольюк. М.: Наука, 1971. С. 31–32.

¹⁴ *Ewers G.* Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. Dorpat, M.G. Grenzius, 1810, pp. 1–16.

¹⁵ *Погодин М.П.* Мое представление историографу (Отрывок из записок) // Русский архив. 1866. № 11–12. Стб. 1766–1770.

Трудам Эверса присущ принцип историзма, отразившийся в подходе к анализу фактов, установлению причинно-следственных связей. Большое внимание он уделял установлению причин и факторов, послуживших основой тех или иных явлений истории, прослеживал путь их развития, который излагал как процесс «естественного состояния». Вместе с тем Эверс объяснял основные результаты внутренней жизни «общества» эволюционным путем развития по аналогии с представителями немецкой исторической школы права и исторической школы Л. Ранке.

Концепция происхождения государственности на Руси складывалась у Эверса в процессе критики норманизма, потому следует остановиться на некоторых его контраргументах. Прежде всего он охарактеризовал как «убедительное молчание» факт отсутствия в скандинавских сагах сведений о Рюрике. Эверс считал, вслед за Ломоносовым, «невероятным», что известия о нем не дошли по преданию ни до одного скандинавского писателя, хотя его судьба «должна была возбудить всеобщее внимание в народе», которому он принадлежал. Отмечая, что погибшие древнейшие свидетельства доставили С. Стурлусону (исландский писатель, ум. 1241) сведения о далеком Ролло-Роллоне (ум. 932, в 911 г. основал герцогство Нормандское, с 876 г. грабил Францию) «и позабыли о ближайшем Рюрике» (ум. 879), ученый заключил: при таком молчании менее всего может устоять гипотеза, основанная на недоразумениях и ложных выводах (при этом указав, что норманисты заставляют летопись говорить то, что от нее «хотят услышать», и охарактеризовав шведа П. Петрея, впервые заявившего в 1614–1615 гг. о шведской природе Рюрика, «простодушный пустомеля»¹⁶).

Демонстрируя обоснованность своего принципиального вывода о недоразумениях и ложных выводах норманнской теории, Эверс установил позднее появление названия «Рослаген» (так именуется часть береговой полосы области Упланд Швеции, что расположена напротив Финского залива), от которого норманисты, в частности, Шлецер, производили имя Русь (начало же тому положили истинные создатели норманнской теории – шведские донаучные авторы XVII в.): в древности Упландия именовалась Sialand, Seeland, тогда как Рослаген (Родеслаген) впервые встреча-

---

¹⁶ *Ewers G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808, pp. 102, 179–184, anm. 2 s. 53; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 62, 148–151.*

ется в упландских законах Биргера (1295 г.), в связи с чем не может ничего дать для объяснения названия Русь в IX в.¹⁷

Несколько позже потомок шведов Г.А. Розенкампф довел наблюдения Эверса до логического завершения. Указывая, что в древности берега Упландии именовались Sialand-Seeland (поморская земля), он констатировал: слова Ruotsi (финское название Швеции) и Рослаген не могут доказывать ни происхождения, ни родины руссов, ибо Rodslagen, т.е. корабельный стан, образован от rodhsi-гребцы, причем «буква d» при произношении почти не слышна и потому выпускалась. В связи с чем Rodslagen, т.е. главное место, «откуда лодьи отправлялись в море», стал звучать как Roslagen, но при этом не был принят в качестве географического названия самой области.

Отмечая, что в Упландском областном законе 1296 г. нет термина Rodslagen (как ошибочно считал Эверс), что «rodhsi» упоминается в нем в смысле лишь только профессии, что в том же значении он используется в уложениях середины XIV в. и 1733 г., Розенкампф констатировал: упландские гребцы не могли сообщить имя Руси и Шлецер заблуждался, принимая название ремесла за народное имя¹⁸.

Вывод Эверса и Розенкампфа об отсутствии связи между названиями Русь и Рослаген развивали в XIX в. как антинорманисты, например, С.А. Бурачек, С.А. Геденов, И.Е. Забелин, так и норманисты, причем самые именитые: М.П. Погодин, А.А. Куник (норманнская школа «обанкротилась» с Рослагином, т.к. «сопоставление слов Rôslag и Русь, Rôls является делом невозможным уже с лингвистической стороны»), В. Томсен. Название Roslagen (Rodzlagen) появляется, как сегодня указывает Л.П. Грот, в 1493 г. и упоминается в 1511, 1526 и в 1528 гг. Вместе с тем исследовательница доказала факт небытия Рослагена в эпоху варягов: тогда его территория находилась под водой, т.к. уровень моря в этом районе в IX в. был выше сегодняшнего на 6–8 м. А данный факт опять же подтверждает вывод Эверса, что Рослаген не может служить для объяснения «русского имени в 9 столетии». Но с этим фактом не могут смириться сегодняшние сторонники норманизма Е.А. Мельникова, Д.А. Мачинский, В.Г. Вовина-Лебедева,

---

¹⁷ Ewers G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808. P. 132; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 106.

¹⁸ Розенкампф Г. Объяснение некоторых мест в Несторовой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Кн. 1. Ч. IV. М., 1839. С. 11–22.

возрождая мешающие науке фантомы, отвергнутые специалистами (как солидарно говорили в 1839 и 2002 гг. А.Ф. Федотов и Г. Шрамм, что Рослаген исключен из системы доказательств и что «*Ruotsi* никогда не значило *гребцов и людей из Рослагена*»)¹⁹.

Версию о скандинавском происхождении имени «Русь» Эверс не принимал еще и потому, что считал «беспримерным и неестественным», чтоб завоевывающий народ переименовал свое имя на другое, употребляющееся у соседа, и сообщил его созданному государству: страна, из которой франки пришли в Галлию, именовалась у галлов или Германией или Алеманией, «но франки основали у галлов Францию. ... Итак вот что говорят нам: Рюрик и его спутники были шведы, основали государство, но не были известны своим подданным под именем шведы. Имя сие узнали уже их правнуки, войдя в деятельное сношение с народом, которым они до тех пор были обладаемы!»²⁰. И у этой идеи, которую высказал еще М.В. Ломоносов, в XIX в. также оказалось много сторонников из норманистов и их оппонентов.

Так, О.И. Сенковский, хотя и видел в Руси «Славянскую Скандинавию», недоумевал: как норманны, покорив земли славян, приняли имя, чуждое языку своему и себе, и основали державу под чужим и, конечно, обидным для себя прозванием²¹. Новгородцы, акцентировал внимание Н.В. Савельев-Ростиславич, зная имя шведов (самоназвание *svear*), совсем не нуждались в использовании чухонского прозвища руси, даже если бы ее имя и было финского происхождения²². Почему славяне, правомерно вопрошал С.А. Гедеонов, знающие шведов под именем руси, перестают так их именовать после призвания?²³. Ведущий норманист XIX столетия М.П. Погодин при-

¹⁹ Фомин В.В. Фальсификации современного норманизма // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 17–18 мая 2013 г. Липецк, ЛГПУ, 2013. С. 265–283.

²⁰ Ewers G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808. С. 129–131; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 111–112.

²¹ Сенковский О.И. О происхождении имени руссов // Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса). Т. VI. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1859. С. 152.

²² Савельев-Ростиславич Н.В. Варяжская Русь по Нестору и чужеземным писателям. СПб.: Б.и., 1845. С. 27, 53, 59.

²³ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях. Ч. 1. 2-е изд., комментированное. М.: Русская панорама, 2004. С. 289.

знал, под давлением аргументов Гедеонова, что через финское название Швеции «Руотси» невозможно объяснить «имени Русь», что это «есть случайное созвучие»²⁴. К.Н. Бестужев-Рюмин тоже полагал «странным», что скандинавы сами называли себя финским именем²⁵.

Отсутствие связи между «Русь» и «Ruotsi» подтвердили современные зарубежные и отечественные лингвисты. В 1973 г. Ю. Мягисте, учитывая непреодолимые историко-фонетические трудности, отказался от мысли о скандинавской основе названия «Русь». В исследованиях 1980–2002 гг. А.В. Назаренко, уточняя, что в южнонемецких диалектах этноним «русь» появляется не позже рубежа VIII–IX вв., заключил: это усугубляет трудности, связанные с объяснением имени «Русь» от «Ruotsi» (вместе с тем ученый, опираясь на византийские жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, констатировал, что «какая-то Русь была известна в Северном Причерноморье на рубеже VIII и IX вв.», т.е. до появления на Среднем Днепре варягов).

В 1982 и 2002 гг. Г. Шрамм предложил отказаться от такого объяснения. В 1997 г. О.Н. Трубачев, подчеркивая, что скандинавская этимология для Руси (как и для финского Ruotsi) не найдена, согласился с мнением польского ученого Я. Отрембского, высказанным в 1960 г., что версия норманистов о происхождении имени «Русь» представляет собой одну из величайших ошибок науки. Она, резюмировал в 2006 г. К.А. Максимович, остается лишь догадкой (добавив к сказанному, что этой идее противоречат многочисленные сообщения византийских и арабских авторов о «русах» в Северном Причерноморье)²⁶.

Эверс, разбирая доказательства норманистов, указал на серьезнейшую опасность для истории «ложного света произвольной этимологии»²⁷. Касаясь практики тотальной скандинавской интерпретации русских имен, ученый ее ошибочность продемонстрировал на примере имени Игорь, вос-

---

²⁴ *Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавomania и ее небылицы о русской истории / Сб. статей и монографий. М.: Русская панорама, 2015. С. 179.

²⁵ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. В 2 т. Т. 1. СПб.: тип. А. Траншеля, 1872. С. 93.

²⁶ *Фомин В.В.* Начальная история Руси. Учебное пособие. М.: Русская панорама, 2008. С. 78–162.

²⁷ *Ewers G.* Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808. С. 162–163; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 18–19, 70–72, 133.

производимого в западных и византийских источниках как Ингер и принимаемого в науке за скандинавское имя Ингвар: но бабку Константина Багрянородного «Евдокию, все византийцы называют дочерью благородного Ингера... Неужели этот Ингер, которой, по сказанию Кедрина, происходил из Мартинакского рода, был также скандинав?»²⁸. Ныне Е.А. Мельникова, обращаясь к «Житию святого Георгия Амастридского» (написано между 820 и 842 гг.), утверждает, что в это время в Византии были люди, имеющие «скандинавские имена». Например, в 825 г. Ингер стал митрополитом Nikei. Это же имя имел и отец Евдокии, жены императора Василия I (родилась около 837 года)²⁹. Ссылаясь на эти же имена, Д.А. Мачинский в 2007 г. говорил о «разнообразных контактах» скандинавов с византийской империей³⁰.

Ведя речь о «ложном свете произвольной этимологии», Эверс отметил, что из всех путей, которые ведут к открытию истин в истории, в первую очередь «можно заблудиться на производстве слов и имен порознь», напомнив затем, что Шлецер сам хотел совершенно исключить собственные имена из исторического исследования³¹. Справедливость слов Шлецера и Эверса подтверждает Иордан, указавший в VI в. на факт давнего активного международного обмена именами, идущего как минимум со времени Александра Македонского, в связи с чем в ложный путь превращается желание по именам воссоздавать и исправлять историю: «Ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»³².

Эверс, обращаясь к «русским» названиям днепровских порогов и констатируя, что Ф. Дурич объяснил их из славянского, Ю. Тунман – из скан-

---

²⁸ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 71–72.

²⁹ Мельникова Е.А. Варяжская доля // Родина. 2002. № 11–12. С. 30–32.

³⁰ Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 501, прим. 13.

³¹ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 70–71.

³² Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб.: Алетейя, 1997. С. 72.

динавского, а И.Н. Болтин – из венгерского, не без иронии резюмировал: «Наконец, может быть найдется какой-нибудь словоохотливый изыскатель, который при объяснении возьмет в основание язык мексиканский». Вместе с тем он, ведя речь о несостоятельности доказательств Тунмана (о «натянутости» его аргументов говорил и Шлецер)³³, резонно заметил: если бы русы были действительно норманнами, слившимися с восточными славянами, то это должно было быть видно из всего языка последних, а не из семи названий порогов. Причем шведы не смогли привить славянам даже того, чего им не доставало – «обозначения судоходных инструментов», при этом якобы переводя на скандинавский язык славянские названия днепровских порогов, «значительно удаленных от Киева?! Весьма странно!»³⁴. Коллега Эверса по Дерптскому университету И.Г. Нейман, заостряя внимание на том, как в науке заставляют «русские» названия порогов звучать по-скандинавски (по-германски), заключил в 1825 г., что этот результат является сомнительным уже по необходимости брать в помощь шведский, исландский, английский, датский, голландский и немецкий языки³⁵.

Эверс также резюмировал, что германских слов весьма мало в русском языке³⁶. В 1849 г. языковед и норманист И.И. Срезневский, проведя анализ приписываемых норманнам слов (которыми, по его уточнению, увлекали «пристрастных и простодушных»), показал нескандинавскую природу большинства из них и заключил: остается около десяти слов сомнительного происхождения, «или действительно германского», и если только по ним говорить о степени влияния скандинавов на русский язык, то надо признать, «что это влияние было очень слабо, почти ничтожно»³⁷.

---

³³ Шлецер А.Л. Нестор. Пер. с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. С. 330, прим.*

³⁴ Ewers G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808. С. 128, 162, 266; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 133, 138–139.

³⁵ О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и критический разбор оногo / Пер. с нем. М.П. Погодин. М.: Типография С. Селивановского, 1826. С. 37, прим.*

³⁶ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 139.

³⁷ Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 130–131, 140–144, 154.

Эверс о понтийской (черноморской) руси

Обстоятельно показав несостоятельность норманизма (сторонник последнего Н. Сазонов признал в 1835 г., что он потряс эту систему³⁸), Эверс начало Руси связал с южными пределами Восточной Европы, подчеркивая, что «естественнее искать руссов при Русском море (Черном. – *В.Ф., Л.И.*), нежели при Варяжском (Балтийском. – *В.Ф., Л.И.*)»³⁹. На факт пребывания в указанном районе руси задолго до призвания варягов ранее обращали внимание Г.В. Лейбниц⁴⁰, Г.З. Байер (потому и полагавший, что русские приняли название не от скандинавов), В.Н. Татищев⁴¹, М.В. Ломоносов (указывал, говоря о нападении руси на Константинополь в 860 г., что патриарх Фотий в окружном послании сообщает: «Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали») ⁴².

О южной руси рассуждал в 1768 г. и А.Л. Шлецер, представляя ее могущественным народом, населявшим Крым и подчинившим себе, по свидетельству Фотия, множество других народов, при этом сближая ее с куманами, хазарами, болгарами, аланами, лезгинами. Однако в «Несторе» он, хотя и продолжал считать, что Повесть временных лет (ПВЛ) «ясно отличает русских от шведов», постарался привести летопись в соответствие с норманнской теорией (под ее влияние он попал окончательно благодаря шведу Ю. Тунману, утверждавшему в 1774 г., что именно его предки основали Русское государство и что в этом «никто не сомневается»), для чего изобрел «особый род» скандинавов – русов, родом из Швеции. А ставшую помехой его концепции русь, имя которой гремело в Причерноморье в доваряжскую эпоху, категорически вычеркнул из русской истории: никто не может больше печатать, что Русь задолго до пришествия Рюрика уже называлась Русью⁴³.

³⁸ Сазонов Н. Об исторических трудах и заслугах Миллера // Ученые записки императорского Московского университета. М., 1835. № 2. С. 322.

³⁹ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 205.

⁴⁰ Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня Головина, 1871. С. 139.

⁴¹ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.–Л.: Наука, 1962. С. 286, 308, прим. 7, 8.

⁴² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., СПб., 2011. С. 23.

⁴³ Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. М.: Русская панорама, 2015. С. 279–283; Шлецер А.Л. Нестор. Пер.

Первым и очень быстро нарушил этот запрет Эверс, который заново открыл, как тогда писали, понтийскую русь, и тем самым дал, по оценке Э.Д. Ващенко, «мощный толчок развитию тезиса об антисеверном происхождении русского государства»⁴⁴ (в связи с тем, что он сближал русь с хазарами, то такой же силы толчок был дан изучению истории Хазарии вообще и русско-хазарских отношений в частности). О понтийской руси в дореволюционное время речь вело немалое число исследователей, в том числе норманистов: Н.М. Карамзин (под влиянием Эверса он прямо возражал Шлецеру: «где истина сама собою представляется глазами историка, там нет нужды прибегать к странным гипотезам... Народы не падают с неба, и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия»), И.С. Фатер, Н.А. Иванов, П.И. Шафарик, Н.И. Надеждин, Д.И. Иловайский, Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский, Л.В. Падалко, В.А. Пархоменко.

«Название “русь”, – констатировал в 1851 г. С.М. Соловьев, – гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями». Точно так же считали В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Ф.И. Успенский, А.А. Шахматов. Причем последний отмечал, что многочисленные данные противоречат летописному повествованию «о прибытии руси, в середине IX столетия, с севера, из Новгорода», тогда как имеются указания на давнее пребывание руси на юге (например, под Русью долгое время понималась именно ее юго-западные пределы, а Черное море с древности называлось Русским). В послереволюционное время о южной (азовско-черноморской) руси речь вели и ведут Г.В. Вернадский (название «русь» – «рось» бытовало в Южной Руси, как минимум, с IV в.), Д.Т. Березовец, В.И. Абаев, Д.Л. Талис, О.Н. Трубочев (в ономастике Приазовья и Крыма издавна имеются названия с корнем Рос), А.Г. Кузьмин, Я.Л. Радомский, К.А. Максимович и др.⁴⁵

В науке присутствует мнение, что Эверс отказался от идеи о «понтийской руси»⁴⁶. Но это мнение является плодом неправильного толкования

с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. Ч. I. С. XXVIII, 258, 315–317, 330, 421.

⁴⁴ Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского госуниверситета, 2006. С. 127.

⁴⁵ Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи) // Сборник Русского исторического общества. Т. 4 (152). М., 2002. С. 14–39; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 482, прим. 31.

⁴⁶ Историография истории России: учебное пособие для академического бакалавриата / Под ред А.А. Чернобаева. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 149.

слов дерптского историка И.Г. Неймана, которые звучат в его «Послании к государственному советнику Густаву Эверсу», помещенном в 1825 г. в книге «О жилищах древнейших руссов»: «Сколько мне известно, вы не стоите уже за хазаров»⁴⁷ (ничего подобного Эверс не говорил ни до, ни после ни в сочинениях, ни в переписке). И данные слова следует понимать лишь в том значении, что он в это время уже не занимался собственно проблемой начала Руси, переключив свое внимание на разработку другого важнейшего вопроса, итогом чего стала монография 1826 г. «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии».

Эверс о доваряжском периоде русской истории

Увязывая имя Руси с югом Восточной Европы и говоря о приходе русов из пределов последней, Эверс указал, что «Русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрика единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князя пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело»⁴⁸. Эту плодотворную идею затем развивали некоторые норманисты. Н. Брусилов в 1811 г. не сомневался, что Русское государство существовало задолго до пришествия Рюрика⁴⁹. В 1824 г. поляк И. Лелевель подчеркивал, что у скандинавов даже в самую блестящую эпоху их завоеваний почти не было городов, а у славян Восточной Европы имелись высокоразвитые земледелие и торговля, деньги, большое число обширных городов. Следовательно, в их землях существовал «в высокой степени гражданский порядок, образовавший политический характер народа»⁵⁰. В 1886 г. М.Ф. Владимирский-Буданов лаконично заключил, что варяжские князя везде уже застали «готовый

---

⁴⁷ О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и критический разбор оного / Пер. с нем. М.П. Погодина. М.: Типография С. Селивановского, 1826. С. 3.

⁴⁸ *Ewers G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen.* Riga u. Leipzig, 1808. С. 186; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 84.

⁴⁹ *Брусилов Н.* Историческое рассуждение о начале русского государства // Вестник Европы. М., 1811. № 4. С. 285–288, 301–306.

⁵⁰ *Лелевель И.* Рассмотрение Истории государства российского Карамзина // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. № 3. С. 163–170; ч. 11. № 15. С. 138–140; ч. 12. № 19. С. 50–51.

государственный строй»⁵¹ (действительно, источники фиксируют у славян четко действующую организацию управления, связанную с хозяйственно-экономическими задачами и выстроенную, путем делегирования, снизу вверх).

Но в 2012 г., в год празднования 1150-летия зарождения российской государственности, вновь зазвучала идея, что «горсточка» норманнов с Рюриком во главе «основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству»⁵², и что приход варягов и конунга Рюрика есть «основание государства у восточных славян, начало нового исторического бытия для племен Восточной Европы»⁵³. Практически все по А.Л. Шлецеру, более двух столетий назад говорившему о «пустоте» русской истории до прихода варягов-норманнов, распространивших среди славян («полудиких» «получеловеков», у которых «не было никаких законов», «большого звероловства», «скотоводства») «человечество», в связи с чем история Руси начинается от прихода «Рурика» и основания русского государства шведами. От призвания варягов вели отсчет русского бытия авторитеты российской историографии Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев⁵⁴.

Однако и в данном случае Эверс опротестовал мнение Шлецера, указав на доваряжскую историю Руси. Тем самым он возродил традицию историков XVIII в., уделявших большое внимание этому периоду: А.И. Манкиева (первая книга его «Ядра российской истории» открывается анализом вопроса о происхождении русских и заканчивается призывом трех князей-варягов⁵⁵, В.Н. Татищева (в первом томе «Истории Российской с самых древнейших времен» рассмотрена история народов, населявших в

---

⁵¹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Изд. 7-е. Пг., Киев, Типография Н.Я. Оглоблина, 1915. С. 14.

⁵² *Щавелев С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980): актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Ученого совета. Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. С. 18.

⁵³ *Карнов С.П.* О варягах, юбилеях и нашем образовании... // Родина. 2012. № 9. С. 6.

⁵⁴ *Шлецер А.Л.* Нестор. Пер. с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. С. нд-не, 295, 325, 419–420, 422, прим. * к с. 368; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 55–58, 60, 93, 165; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Голос, 1993. С. 91; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. Т. 13–14. М.: Голос, 1997. С. 10.

⁵⁵ [*Манкиев А.И.*] Ядро российской истории. СПб., 1791. С. 1–29.

прошлом Восточную Европу, при этом лишь 31 и 32 главы посвящены проблеме выяснения этноса варягов⁵⁶, М.В. Ломоносова (первая часть «Древней Российской истории», насчитывающая десять глав, отведена времени «О России прежде Рурика»). При этом историк видел в этом князе не основателя государства, а основателя «самодержавства», и тем самым относил начало русской государственности ко времени ранее 862 г.)⁵⁷.

Согласно Эверсу, в доваряжский период у восточных славян существовали протогосударственные образования (они уже тогда имели верховных правителей, в связи с чем, резюмировал историк, единое государство Рюрика было неважно и не заслуживает того, чтобы начинать с него русскую историю⁵⁸. Посредством своей родовой теории историк стремился определить такие предгосударственные формы, которые постепенно переросли в государство, и обосновать вывод, что процесс возникновения и развития Русского государства – закономерный, соответствующий общему ходу мировой истории.

Эверс о «Русской Правде»

Процесс развития родовой организации Эверс рассматривал в том числе и на примере формирования русского права, при этом указывая на «Русскую Правду» как на систему правовых норм, которая предполагала бытование так называемого «народного права» и возникновение в процессе его эволюции основ частного права⁵⁹. Правовые нормы, полагал исследователь, являются результатом естественного развития общества, т.к. в процессе «естественного развития» родовые отношения отмирают, а вместо них укореняются государственные начала, которые закрепляются в письменных законах. Следовательно, эти нормы, которые складывались постепенно и основным источником которых был «национальный»

---

⁵⁶ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.–Л.: Наука, 1962.

⁵⁷ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6 / Научные редакторы А.Н.Сахаров, В.В.Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., СПб.: Наука, 2011. С. 99–130, 131.

⁵⁸ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 83.

⁵⁹ *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Перевод с нем. И. Платонова. СПб.: Печатано в Типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. С. 87.

обычай, являются, как он подчеркивал в 1816 г. в «Истории руссов», «главнейшим источником познания внутреннего состояния народов»⁶⁰.

Стремясь с этой целью задействовать «Русскую Правду», Эверс убедился в несостоятельности тезиса о ее привнесении на Русь извне, который выдвинул в 1750-х гг. Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Доказывая скандинавское происхождение норм «Русской Правды», академик утверждал, что россы «были народ германской», что их законы наилучшим образом согласуются с законами шведов и что они были принесены не имеющим их восточным славянам. Вслед за ним А.Л. Шлецер говорил, что «шведские и датские законы» имеют сходство с древними русскими законами – «Русской Правды», которые были даны новгородцам Ярославом Мудрым. Вслед уже за Шлецером Н.М. Карамзин утверждал, что норманны принесли общие гражданские законы, согласные во всем с древними законами скандинавов⁶¹.

Однако Эверс показал, что «Русская Правда» «есть самый древнейший законодательный памятник» (ее уставы «восходят к глубочайшей древности», о происхождении которых в других государствах едва можно гадать), причем она на два столетия старше датского права (с которым норманисты проводили сравнение): «ютские законы введены уже в 1240 году Вольдемаром II, итак 223 года спустя после «Правды» и посему не могли служить оной основанием» (само же «разительное их сходство» объяснял предположением, что у них был общий источник – германское право)⁶².

Норманист А.Ф. Федотов в 1839 г. подчеркнул, что многие возражения Эверса Г.З. Байеру, Ю. Тунману и А.Л. Шлецеру изложены на основании правил самой строгой критики, в связи с чем некоторые положения поборников скандинавства руси абсолютно теряют свою доказательную

---

⁶⁰ *Ewers G.* Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Erste Teil. Dorpat, 1816. Vorrede.

⁶¹ *Штрубе Ф.Г.* Рассуждения о древних россиянах. Перевод Л.Павловского. М., 1791. С. 120–125; *Шлецер А.Л.* Нестор. Пер. с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. С. 324; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 57, 165.

⁶² *Ewers G.* Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga u. Leipzig, 1808. С. 147–148; *Ewers G.* Über die Quelle der Jaroslawischen Prawda // *Mitauschen N. Wöch. Untern.* 1808. Bd. 1. С. 132–135; Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 91–93; *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Перевод с нем. И. Платонова. СПб.: Печатано в Типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. С. 300–317.

силу: «Напр. кто примет теперь в число доказательств сходство Правды Ярослава с законами скандинавскими...?»⁶³.

Действительно, тогда этот «аргумент» по сути исчез из науки (его использовал, с целью доказательства существования в 862–1054 гг. «норманского периода русской истории», видимо, один только М.П. Погодин⁶⁴, по оценке В.А. Мошина, «наиболее выразительный представитель ультра-норманизма»⁶⁵).

Но сегодня предпринимаются попытки вновь придать ему научный вес. Так, Р.Г. Скрынников связывает «Русскую Правду» со скандинавским севером, а в действиях Владимира находит следы «скандинавского семейного права»⁶⁶. Л.С. Клейн утверждает, что норманны насадили часть своих обычаев в государственном управлении, праве и культуре славян, и, сравнивая нормы «Русской Правды» со скандинавскими законами, считает некоторые из них аналогичными⁶⁷. Впрочем, как обстоятельно доказал Эверс, рассматривая такие аналогии, сходство не есть тождество, что, к сожалению, не учитывается при сопоставлении русских и скандинавских памятников.

Выводы

Научные изыскания Густава Эверса по истории и праву Руси могут быть охарактеризованы как начало качественно нового этапа в развитии исторических знаний в России. Этот вывод усиливает еще одно важное заключение ученого, позволившее вновь направить изучение русского летописания по истинному пути, с которого его повернул Шлецер. Полагая, что ПВЛ была испорчена позднейшими малограмотными переписчиками, он провозгласил задачу восстановления «чистого» Нестора⁶⁸. Как конста-

---

⁶³ Федотов А.Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. М.: В университетской типографии, 1839. С. 42, прим.*

⁶⁴ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. Т. 3. М.: императорское Московское общество истории и древностей российских, 1846. С. 359–360, 367, 378–382, 386.

⁶⁵ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий. М.: Русская панорама, 2010. С. 33.

⁶⁶ Скрынников Р.Г. Русь IX–XVII века. СПб.: Питер, 1999. С. 52, 62, 71.

⁶⁷ Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. С. 77, 226.

⁶⁸ Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небывлицы о русской истории. М.: Русская панорама, 2015. С. 324–326, 330; Шлецер А.Л. Нестор.

тировал в 1940 г. известный летописевед М.Д. Приселков, «если теперь мы только с улыбкою читаем всю самоуверенные и напыщенные рассуждения Шлецера, на основе которых с величайшим произволом он “очищал” Нестора, то для того времени многим были неясны ошибки и методы Шлецера и подавлял его европейский авторитет»⁶⁹.

Но, опять не убоившись авторитета Шлецера, перед которым тогда благоговела вся наша наука, Эверс в 1814 г. указал (а до него это делали В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, И.Н. Болтин) на сводческий характер русских летописей, вобравших в себя разнообразные памятники, подчеркнув при этом, что восстановление «истинного Нестора» остается весьма сомнительным⁷⁰. Столь принципиально важный вывод положил начало процессу выделения из состава ПВЛ ее источников, следовательно, подлинно научной разработке проблем летописеведения (вместе с тем и пониманию правоты заключения Татищева о тенденциозности летописцев, писавших «по страсти, любви или ненависти»⁷¹, что подняло изучение русских древностей на качественно новый уровень.

© Фомин В.В., Исакова Л.В., 2018

Рукопись поступила в редакцию 2 августа 2017 г.

Для цитирования: *Фомин В.В., Исакова Л.В.* Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 151–174. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-151-174.

Пер. с немецкого Д. Языкова. Ч. 1. СПб.: В императорской типографии, 1809. С. 2–7, VII, XIV, XVI–XXII, XXVI–XXVII, XXIX–XXX, XXXII–XXXIII, XXXVII, лв-лг, мө, п-пи, ркз-рки, рлг-рлд, 14, 21–22, 35, 37–38, 106–107, 149, 276, 394–416.

⁶⁹ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 43.

⁷⁰ Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. Перевод с немецкого. М. Погодина. Кн. 1–2. М.: Московское общество любителей истории и древностей российских, 1826. С. 249–255.

⁷¹ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.–Л.: Наука, 1962. С. 81.

**GUSTAV EWERS' CONTRIBUTION
TO THE STUDY OF THE INITIAL PERIOD
OF ANCIENT RUS' HISTORY**

Vyacheslav V. Fomin^a, Lubov V. Isakova^b

^aLipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan
42 Lenina St., Lipetsk, 398020 Russia
vfominv@mail.ru

^bLobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas Branch;
36 K. Marx St., Arzamas, Nizhniy Novgorod region, 607220 Russia
isakowa88@yandex.ru

The authors analyze the views of G. Ewers (1871–1830) on the history and the law of Ancient Rus'. Ewers' main achievement is the criticism of the Norman theory. The article includes the characteristics of the following arguments: the inconsistency of the Swedish etymology of the word «Rus'»; the fallacy of the origination of the ancient Russian law out of the Scandinavian law. The basis of Ewers' concept is the patrimonial theory. It reveals the natural course of the emergence of a state of Eastern Slavs. The scientist formulated the Khazar theory instead of the Norman theory. Ewers attributed the origin of Rus' to the Northern Black Sea region. He believed that a large role in the formation of the Pontic Rus' was played by the Khazar ethnos. Ewers also made a significant contribution to the study of the Russian Chronicles. He denounced Schloezer's methodology, demonstrated the composite character of the Russian Chronicles. The authors show that Ewers' ideas were highly appreciated by his contemporaries. Ewers' criticism meant the end of the first wave of normanism. His insights remain important for the contemporary historiography against the background of the attempts of the resurgence of normanism.

Keywords: Gustav Ewers, normanism, antinormanism, patrimonial theory, Khazar theory, Pontic Rus'

REFERENCES

- Baier, G.Z. "O varyagakh." [About the Varangians]. In Fomin, V.V. *Lomonosov: Genii russkoi istorii*, 344–361. Moscow: Russkaya panorama, 2006 (in Russian).
- Bestuzhev-Ryumin, K.N. *Russkaya istoriya*. Vol. 1. St. Petersburg: tipografiya A. Transheliya, 1872 (in Russian).
- Brusilov, N. "Istoricheskoe rassuzhdenie o nachale russkogo gosudarstva." [Historical reasoning about the beginning of the Russian state]. *Vestnik Evropy*, no. 4 (1811): 285–306 (in Russian).

- Evers, I.F.G. *Drevneishee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii*. Vol. 22. St. Petersburg, 1835 (in Russian).
- Ewers, G. *Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen*. Dorpat, 1816.
- “Über die Quelle der Jaroslawischen Prawda.” *Mitauschen N. Wöch. Untern* no. 1 (1808): 132–135.
- *Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer*. Dorpat: M.G. Grenzius, 1810.
- *Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen*. Riga and Leipzig, 1808.
- Fedotov, A.F. *O glavneishikh trudakh po chasti kriticheskoi russkoi istorii* [About the most important works on critical Russian history]. Moscow, 1839 (in Russian).
- Fomin, V.V. “Fal’sifikatsii sovremennogo normanzizma.” [Falsification of modern normality] In *Rossiiskaya gosudarstvennost’ v litsakh i sud’bakh ee sozidatelei*, 265–283. Lipetsk: LGPU, 2013 (in Russian).
- *Nachal’naya istoriya Rusi. Uchebnoe posobie*. Moscow: Russkaya panorama, 2008 (in Russian).
- Gadlo, A.V. “Problema Priazovskoi Rusi kak tema russkoi istoriografii (Istoriya idei).” [The problem of Priazovsky Russia as a theme of Russian historiography (History of ideas)] *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, no. 4 (2002): 14–39 (in Russian).
- Gedeonov, S.A. *Varyagi i Rus’*. Vol. 1, 2nd ed. Moscow: Russkaya panorama, 2004 (in Russian).
- Ger’e, V.I. *Leibnits i ego vek. Otnosheniya Leibnitsa k Rossii i Petru Velikomuu po neizdannym bumagam Leibnitsa v Gannoverskoi biblioteke*. St. Petersburg, 1871 (in Russian).
- Iordan. *O proisхоzhdenii i deyaniyakh getov (Getica)*. St. Petersburg: Aleteiya, 1997 (in Russian).
- Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).
- Karpov, S.P. “O varyagakh, yubileyakh i nashem obrazovanii.” [About Varangians, Jubilees and Our Education]. *Rodina*, no. 9 (2012): 6–10 (in Russian).
- Klein, L.S. *Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon*. St. Petersburg: Evraziya, 2009 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. “I.N. Boltin.” In *Sochineniya v vos’mi tomakh*, 130–163. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1959 (in Russian).
- Latvakangas, A. *Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige fren runinskrifter till enhetlig historisk tolkning*. Turku, 1995
- Lelevel’, I. “Rassmotrenie Istории gosudarstva rossiiskogo Karamzina.” [Consideration of the History of the Russian Karamzin State]. *Severnyi arkhiv* 9, no. 3 (1824): 163–170; 11, no. 15 (1824): 138–140; 12, no. 19 (1824): 50–51 (in Russian).
- Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochineniy*. Vol. 6, 2nd ed. Moscow; St. Petersburg, 2011 (in Russian).
- Leppik, L. *Rektor Ewers*. Tartu: Eesti Ajalooarhiv, 2001.

- Machinskii, D.A. “Nekotorye predposylki, dvizhushchie sily i istoriche-skii kontekst slozheniya russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v.” [Some prerequisites, driving forces and historical context of the addition of the Russian state in the middle of the 8th – the mid-11th] In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta*, 460–538. Vol. 49 of *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2009 (in Russian).
- Mankiev, A.I. *Yadro rossiiskoi istorii*. St. Petersburg, 1791 (in Russian).
- Mel’nikova, E.A. “Varyazhskaya dolya.” *Rodina*, no. 11–12 (2002): 30–32 (in Russian).
- Moshin, V.A. “Varyago-russkii vopros.” [The Varyag-Russian question]. In *Varyago-russkii vopros v istoriografii*, 11–102. Moscow: Russkaya panorama, 2010 (in Russian).
- Naumova, G.R., Shiklo, A.E. *Istoriografiya istorii Rossii*. 2nd ed. Moscow: Akademiya, 2009 (in Russian).
- O zhilishchakh drevneishikh russov. Sochinenie g-na N. i kriticheskii razbor onogo*. Translated by M.P. Pogodin. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1826 (in Russian).
- Pashkov, S.V. “Otnoshenie normanista M.P. Pogodina k trudam antinormanistov.” [The ratio of the Normanist M.P. Pogodin to the works of antinormanists] *Voprosy istorii*, no. 7 (2015): 147–154 (in Russian).
- “Razbor normanistom M.P. Pogodinym vzglyadov antinormanista I.F.G. Eversa na varyago-russkii vopros.” [Analysis of the Norman MP. Pogodin views of the antinormanist IFG. Evers on the Varangian-Russian question] *Aktual’nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika*, 160–169. Issue 2. Moscow: MANPO, 2015 (in Russian).
- Pogodin, M.P. “G. Gedeonov i ego sistema o proiskhozhdenii varyagov i rusi.” [G. Gedeonov and his system on the origin of the Varangians and Rus]. In *Skandinavmaniya i ee nebylitsy o russkoi istorii*, 175–237. Moscow: Russkaya panorama; 2015 (in Russian).
- *Issledovaniya, zamechaniya i lektsii o russkoi istorii. Normanskii period*. Vol. 3. Moscow, 1846 (in Russian).
- “Moe predstavlenie istoriografu.” [Moe predstavlenie istoriografu] *Russkii arkhiv*, no. 11–12 (1866): 1766–1770 (in Russian).
- Predvaritel’nye kriticheskie issledovaniya Gustava Eversa dlya Rossiiskoi istorii*. Translated by M. Pogodin. 1–2 books. Moscow: Moskovskoe obshchestvo lyubitelei istorii i drevnostei rossiiskikh: 1826 (in Russian).
- Priselkov, M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996 (in Russian).
- Rozenkampf, G. “Ob”yasnenie nekotorykh mest v Nestorovoi letopisi v ras-suzhdenii voprosa o proiskhozhdenii drevnikh russov.” [An explanation of some places in the Nestorovo chronicle in the discussion of the origin of the ancient Rus], 139–166. Bk. 1, part 4 of *Chteniya v obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh*. Moscow, 1839 (in Russian).
- Savel’ev-Rostislavich, N.V. “Varyazhskaya Rus’ po Nestoru i chuzhezemnym pisatelyam.” [Varangian Rus according to Nestor and foreign writers] In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, part 48 (1845): 1–64 (in Russian).

- Sazonov, N. “Ob istoricheskikh trudakh i zaslugakh Millera.” [About the historical works and merits of Miller] *Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta*, no. 2 (1835): диапазон страниц (in Russian).
- Schlözer, A.L. *Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib Feiern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt*. Vol. 5. Göttingen: von Vandenhoeck und Ruprecht, 1809.
- Scholz, B. “Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaft. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie.” *Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. Reihe Forschungen zum Ostseeraum*. Bd. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000.
- Scholz, B. “Russische Geschichte an der Petersburger Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts.” *Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B. & Brohm S. (Hrsg.). Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte*. Berlin, 2001.
- Senkovskii, O.I. “O proiskhozhdenii imeni russov.” [On the origin of the name of the Russians] In *Sobranie sochinenii Senkovskago (barona Brambeusa)*, 149–168. Vol. 6. St. Petersburg, 1859 (in Russian).
- Shchhavelev, S.P. *1150: yubilei rossiiskoi gosudarstvennosti*. Kursk, 2012 (in Russian).
- Shevtsov V.I. “Gustav Evers i ego mesto v russkoi istoriografii.” [Gustav Evers and his place in Russian historiography] PhD thesis, Dnepropetrovskii gosudarstvennyi universitet, 1970 (in Russian).
- “G. Evers i razvitie russkoi istoricheskoi nauki v XVIII – nachale XIX v. v nemetskoj istoriografii.” [G. Evers and the development of Russian historical science in the XVII – early XX century. in German historiography] In *Issledovaniya po germano-slavyanskim otnosheniyam*, 30–42. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian).
- “Gustav Evers i russkaya istoriografiya.” [Gustav Evers and Russian historiography] *Voprosy istorii*, no. 3 (1975): 55–70 (in Russian).
- “Voprosy istorii russkogo prava v osveshchenii G. Eversa.” [Questions of the history of Russian law in the coverage of G. Evers] *Pravovye idei i gosudarstvennye uchrezhdeniya (istoriko-yuridicheskie issledovaniya)*. 70–84. Sverdlovsk: UrGU, 1980 (in Russian).
- Schevzov, W.I. “Die Sippen Theorie bei Gustav Ewers. ” In *Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiewer Rus’ bis zur Oktoberrevolution*, 163–180. Berlin, 1976.
- Shiklo A.E. “Kriticheskoe napravlenie v otechestvennoi istoriografii 20–40-kh gg. XIX v. I.F.G. Evers. N.A. Polevoi. M.T. Kachenovskii.” [Critical direction in the domestic historiography of the 20–40-ies. XIX century. I.P.G. Evers. ON. Field. M.T. Kachenovsky] In *Istoriografiya Rossii do 1917 g.*, 222–231. Vol. 1. Moscow: Izdatel’skii tsentr VLADOS, 2003 (in Russian).
- Shiklo, A.E. “On zastavil dumat’ nad russkoyu istorieyu: Iogann Filipp Gustav Evers.” [He forced to think over Russian history: Johann Philippe Gustav Evers] *Istoriki Rossii XVIII – nach. XX vv.*, 124–136. Moscow: Skriptorii, 1996.
- Shletser, A.L. “Nestor.” *Russkie letopisi na drevleslavyanskom yazyke, sli-chennyye, perevedennyye i ob’yasnennyye A.L. Shletserom*. Vol. 1. St. Petersburg: V Imperatorskoi tipografii, 1809 (in Russian).

- “Opyt izucheniya russkikh letopisei.” [The experience of studying Russian chronicles] *Skandinavomaniya i ee nebylitsy o russkoi istorii*, 26–81. Moscow: Russkaya panorama, 2015 (in Russian).
- Shtрубе de Pirmont, F.G. *Rassuzhdeniya o drevnikh rossiyanakh*. Moscow, 1791 (in Russian).
- Skrynnikov, R.G. *Rus' IX–XVII veka*. St. Petersburg: Piter, 1999 (in Russian).
- Sokolov, S.V. *Kontseptsii proiskhozhdeniya «varyazhskoi rusi» v otechestvennoi istoriografii XVIII–XIX vv. v kontekste evropeiskikh idei rannego novogo vremeni*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2015 (in Russian).
- Solov'ev, S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*. Bk. 1, vol 1–2. Moscow: Golos, 1993 (in Russian).
- *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen*. Bk. 7, vol. 13–14. Moscow: Golos, 1997 (in Russian).
- Sreznevskii, II. *Mysli ob istorii russkogo yazyka*. St. Petersburg, 1850 (in Russian).
- Tatishchev, V.N. *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962 (in Russian).
- Umbrashko, K.B. “Istorizm v russkoi istoriografii pervoi poloviny XIX veka.” [Historism in Russian Historiography of the First Half of the 19th Century] *Interekspo Geo-Sibir'* 6 (2011): 266–270 (in Russian).
- “Filosofsko-metodologicheskie poiski evropeiskikh i russkikh istorikov XVIII – pervoi poloviny XIX vv.” [Philosophical and methodological searches of European and Russian historians of the 18th – first half of the 19th] *Filosofiya obrazovaniya* 38, no. 5 (2011): 99–100 (in Russian).
- Vashchenko, E.D. “*Khazarская проблема*” v *otchestvennoi istoriografii XVIII–XX vv*. St. Petersburg, 2006 (in Russian).
- Vladimirkii-Budanov, M.F. *Obzor istorii russkogo prava*. Petrograd; Kiev: Tipografiya Ogloblina, 1915 (in Russian).
- Voigt, G. *Russland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843–1945*. Berlin, 1994.
- Zelenov, M.V. “Iogann Filipp Gustav Evers.” In *Istoriki Rossii XVIII–XX vv.* [Historians of Russia of the 18th – 20th centuries], 81–85. Issue 1. Moscow: Arkhivno-informatsionnoe agentstvo, 1995 (in Russian).
- “Iogann Filipp Gustav Evers.” *Istoriki Rossii: biografii*, 116–121. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2001 (in Russian).
- Zeil, W. *Slawistik in Deutschland*. Böhlau, 1994.

Submitted: 2 August 2017

For citation: Fomin, Vyacheslav V., and Isakova Lubov V. “Gustav Ewers’ contribution to the study of the initial period of Ancient Rus’ history.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 151–174. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-151-174.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ В БЕЛОМ КРЫМУ В 1920 Г.

В.Ж. Цветков

Московский педагогический государственный университет
115571 Россия, Москва, Пр. Вернадского, 88
tsvetcov@rambler.ru

Статья посвящена изучению особенностей формирования и эволюции судебной системы в период деятельности Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в Крыму в 1920 г. Показаны особенности репрессивной системы в рассматриваемый период, дан анализ деятельности органов прокуратуры на заключительном этапе существования Белого движения на Юге России в период Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что Генералу Врангелю и Правительству Юга России во главе с бывшим царским министром Александром Васильевичем Кривошеиным удалось усилить роль Правительствующего Сената, поднять значение прокурорского надзора, восстановить деятельность мировых судов. Военно-полевые суды получили правовые ограничения, объявлялись амнистии бойцам Красной Армии. Однако полностью преодолеть господства военной юстиции над гражданской, добиться существенных перемен в политико-правовой системе в условиях продолжавшейся Гражданской войны не удалось. Это стало одной из причин слабости белого тыла и неудач южнорусского Белого движения.

Ключевые слова: Белое движение, репрессивная система, судебная система, прокуратура, генерал П.Н. Врангель

Введение

При изучении истории Гражданской войны в России, противостояния «красных» и «белых» следует обратить особое внимание на борьбу двух военно-политических систем, каждая из которых стремилась к подавлению своего противника. В этом отношении важное значение приобретают исследования, связанные с вопросами формирования и эволюции судебной системы в российском Белом движении. В белом Крыму, на завер-

шающем этапе Гражданской войны судебная система претерпела заметные изменения по сравнению с предшествующими периодами. В статье рассматриваются особенности организации судебной системы, специфика осуществления репрессий на территории Крыма в период существования Правительства Юга России весной–осенью 1920 г.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии проблематика эволюции судебно-правовой системы Белого движения на Юге России в 1917–1920 гг. не стала еще предметом специального монографического исследования. Репрессивная же политика белых в Крыму в 1920 г. рассматривалась, как правило, в контексте изучения общей репрессивной политики антибольшевистских правительств в 1917–1922 гг. О данных проблемах писали А.Л. Литвин¹, Г. Н. Петров², В.П. Булдаков³, А.В. Лубков⁴. Отсутствие контролирующих начал со стороны белой власти рассматривалось в качестве причины эскалации репрессий, многие из которых проводились как следствие так называемого «стихийного садизма». Проблемы функционирования белой власти в Крыму, в том числе и организация судебных и внесудебных репрессий, рассматривались, в частности, известным историком Белого движения С.В. Карпенко⁵.

В зарубежной историографии тема белой юстиции специально не рассматривалась, но она затрагивалась в контексте общих исследований по истории южнорусского Белого движения. П. Кенез считал правонарушения, допускаясь в белом тылу, серьезным фактором, влиявшим на отношение местного населения к белой власти, причиной роста недоверия к политике деникинского правительства. Врангелевское правительство, по его мнению, не смогло полностью изжить недостатки правовой системы⁶. Иной точки зрения придерживается Э. Кронер, убежденный в том, что генерал Врангель имел серьезные намерения к переустройству силовых

¹ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1995.

² Петров Г.Н. Диалектика соотношения «красного», «белого» террора и террора интервентов в годы Гражданской войны в России (1917–1920 гг.). М.: МГТУ МИРЭА, 2000.

³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2007; Карпенко С.В. Врангель: Последний Главком. М.: РОССПЭН, 2006.

⁴ Цветков В.Ж., Лубков А.В. Белое движение в России – его программа и вожди. М., 2003

⁵ Карпенко С.В. Врангель: Последний Главком. М., 2006.

⁶ Кенез П. Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918 / Пер. с англ. К.А. Никифорова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; Его же: Подлинная история Добровольческой армии. 1917–1918 гг. М.: Алгоритм, 2017.

структур, введению их в рамки законности, хотя многого в этом направлении ему не удалось изменить⁷.

Однако в историографии недостаточно внимания уделяется системе законодательных актов, на основе которых функционировала судебная «власть», и законопроектам репрессивного плана.

Преобразования в гражданской юстиции

Как и во все предшествующие периоды Белого движения, в 1920 г. идеи «борьбы за восстановление законности и правопорядка» не уступали своего приоритетного значения в общей политической программе, принятой Правительством Юга России генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. В этом отношении показательна деятельность Управления юстиции, а также Правительствующего Сената, судебных структур гражданской и военной юстиции.

Развернутый план деятельности Управления юстиции был дан в интервью главы ведомства, сенатора Н.Н. Таганцева 25 сентября 1920 г. Отмечалось, что «ограниченная» в условиях небольшой территории работа органов юстиции «будет разрастаться и углубляться по мере расширения занимаемой нами территории». Поскольку главной задачей ведомства по-прежнему считалось «укрепление в народе здорового правосознания и введения строгой законности во все стороны жизни», наиболее эффективным способом достижения этого признавалось «приближение Суда к народу». В этом плане наибольшие перспективы были у мировых судов, развитие которых было задачей многих белых правительств. Предполагалось, во-первых, «увеличить число мировых судей по приблизительному подсчету – один судья на волость», хотя Управление полагало, что «в этом отношении ему придется столкнуться с недостатком людей, так как большого числа вполне подготовленных судей налицо не имеется». Выборы мировых судей заменялись назначением «из центра» ввиду «невозможности выборов».

Во избежание длительного отсутствия местной гражданской юстиции специальный Уполномоченный управления при Штабе Главкома Русской армии следил, чтобы в занимаемых войсками районах незамедлительно восстанавливались следственные и мировые участки. Туда направлялись «соответствующие лица из числа ранее там работавших, или же из штатного резерва Управления».

---

⁷ Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М.: РОССПЭН, 2011.

Таким образом, развитие системы мировых судов, как «наиболее близких к народу», вполне вписывалось в провозглашенный в Крыму в 1920 г. курс «левой политики» и одновременно с созданием земельных советов и волостного земства призвано было укрепить доверие населения к власти, создать ей «опору снизу».

Предполагалось дальнейшее расширение подсудности мировых судов. В частности, мировым судам в 1920 г. уже были переданы функции административных судов, введенных Временным правительством, и они должны были регулировать проблемы, возникавшие между местными органами самоуправления и администрацией. Кроме того, им передавалось рассмотрение исков по делам до 500 тыс. рублей (влияние инфляции в годы гражданской войны), «о праве собственности на наделные земли» и, согласно постановлению Совета при Главнокомандующем от 9 июля 1920 г., рассмотрение совершенных краж. Мировые судьи и представители прокурорского надзора получали право принимать «от всех желающих разнообразные жалобы и направлять эти жалобы куда следует». Разрешением дел мировой юстиции занималось даже Кассационное отделение Правительствующего Сената в Ялте⁸.

Специфика работы Судебной палаты и Окружного суда в Крыму в 1920 г. заключалась в существенно возросшей нагрузке на канцелярию старшего нотариуса, обязанную регистрировать сделки по переходу права собственности на землю. Росли требования и к административному отделению Окружного суда, занимавшемуся делами, предусмотренными положениями о новых земских учреждениях и вопросами регистрации различных обществ и организаций⁹.

В развитие пожеланий Таганцева П.Н. Врангель 26 октября издал приказ № 193, в котором обосновал необходимость совершенствования мирового судопроизводства. В нем, в частности, говорилось: «При существующем ныне расстройстве транспорта обращение к судебной власти сопряжено для сельского населения с весьма значительными затруднениями, и лица, потерпевшие личную обиду или понесшие убыток, предпочитают иногда вовсе отказываться от судебной защиты своих прав, к явному ущербу для достоинства государственной власти. Необходимо поэтому создать такие условия общественной жизни, чтобы население находило у себя на месте, в пределах своей волости, правомерную защиту против преступных посягательств и законное разрешение споров о праве гражданском».

---

⁸ Военный голос. Севастополь. № 147. 4 октября 1920 г.

⁹ Там же.

Главком, «придавая правильной постановке судебного дела перво-степенное значение», приказывал увеличить количество мировых судей из расчета по одному судье на волость, обеспечить постоянное проживание мировых судей в волости и пересмотреть границы мировых участков¹⁰.

Функции Правительствующего Сената

Как уже отмечалось, по мере утверждения власти генерала Врангеля в белом Крыму усиливался статус Правительствующего Сената. Сенат санкционировал вступление в должность генерала Врангеля и определил пределы его полномочий. Обер-прокурором 1-го Департамента был назначен бывший глава управления юстиции Особого Сопещения, опытный юрист В.Н. Челишев, а товарищем обер-прокурора – уже занимавший эту должность ранее сенатор М.П. Стремоухов. 27 июня 1920 г. был опубликован Указ Правительствующего Сената, разъяснявший существо положений земельной реформы. В полном соответствии с порядком и формой рассмотрения законодательных предположений, обер-прокурором 1-го департамента были представлены законодательные акты: приказ генерала Врангеля «О земле»; Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев и Временное Положение о земельных учреждениях.

Одобрение Сената было для земельной реформы тем более важно, что оно затрагивало серьезные гражданско-правовые моменты, связанные со сменой частных владельцев.

Рассмотрев предложенные акты, Сенат «приказал» 1-му Департаменту «признать подлежащими обнародованию» все.

Показательно, что проведение реформы происходило именно по этому отделению Сената, а не по 2-му Департаменту, традиционно считавшемуся «крестьянским» в разрешении актов по землеустройству. В Указе Сената отмечалось: «Ныне закон этот будет проводиться в жизнь, и Правительствующий Сенат, неизменно стоя на страже порядка и законности, почитает для себя должным отметить значение этого акта в деле государственного устройства нашей Родины... Приказ Правительства, облеченного всей полнотой власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель... Отныне в деревне

---

¹⁰ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт на Майне: Посев, 1982. С. 227–228.

должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а самый закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшим контролем Правительства и Главнокомандующего. Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться мощь России... А посему Правительствующий Сенат в общем собрании всех Департаментов определяет: о точном и неуклонном исполнении всеми приказа от 25 мая сего года предписать всем подчиненным местам и лицам и объявить во всеобщее сведение»¹¹. Указ был подписан обер-секретарем П. Мезенцевым, контра-сигнован помощником обер-секретаря В. Белинским и вступил в законную силу по всей общепринятой форме.

Сенат, размещавшийся в Ялте, продолжал выполнять государственные задачи по соблюдению законности и правопорядка. Состав сенаторов не изменился по сравнению с 1919 г. Однако и в Крыму не обходилось без трений между различными властными структурами. В качестве примера Челищев приводит утверждение на пост сенатора начальника Особого отдела штаба Главнокомандующего генерал-лейтенанта Е.К. Климовича.

Бывший директор департамента полиции, в 1920 г. прибывший в Крым из Белграда, опытный следователь, Климович сумел поставить дело политического сыска на высокопрофессиональный уровень, за что был назначен сенатором 1-го Департамента при Государе Императоре. Правда, это назначение прошло с нарушением действовавшего в то время законодательства, поскольку по «Учреждению Сената» назначаться в Сенат могли «лишь особы 3-го класса», тогда как Климович в момент назначения был генерал-майором.

В 1917 г., после прихода к власти Временного правительства, он был лишен звания сенатора, а в 1920 г., находясь в Крыму, подал прошение на имя Врангеля, ходатайствуя о своем восстановлении в составе Сената. Прошение рассматривалось на Общем Собрании, в ходе которого Челищев указал как на нарушение процессуального порядка (прошение было передано Климовичем через одного из сенаторов), так и на невозможность рассмотрения Сенатом данной конкретной просьбы, поскольку Сенат мог дать только общее заключение, без персональных указаний, что являлось бы соблюдением правовой беспристрастности. Исходя из данной ситуации, Челищев предложил сделать следующее заключение: «Подлежит ли обжалованию Указ Временного правительства об увольнении от должности сенатора 1-го Департамента, состоявшееся до введения в действие

---

¹¹ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 253–254.

Учреждения Сената 1917 г. Такой вопрос разрешается отрицательно, ибо Временное правительство, издавая данный указ, действовало как орган Верховной власти, не только фактически являясь таковой в порядке революционного творчества, но и юридически, в силу преемственности власти, закрепленной рядом юридических актов: Манифеста Императора Николая II об отречении от Престола за себя и за сына Алексея, Манифеста Михаила Александровича об его отречении с передачей Верховной власти Временному правительству впредь до созыва Учредительного Собрания и установления им порядка и форм государственного строя России. Верховная власть Временного правительства была принята, между прочим, Правительствующим Сенатом, принявшим к исполнению и Указ Временного правительства об увольнении генерала Климовича от должности сенатора. Таким образом, никакому обжалованию Указы Временного правительства, как акты верховной власти, подлежать не могут»¹².

Разъяснение Челищева поддержали сенаторы Гражданского и Кассационного департаментов. Общее собрание в итоге приняло постановление о невозможности обжалования принятых в 1917 г. решений, а в ответе генералу Климовичу указывалось лишь на крайне несовершенную природу нормотворчества периода Временного правительства, которое тем не менее приходилось признавать.

Высшие кассационные и санкционирующие функции сосредоточивались у Правительствующего Сената. Однако не меньшее значение для функционирования системы управления в Крыму имело создание контрольных инстанций, для чего приказом № 3625 от 12 сентября 1920 г. была создана Высшая Комиссия Правительственного надзора Юга России, принимавшая «прошения, жалобы и заявления» от жителей Крыма. Комиссия получала право осуществлять наблюдение за исполнением тех или иных правительственных постановлений и распоряжений местной администрации¹³.

Реорганизация военной юстиции

Наряду с преобразованиями в гражданской юстиции важнейшим направлением правовых реформ признавалась реорганизация военной юстиции. Здесь перемены были крайне необходимы, учитывая тот факт, что накануне вступления Врангеля в должность Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (далее – Главкома ВСЮР) в Крыму происходили

---

¹² ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д.1. Лл. 431-434.

¹³ Военный голос. Севастополь. № 157. 16 октября 1920 г.

серьезные нарушения законности именно органами военной юстиции. Военно-полевые суды фактически принимали на себя всю ответственность за совершение правосудия как в прифронтовой полосе, так и в тылу. Законодательно же военно-полевые суды могли учреждаться «лишь в крайних случаях, когда учиненное преступление совершенно очевидно, не требует никакого расследования и по характеру своему вызывает необходимость в безотлагательной и примерной репрессии». Поэтому в военно-полевых судах практически отсутствовали следственные функции и адвокатура, а их созыв не мог носить регулярного характера.

Между тем корпусные суды (аналог окружным судам гражданской юстиции), работавшие на постоянной основе и состоявшие, по свидетельству автора брошюры «Правосудие в войсках генерала Врангеля», «из опытных военных и гражданских юристов, действовавшие с соблюдением всех гарантий правосудия (состязательный порядок, гласность и пр.)», практически не участвовали в совершении судебных функций. Военские начальники предпочитали передавать дела на рассмотрение военно-полевых судов, которые полностью зависели от воли назначившего их строевого командира и, следовательно, говорить об «объективности» выносимых ими решений не приходилось¹⁴.

Стремясь наладить должный правовой порядок, Врангель приказом № 2994 от 6 апреля 1920 г. отменил «исключительное право Военного и Морского начальства на возбуждение уголовного преследования против военнослужащих». Тем самым был отменен приказ Главкома ВСЮР № 1812 от 23 июля 1919 г. Была отменена т.н. «административная гарантия» и заявлялось о возвращении к дореволюционным правовым нормам Свода военных постановлений 1869 г. (Устав Военно-судебный, Военский Устав о наказаниях) с дополнениями, предусмотренными приказами по Военному ведомству за №№ 464, 724 1914 г. и №№ 220, 513, 650 1915 г. Этим восстанавливался прежний порядок военного судопроизводства, при котором «законными поводами для начатия дел» признавались уже не только «сообщения военного и морского начальства», но и «предложения военного и военно-морского прокуроров», «сообщения административных и судебных должностных лиц и мест», «жалобы и заявления со стороны как самих военнослужащих, так и «частных лиц». Тот же военный и военно-морской прокурорский надзор направлял обвинительный акт в военно-полевой суд, который и выносил окончательное решение. Но особо важным становилось теперь производство дознаний, проведение предварительных следственных действий, а не вынесение немедленных вердиктов.

---

¹⁴ А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 6–7.

Предварительное расследование становилось обязательным условием деятельности военной юстиции. В белом Крыму вводилась совершенно новая до того структура – Военно-судные комиссии (приказ № 3023 от 14 апреля 1920 г.), фактически заменявшие собой военно-полевые суды.

В дополнение к данному приказу было опубликовано «Положение о военно-судных комиссиях», утвержденное («за Главкомандующего») начальником штаба Главкома ВСЮР генерал-лейтенантом П.Н. Шатиловым и подписанное Начальником Военного и Морского Судного отдела генерал-лейтенантом И.А. Ронжиным, в ведении которого находилась деятельность всех военно-судных комиссий. «Положение» определяло состав (председатель, пять членов и делопроизводитель) и полномочия создаваемых комиссий. Членами комиссий должны были быть штаб- и обер-офицеры (двое из штаб- и трое из обер-офицеров), а председателем – штаб-офицер или генерал.

Отдельно указывалось, что «членами комиссии назначаются, по возможности, лица с высшим юридическим образованием», а делопроизводителем – «лицо обязательно с высшим юридическим образованием». Комиссия принимала дела и «по своему усмотрению», и «по сообщениям должностных лиц», и «по объявлениям и жалобам частных лиц».

Комиссия должна была расследовать дела, рассмотрение которых было ранее в традиционной компетенции военно-полевых судов («когда учинение преступного деяния и виновные в нем являются настолько очевидными, что нет надобности в дальнейшем расследовании»), а при вынесении решений – руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Если проведенные «дознание или расследование» не были произведены с должной полнотой, то и в этом случае комиссии могли назначать «дополнительное расследование». Приговоры военно-судных комиссий подлежали утверждению начальника гарнизона или коменданта крепости, а в случае несогласия последних с приговором передавались на рассмотрение корпусных и военно-окружных судов¹⁵.

Пределы власти комиссий распространялись на «территорию соответственного уезда или крепостного района». Комиссии должны были создаваться «в каждом уезде Таврической губернии, при начальниках гарнизонов, соответствующих уездных городов и при комендатурах крепостей Севастополь и Керчь. Таким образом, в отличие от военной юстиции 1919 г., основной низовой структурой становилась уже не отдельная воинская часть, а административно-территориальная единица. Это было оправдано

---

¹⁵ *А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 8.*

с точки зрения стабилизации фронта, отсутствия быстрого перемещения воинских частей, а также с позиции максимально возможного обеспечения правопорядка в той или иной местности, лишенной в силу тех или иных причин необходимых структур гражданской юстиции. Отдельным пунктом утверждалось: «Суду Комиссий за совершение преступлений, перечисленных в настоящем положении, подлежат как военнослужащие, так и гражданские лица»¹⁶.

В июле в Севастополе, несмотря на ограниченные типографские возможности, было издано специальное «Руководство для военно-судных комиссий, военно-полевых и полковых судов», составителями которого были полковник военно-судного ведомства Н. Несмелов и коллежский асессор Н. фон Ланг. В него вошли все приказы, а также руководящие статьи из Уголовного уложения и Воинского устава о наказаниях. Отдельно к Руководству прилагались образцы специальных типографских бланков для проведения заседаний военно-судных комиссий.

В предисловии к сборнику указывалось, что «учреждение военно-судных комиссий вызвано участвовавшими в последнее время разбоями, грабежами и кражами, которые, помешав победоносному движению вперед Русской Армии (имелись в виду военные неудачи 1919 г. – *В.Ц.*), могут препятствовать и теперь, озлобляя население и разлагая элементы Армии».

Военно-судным комиссиям полагалось ориентироваться на заявленные «основными принципами правопорядка» – «скорость и неизбежность уголовной репрессии». «Когда потерпевший будет видеть, что преступление не осталось безнаказанным, а виновный будет знать, что при существующем судебном аппарате (военно-судной комиссии) мало шансов избежать уголовной репрессии, и притом, когда репрессия постигает виновного настолько быстро, что обстоятельства преступления еще живы в памяти общества или определенной группы лиц и корпораций, тогда только назначение военно-судных Комиссий будет достигнуто»¹⁷.

Первоначальная компетенция комиссий заключалась в рассмотрении дел, связанных с совершением лишь «грабежей и разбоев». 5 мая 1920 г. в ожидании скорого наступления приказом Главкома № 3134 предусматривалось создание комиссий не только при территориальных единицах,

---

¹⁶ *А.Л.* Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 9–10.

¹⁷ Руководство для Военно-Судных Комиссий, Военно-Полевых и Полковых Судов (Сборник приказов, руководящих статей законов и образцов постановлений, приговоров и т. д.). Севастополь: Издание войн и Морского Судного Отдела Военного Управления ВСЮР; Типография Штаба Порты, 1920. С. 2.

но и «при штабах корпусов» (фактически этим заменялись корпусные суды) и «при каждой пехотной и конной дивизии». Комиссии были полностью изъяты из подчинения строевых начальников и подчинялись «только Главному Военному Прокурору», что делало их формально независимыми от воли командиров, чьи подчиненные совершали преступления. Прилагаемой к приказу «инструкцией» комиссии обязывались «широко оповестить войска и население... о своем местоположении, с указанием, что по всем делам о грабежах и разбоях надлежит обращаться к ним».

Предусматривалось введение специальных флагов с надписью, обозначающей расположение военно-судной комиссии.

В распоряжении председателя комиссии следовало сформировать «особые патрули из надежных солдат под начальством энергичного офицера для ареста грабителей» (фактически заменяющие собой комендантские команды). Расширялась и область подсудности в компетенции комиссий. Приказом Главкома № 3216 от 25 мая 1920 г. помимо разбоев и грабежей в ведение создаваемых структур военной юстиции передавались дела по кражам, совершенным военнослужащими (кражи, совершенные гражданскими лицами, разбирались в 1920 г. только мировыми судьями)¹⁸ [8, с. 12].

Наконец, приказом № 3275 от 3 июня 1920 г. Главком предписал «дабы полнее обеспечить интересы местного населения, потерпевшего от краж, грабежей и разбоев», в обязательном порядке включить в состав военно-судных комиссий «двух представителей крестьян от волостного земства» с совещательным голосом, привлекать их к расследованию преступления и выслушивать показания нарушителей. Кроме того, комиссиям поручалось также заниматься выплатой компенсаций за произведенные воинскими частями реквизиции подвод и лошадей, что, конечно, трудно считать делом, подлежащим ведению правосудия, но бывшим достаточно насущным для крестьянства в страдную пору лета 1920 г. Заседания комиссий стали совершаться открыто и гласно, а офицеры-юристы обязаны были давать также консультации местному населению по многочисленным, возникающим у него, правовым вопросам¹⁹.

Приказом № 3268 от 31 мая 1920 г. должность начальника военно-судной части учреждалась при управлении каждого армейского (неотдельного) корпуса. В его компетенцию входило рассмотрение всех военно-судных дел, поступающих к командиру корпуса, «ближайший надзор за деятельностью военно-полевых судов», контрольные функции по отноше-

---

¹⁸ А.Л. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 14.

нию к военно-судным комиссиям, а также непосредственное «производство расследований» по распоряжению командира корпуса и Главного Военного Прокурора. Фактически начальник военно-судной части обладал правом утверждать смертные приговоры военно-полевых судов, поскольку «прежде приведения их в исполнение», обязан был проводить проверку «всех законченных в военно-полевом суде дел». В случае выявленных нарушений в работе военно-полевых судов начальник военно-судной части мог передать их на обжалование в Главный Военный Суд²⁰. В специальном обращении начальника военно-судного ведомства от 8 августа за № 7479 отмечалось: «Военно-прокурорские надзоры судов армии, а равно и военно-следственные власти должны стать, по возможности, ближе к войскам и населению, стремясь к тому, чтобы ни одно преступление не осталось безнаказанным и ни один преступник – без должного воздействия со стороны уголовного закона. Население и войска должны быть широко оповещены, к кому надлежит обращаться с жалобами и заявлениями об известных им фактах злоупотреблений». Наконец приказом от 4 сентября 1920 г. за № 3602 отмечалось, что «гражданская жизнь постепенно ступает на путь мирной плодотворной работы под защитой сильной и вполне сорганизованной государственной власти, обладающей необходимым военно-судебным аппаратом, и в интересах создания более нормальных условий ответственности граждан перед законом и для поднятия идеи правопорядка на должную высоту». Поэтому все «дела о гражданских лицах по обвинению их в преступных деяниях, изъятых из общей подсудности», в военно-полевые суды больше не передавались. Ранее существовавшие изъятия из гражданской подсудности, обусловленные тем, что «военно-полевые суды... часто являлись единственными органами правосудия в данной местности», теперь отменялись. Осенью 1920 г. в развитии военной юстиции становилась очевидной тенденция ограничения сферы ее деятельности и изменения ее политико-правового статуса²¹.

В этой связи нельзя не отметить, что, несмотря на ограниченность территории и в условиях единоличной административной вертикали в Крыму в 1920 г., считалось необходимым вернуться к классическим принципам государственного права. В развитие этих намерений и с целью совершенствования системы военной юстиции приказом № 3718 от 9 октября 1920 г. Врангель провозгласил принцип «надлежащего разграничения деятельности властей судебной и административной», полностью изъяв военное и военно-морское судебное ведомство из подчинения начальникам военного

²⁰ А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 36–39.

²¹ Там же. С. 46–48.

и морского управлений. Главный военный и военно-морской прокуроры, а также Начальник военного и морского судного отдела соответственно переименовывались в Главного прокурора армии и флота и Начальника военного и военно-морского судного ведомств и переходили в непосредственное подчинение самому Главкому. Тем самым формально провозглашалась независимость военной юстиции от военачальников любых категорий. Военно-судная вертикаль и прокурорский надзор стали формально независимы (фактически данная система так и не успела сложиться из-за недостатка времени на реализацию). Главный прокурор получал право обязательной первичной редакции (с правом возможной корректировки) всех законопроектов и проектов приказов, «устанавливающих новые виды преступных деяний, усиливающие или изменяющие существующие наказания..., прежде представления их Главнокомандующему или опубликования». Врангель провозглашал, что существовавший еще с 1918 г. порядок деятельности военной юстиции, при котором судебные вертикали военного и военно-морского ведомств подчинялись военному и морскому министрам, нужно заменить на тот, при котором «органы правосудия и юстиции не должны находиться в подчинении административной власти, как бы высоко не были поставлены ее представители... Только самостоятельное положение ведомства даст ему возможность развить максимум плодотворной работы в борьбе с преступностью, считаясь лишь с велением закона и своей совести и не растрачивая сил на улаживание различных трений... Мы только тогда победим, когда на кончиках своих грозных штыков, понесем народу принципы права, правды и законности»²².

Определенные проблемы возникали с укомплектованием военно-судных комиссий квалифицированными юристами. Так сложилось, что в составе Русской армии офицеры, имевшие гражданское юридическое образование, были, как правило, в младших, обер-офицерских чинах. Поэтому в ходе реформирования военно-судного ведомства возникали предложения о замене служебного ценза (длительность пребывания в должности) образовательным и привлечении имевших данное образование офицеров к работе в качестве «временных членов военных судов». «Кадровый резерв», бывший в распоряжении военно-судного ведомства, состоял к осени 1920 г. всего из 15 профессиональных юристов с большим стажем работы (однако «людей больных и переутомившихся»), что вынуждало «кадровый голод» преодолевать за счет строевых офицеров. Тем не менее, несмотря на тяжесть условий осуществления правосудия, служащие военной юстиции

---

²² Военный голос. Севастополь. № 160. 20 октября 1920 г.

подтвердили верность долгу и в своей профессиональной деятельности, и в обстановке боя. Большая часть служащих военно-судных комиссий погибла в сражении у ст. Сальково 30 октября, в момент отступления Русской армии из Северной Таврии в Крым²³.

Была поставлена под контроль прокуратуры также деятельность контрразведывательных учреждений. Еще в феврале–марте 1920 г. многие уездные и губернские (Харькова, Екатеринослава, Владикавказ) контрразведывательные структуры были распущены, а их служащие подвергнуты разного рода дисциплинарным и уголовным взысканиям. Контрразведывательные отделения были переименованы в «наблюдательные пункты», и их численность существенно сокращена. Отношение к нарушителям закона ужесточилось в 1920 г. Так, например, в октябре был расстрелян весь личный состав одного из наблюдательных пунктов по обвинению в «вымогательстве». Генералом Климовичем был разработан проект «возвращения к производству дознаний по государственным преступлениям чинами восстанавливаемого корпуса жандармов». Приказом от 8 июля 1920 г. за № 91 (по гражданскому управлению) были установлены предварительные правила осуществления делопроизводства по государственным преступлениям. В прифронтной полосе за это отвечали чины прокурорского надзора военного и военно-морского ведомств, а в тыловом районе – чины прокурорского надзора Судебной палаты. Следовало «тщательно наблюдать за производством дознаний по государственным преступлениям», для чего требовалось личное, непосредственное участие в производстве следственных действий, отслеживание правомерности каждого ареста и «правильности содержания арестованных». В случае отсутствия «признаков какого-либо наказуемого деяния» или безрезультатного «окончания дознания» чины прокурорского надзора должны были незамедлительно освобождать подозреваемых. Все меры ограничения свободы, так же как и само предварительное расследование, производились только с санкции прокуратуры. Вообще, «за все время трехлетней гражданской войны это было впервые, когда дело политическо-го розыска ставилось под контроль чинов прокуратуры»²⁴.

Что касается ответственности за государственные и политические преступления, то и в этой области в 1920 г. произошли заметные измене-

---

²³ Возрождение Русской армии. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 16, 55–56.

²⁴ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. 26–27; Аргунов А. Без свободы // На чужой стороне. № XIII. Прага, 1925. С. 121–125; Григорьев (Генкер) Татарский вопрос в Крыму // Антанта и Врангель. Вып. 1. М.–Л.: Гос. изд-во, 1923. С. 236.

ния. Еще в конце 1919 г. была объявлена очередная амнистия в соответствии с Приказом Главкома ВСЮР от 14 декабря 1919 г.

Обоснованно полагая, что недоверие к офицерам, служившим в РККА, не способствует укреплению боеспособности армии, ведет лишь к неоправданному отчуждению офицерства от Белого дела, А.И. Деникин отмечал, что «бои последнего периода (т.е. осени 1919 г. – *В.Ц.*) с несомненностью подтвердили, что те офицеры и солдаты старой русской армии, которые ранее служили в Красной армии, а затем перешли добровольно на нашу сторону или был захвачены в плен, в настоящее время с честью выполняют свой гражданский долг перед Родиной, принимая участие в боях с большевиками в рядах старых добровольцев». На основании этого обстоятельства генерал Деникин объявлял «прощение с восстановлением во всех правах, не исключая и права на чин и звание, заслуженное в старой русской армии, тем лицам, служившим в красной армии и советских учреждениях, а также способствовавших и благоприятствовавших деятельности советской власти и ее войскам, кои: а) отбыли и отбывают наказания по постановлениям судебно-следственных комиссий, б) отбыли и отбывают исправительные и дисциплинарные наказания по приговорам военно-полевых и других военных судов», а также и те, в отношении которых судебно-следственные действия еще не завершились.

Наказание в виде каторжных работ, предусмотренное законодательством Особого Совещания, за членство в РКП(б), заменялось «разжалованием в рядовые с предоставлением им права, с согласия на то подлежащего военного начальства, в рядах армии загладить свою вину перед родиной». Амнистии не подлежали те, кто помимо службы в РККА и советских учреждениях совершал еще и «общеуголовные преступления»²⁵.

Наконец, наиболее полной стала амнистия, принятая в отношении «казаков, солдат и офицеров-красноармейцев (имелись в виду иногородние – *В.Ц.*), – уроженцев Дона, Кубани и Терека». Утвержденная в качестве отдельного закона в протоколе заседания Верховного Круга Дона, Кубани и Терека 23 января 1920 г. под № 14, амнистия предусматривала не только освобождение от любой ответственности за службу в РККА («полное помилование»), но и освобождение от любой военной службы вообще (т.е. и в белых армиях) «в течение двух месяцев со дня перехода». В условиях напряженных боев на Кубани в начале 1920 г. подобное «снисхождение» могло быть весьма негативно воспринято сражающимися на фронте солдатами и офицерами белых армий. В «воззвании», утвержденном Верховным

---

²⁵ Таганрогский вестник, Таганрог, 18 (31) декабря 1919 г.

Кругом, говорилось: «Вам до сих пор комиссары говорят, что у нас воюют только одни генералы и буржуи. Не верьте этому и твердо знайте, что с Лениным и Троцким и прочими комиссарами борется весь наш народ, все казаки и все остальное население..., мы боремся за Всероссийское Учредительное Собрание, где со всех концов нашей матушки России соберутся лучшие народные избранники, и только оно, этот хозяин земли русской, даст нашей измученной Родине мир и порядок... Бросайте Ленина и Троцкого! Бросайте окровавленные знамена! Идите к своим семействам! Вам Верховный Круг Дона, Кубани и Терека дает полное помилование. Возвращайтесь пока не поздно»²⁶.

Изменения в репрессивном законодательстве

Военные действия в Таврии летом–осенью 1920 г. потребовали от белого руководства серьезных изменений в репрессивном законодательстве. Еще приказом № 3053 от 29 апреля 1920 г. предписывалось освобождение от всех наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, ранее служивших в армиях новых «государственных образований» (Украинской Республики, Грузии, Прибалтики). Всем им возвращались в полном объеме их чины и служебные преимущества, полученные «до 1 декабря 1917 г.». Приказами № 3052 от 29 апреля 1920 г. и № 3224 от 8 июня 1920 г. Врангель отменял ряд положений деникинского закона об уголовной ответственности участников установления советской власти: первую часть статьи 1-й и параграфы 1–6 статьи 108-й Уголовного уложения, соответствующего (по редакции) приказу по Добровольческой армии № 390 от 1918 г. и закону «О государственной измене». Первый из вышеназванных приказов касался военнослужащих РККА, второй относился ко всем тем, кто «служил советской власти». В первом приказе отмечалось, что «много солдат и офицеров советских войск, не будучи большевиками, сражаются против нас, вынужденные к тому репрессиями и террором. Эти лица являются нашими врагами лишь на поле сражения, сдавшиеся же и перешедшие на нашу сторону без оружия в руках достойны сожаления и прощения».

Исходя из этого Врангель приказывал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения», но в то же время «освобождал от всяких кар» и восстанавливал в правах (выслуженных до 1 декабря 1917 г.) всех остальных «офицеров и солдат Красной армии раз они сдались или перешли на нашу сторону,

---

²⁶ ГА РФ. Ф. 6611. Оп. 2. Д. 4. Лл. 186 об. – 188.

безразлично – до сражения или во время боев, а равно и всех, служивших ранее в советской армии, по добровольном прибытии в войска ВСЮР».

Второй приказ освобождал от ответственности «всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимающих ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти»²⁷.

Тем самым довольно твердо разделялся принцип «принудительного служения», под воздействием обстоятельств «непреодолимой силы» (каковыми считалось принуждение к службе со стороны советской власти) и сознательная поддержка, активное участие в государственном и военном строительстве в Советской России или других советских республиках. Правовой изъян, создававший в 1918–1919 гг. основу для необоснованных, жестоких репрессий, был, как казалось, преодолен.

Следует, однако, отметить, что между «буквой закона» и правоприменительной практикой в условиях Гражданской войны оказывалась нередко большая разница. Разделить «сознательную поддержку» и «принуждение» можно были лишь при специальном, тщательном расследовании. Нельзя было полностью исключить самосуды и сознательные нарушения белым командованием, особенно среднего и низшего звена, приказов об амнистии красноармейцам и советским работникам. Но в целом развитие правовой базы репрессивной политики Белого движения ориентировалось на возможность смягчения, а не ужесточения наказаний (насколько это было вообще возможно в условиях Гражданской войны), их дифференциации в зависимости от тяжести совершенных преступлений и статуса репрессируемых субъектов.

Приказом Главкома № 3120 от 2 мая 1920 г. приведение в исполнение смертных приговоров запрещалось производить публично, в чем проявилось очевидное стремление отказаться от распространившейся в городах Крыма весной 1920 г. подобной практики исполнения приговоров по решениям военно-полевых судов. По мнению автора брошюры «Правосудие в войсках генерала Врангеля», сторонники публичности казней указывали на «устрашающий характер публичной смертной казни, столь необходимый в исключительное время, нами переживаемое».

---

²⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч. 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин: Медный всадник, 1928. Т. VI. С. 103.

Однако нельзя было не учитывать, «что длительное применение ее приводит к совершенно обратным результатам, развращая общественные нравы и создавая в населении совершенно безразличное отношение к виду насильственной человеческой смерти. Создается глубокое нравственное отупение, легкий взгляд на жизнь окружающих и свою собственную, что вместо понижения преступности, ведет лишь к ее увеличению, несмотря на все суровые кары закона. Средние века, когда столь широко практиковалось публичное исполнение смертной казни, – лучшее тому доказательство». Из подсудности военно-полевых судов были изъяты также все дела о несовершеннолетних от 10 до 17 лет (приказ № 3073 от 26 апреля 1920 г.) и, в связи с важностью «установления степени их разума при учинении преступного деяния», признавалось необходимым передавать все дела о преступлениях с их участием на рассмотрение корпусных или военно-окружных судов»²⁸.

Стала использоваться и довольно необычная форма наказания – т.н. «высылка в Совдепию». Еще в 1918 г. встречались прецеденты применения данной санкции. Например, в октябре 1918 г. в Советскую Россию за «призыв к забастовке» была выслана студентка Ростовского университета²⁹. Приказом от 11 мая 1920 г. за № 3182 новый Главком ВСЮР определил, что «высылке в Советскую Россию» подлежат «лица, избличенные в непубличном разглашении или распространении заведомо ложных сведений и слухов... в возбуждении путем произнесения речей и других способов агитации, но не в печати, к устройству или продолжению стачки, участия в самовольном, по соглашению между рабочими, прекращении работ, в явном сочувствии большевикам, в непомерной личной наживе, в уклонении от исполнения работ по содействию фронту».

Право высылки принадлежало губернаторам и комендантам крепостей, причем требовалось обязательное производство дознания, которое шло затем на «заключение прокурорского надзора», и высылка могла быть осуществлена только «по взаимному соглашению этих властей»³⁰.

В процессуальном отношении нельзя не отметить еще одну важную новацию. В контексте введения в действие приказов от 29 апреля и 8 июня 1920 г. следовало упразднить и такой важный элемент осуществления репрессивной политики «деникинского периода», как «судебно-следственные комиссии», занимавшиеся расследованием обстоятельств службы в совет-

²⁸ *А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля*. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 48–49.

²⁹ *Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками*. Мюнхен: Б.и., 1962. С. 271.

³⁰ *А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля*. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 27–28.

ской власти. Хотя эти комиссии и состояли из квалифицированных юристов и в большинстве случаев выносили «реабилитационные» решения, считалось, что они создают дополнительные трудности при возобновлении на новой службе офицеров и гражданских чиновников. После сокращения территории в пределах Крыма действовала только Таврическая губернская судебнo-следственная комиссия, учрежденная в 1919 г. Приказом Главкома от 1 июня 1920 г. № 3262 Таврическая комиссия была расформирована, а все дела, относящиеся к государственным преступлениям, передавались на рассмотрение военных следователей и военных прокуроров корпусных или Севастопольского военно-морского судов.

Еще одна амнистия была объявлена Главкомом 14 сентября 1920 г. приказом № 3639. Она касалась военнo-служащих, осужденных военнo-полевыми судами по дисциплинарным правонарушениям, и гражданских лиц, также осужденных военнo-полевой юстицией и отбывающих наказание «не свыше тюремного заключения», а также разжалованных в рядовые «за преступления, связанные с корыстными мотивами». Сделано это было по ходатайству Управляющего Военным и Морским духовенством епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова), в связи с проведением в Крыму «дней покаяния и молитвы», утвержденных Святейшим Патриархом Тихоном в празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня («в ознаменование этих дней актом милосердия и прощения» (в 1919 г. подобная амнистия объявлялась Деникиным по ходатайству Юго-Восточного Церковного Собора)³¹.

Проведение амнистий сопровождалось и определенной пропагандистской подготовкой. Главком, в частности, дважды обращался к «офицерам и солдатам советских армий» (показательно неприятие термина «красноармейцы», заменяемое на «офицеры и солдаты»). Можно усмотреть определенную аналогию с известными воззваниями генерала Брусилова, но с совершенно противоположным содержанием.

В первом воззвании к «офицерам Красной армии» Врангель сразу же объявил, что он «стал во главе остатков Русской Армии, – не красной, а русской, – еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой когда-то служили и многие из Вас». Подчеркивалось прежнее единство офицерского корпуса, разделенного ныне фронтами гражданской войны: «Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская армия открыла врагу фронт, и обезумевший на-

---

³¹ Военный голос. Севастополь. № 132. 16 сентября 1920 г.

род стал жечь и грабить Родную землю... Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели Вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии». Обращение от имени Правителя и Главнокомандующего ВСЮР завершалось словами: «Я зову Вас идти к нам, чтобы Вы смысли с себя пятно позора, чтобы Вы стали вновь в ряды Русской, настоящей Армии. Я, генерал Врангель, ныне ставший во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю Вам забвение прошлого и предоставлю возможность искупить Ваш грех».

В другом обращении, с характерным названием «Прекратим братоубийство!», обращаясь к «русским людям, офицерам и солдатам красной армии», Врангель ставил акцент на патриотических лозунгах, обращенных как бы в противовес становившимся уже популярным в 1920 г. идеям борьбы РСФСР за воплощение российских национальных целей: «Россия, Родина наша, гибнет. Вера Православная поругана, осквернены древние святыни... Вспомните, Вам сулили конец войны, а теперь ведут в Индию. Дробят Россию на большевистские коммуны, а вы сами себя обманываете, что это может ее объединить. Вы тешите себя мечтой, что служите русской народности, отдавая жизнь за Интернационал, отрицающий всякую народность. Ведь поймите, для советских властителей чужая им Россия – только костер, чтобы зажечь мировой пожар. Им все равно, если от этого костра останется только пепел. За что же Вы боретесь? За Ваше рабство, за комиссаров-коммунистов, терзающих ни в чем неповинных людей в застенках, за изуверов, отрицающих Россию...? Мы боремся не против Вас, а за Вас самих, за Ваше достояние, за свободу России, за ее величие... Три года льется кровь. Три года братья убивают друг друга. Ступайте по домам или идите к нам, тогда прекратится бессмысленная бойня. Тогда весь народ, очищенный страданием в своей родной семье, сам для себя установит порядок лучшей, истинно свободной жизни. Тогда все забудется, все простится. Братья наши, офицеры и солдаты красной армии. Мы протягиваем Вам руку, протяните и Вы нам свою»³².

Выводы

Органы юстиции продолжали работу в Крыму в тяжелых условиях, пытаясь наладить правопорядок, добиться восстановления законности. С точки зрения перспектив развития правовой системы в белом Крыму

---

³² Возрождение Русской армии. Константинополь, 1920. С. 17–19.

считалось необходимым, помимо введения репрессий, проводить практику предупредительных мер, направленных на устранение причин правонарушений. Трудности часто возникали и в результате крайней слабости местного административного аппарата, ведь без налаженной системы управления невозможно рассчитывать на то, что любые, даже наиболее гуманные (если вообще возможно применять этот термин к условиям гражданской войны), будут воплощены в жизнь.

© Цветков В.Ж., 2018

Рукопись поступила в редакцию 24 июля 2017 г.

Дополнительная информация о рукописи: Данная статья основана на материалах, которые ранее были использованы автором в монографии «Белое дело в России. 1920–1922 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России)». (М., 2013, Часть 1.), опубликованной незначительным тиражом и практически неизвестной читателям. Заимствованный текст из данной монографии представляет собой прежде всего исторические источники, которые рассматривает автор, в то время как структура и аналитические выводы настоящей статьи являются полностью оригинальными.

Для цитирования: Цветков В.Ж. Политико-правовые особенности организации судебной власти и репрессивной системы в белом Крыму в 1920 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 175–197. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197.

**POLITICAL AND LEGAL PECULIARITIES
OF ORGANIZATION OF JUDICIAL POWER
AND REPRESSIVE SYSTEM
IN THE WHITE CRIMEA IN 1920**

Vasiliy Zh. Tsvetkov

Institute of History and Politics
Moscow Pedagogical State University
88 Vernadsky pr., Moscow, 115571, Russia
tsvetcov@rambler.ru

The article examines the peculiarities of the functioning of the judicial system in the White South of Russia during the 1920s. This period is characterized by a significant departure from the previously proclaimed principles of the ideology of the “White move-

ment”, which were replaced by the so-called “left-wing policy with the right hands”. The author comes to conclusion that due to the reduction of the territory occupied by the White armies (the borders of the Crimea and North Tavria (Tauride Governorate)), it became possible to more closely monitor the work of the local judicial system. The White leadership proclaimed its policy of combating all violations of law, the absence of legitimate methods of government, the rule of the so-called “machine gun right”, in which it was the decisions of the military which became the major ones, they prevailed over all civilian legislative acts and institutions. General Wrangel and the Government of the South of Russia, led by Alexander Vasilievich Krivoshein, the former tsarist minister, managed to achieve some changes for the better. There increased the role of the Governing Senate and the importance of prosecutor’s supervision; the activities of the magistrate courts began to recover. The work of counterintelligence agencies was put under prosecutor’s supervision. Court martial got legal limitations, the Red Army soldiers were pardoned. However, it was not possible to completely overcome the dominance of military justice over civil one and to achieve significant changes in the political and legal system in the conditions of the ongoing Civil War. This became one of the reasons for the weakness of the White rear and the failures of the South Russian White movement.

Keywords: White movement, repressive system, judicial system, prosecutor’s office, General P.N. Wrangel

REFERENCES

- A.P. *Pravosudie v voyskah generala Vrangelya*. Constantinople, 1920 (in Russian).
- Argunov, A. “Bez svobody.” [Without freedom]. *Na chuzhoj storone*, no. 13 (1925): 1921–1925 (in Russian).
- *Beloe delo v Rossii. Formirovanie i jevoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii. 1919–1922*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2013 (in Russian).
- Buldakov, V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasiliya*. Moscow: Fond “Prezidentskiy centr B.N. El’cina”, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, 2007 (in Russian).
- Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 6611, op. 1, d. 1.
- GA RF, f. 6611, op. 2, d. 4.
- Cvetkov, V.Zh., and Lubkov, A.V. *Beloe dvizhenie v Rossii – ego programma i vozhdii* [White movement in Russia – its program and leaders]. Moscow: Prometey Publ., 2003 (in Russian).
- Grigor’ev (Genker) “Tatarskiy vopros v Krymu.” [The Tatar question in the Crimea]. *Antanta i Vrangel’*, 232–238. Issue 1. Moscow; Leningrad, 1923 (in Russian).
- Karpenko, S.V. *Vrangel’: Poslednij Glavkom*. Moscow: AST, 2006 (in Russian).
- Kenez, Peter. *Krasnaya ataka, beloe soprotivlenie. 1917–1918*. Translated by K.A. Nikiforov. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian).

- *Podlinnaya istoriya Dobrovol'cheskoi armii. 1917–1918 gg.* Moscow: Algoritm, 2017 (in Russian).
- Kröner, Anthony. *Belaya armiya, Chernyi baron: zhizn' generala Petra Vrangelya.* Moscow: ROSSPEN, 2011 (in Russian).
- Litvin, A.L. *Krasny i bely terror v Rossii 1918–1922 gg.* Kazan': Jeksmo, 1995 (in Russian).
- Petrov, G.N. *Dialektika sootnosheniya 'krasnogo', 'belogo' terrora i terrora interventov v gody Grazhdanskoy vojny v Rossii (1917–1920 gg.).* Moscow: MTU, 2000 (in Russian).
- Polyakov, I.A. *Donskie kazaki v bor'be s bol'shevikami.* Munich, 1962 (in Russian).
- Ross, N. *Vrangel' v Krymu.* Frankfurt on Main, 1982.
- Rukovodstvo dlja Voенno-Sudnyh Komissij, Voенno-Polevyh i Polkovykh Sudov* [The manual for Military Commissions Judgment, the Field and Regimental Courts]. Sevastopol', 1920.
- Taganrogskiy vestnik.* Taganrog, December 18 (31), 1919.
- Voennyi golos.* Sevastopol, September 16, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 4, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 16, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 20, 1920.
- Vrangel', P.N. "Zapiski." [Notes] Part 2. In *Beloe delo. Letopis' beloj bor'by.* Vol. 6. Berlin, 1928 (in Russian).

Submitted: 24 July 2017

Disclosure statement: The article is based on the materials which were previously used by the author in the monograph *The White Movement in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia* (Moscow, 2013, Part 1.), published in a limited edition and virtually unknown to readers. The text from this monograph is historical sources, cited by the author, whereas the analytical part of this article is totally original.

For citation: Tsvetkov, Vasilij Zh. "Political and legal peculiarities of organization of judicial power and repressive system in the White Crimea in 1920." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 175–197. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-198-214

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ИНГУШСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ (1920–1940 ГГ.)

А.К. Чапанов

Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6
ahmed.targimov@mail.ru

В статье анализируется процесс формирования институциональной основы ингушского послереволюционного зарубежья в Европе. В статье показано, что проживавшие в Европе представители ингушской эмиграции активно участвовали в работе культурно-просветительских организации и обществ взаимопомощи. При этом наиболее заметными среди них были организации и движения сочувствовавших идеям независимости Кавказа. Автор приходит к выводу, что общественно-политические объединения горской эмиграции в Западной Европе сыграли существенную роль в социокультурной адаптации национальных общин народов Северного Кавказа за рубежом.

Ключевые слова: политическая эмиграция, периодическая печать, депортация, Созерко Мальсагов, военно-политическая интеллигенция, адаптация, ингушская диаспора

Введение

Внимание к теме ингушской эмиграции обусловлено масштабом изменений, произошедших в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа в результате массовых эмиграционных волн. Большой интерес представляют в этой связи социально-политическая жизнь и духовное наследие ингушской эмиграции, оказавшейся в силу разных причин за рубежом.

В предшествующие годы издано немало работ, посвященных эмиграционным процессам на Северном Кавказе. Однако исследований, касающихся различных аспектов ингушского зарубежья, немного. Непосредственное изучение данной проблемы приходится на начало 1990-х гг., когда

исследователи получили доступ к многочисленным архивным материалам как в России, так и за рубежом. Таким образом, интерес к проблематике ингушской эмиграции был вызван новизной источникового материала, ставшего доступным исследователям благодаря новым политическим реалиям, а также необходимостью восстановления исторической и гражданской справедливости по отношению к ингушской эмиграции.

В этот период были опубликованы работы Б.Д. Газикова¹, А.А. Мальсагова², М. Дж. Яндиевой³, которыми был систематизирован большой фактический материал, содержащий ценные сведения о жизни и деятельности ингушских эмигрантов.

Институциональная основа и общественно-политическая жизнь северокавказского зарубежья рассматриваются в трудах И.Л. Бабич⁴, Ф.А. Борлаковой⁵, А.А. Ганич⁶, В.Ф. Ершова⁷, А.В. Казакова⁸. Комплексному изучению подверглись причины эмиграции горцев, ход переселения, его трагические последствия. В работах указанных авторов нашли отражение и проблемы адаптации горцев на новом месте, их отношений с местным населением и государственными органами.

---

¹ Яндиева М., Газиков Б. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ». Назрань–М.: Ингушский «Мемориал», 2003.

² Яндиева М.Д., Мальсагов А.А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра. Назрань–М.: Ингушский «Мемориал», 2003.

³ Яндиева М., Газиков Б. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ». Назрань–М.: Ингушский «Мемориал», 2003; Яндиева М.Д. Депортация ингушей. Фальсификации и подлинные причины. Назрань–М.: Эльбрусид, 2008; Яндиева М.Д., Мальсагов А.А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра. – Назрань–М.: Ингушский «Мемориал», 2003.

⁴ Бабич И.Л. Теория построения государства на Северном Кавказе (северокавказская эмигрантская мысль 1920–1930-х годов в Европе) // История государства и права. 2011. № 22–23. С. 41–45; Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб., 2012. С. 376–402.

⁵ Борлакова Ф.А. Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции // Дисс...канд. ист. наук. Карачаевск, 2009.

⁶ Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М. ИСАА МГУ, 2007.

⁷ Ершов В.Ф. Институциональная структура северокавказского зарубежья во Франции в 1920-е – 1950-е гг. // Армия и общество. 2014. № 2. С. 129–133; Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века. М.: ИНФРА-М, 2016.

⁸ Казаков А.В. Возникновение северокавказской политической эмиграции после Гражданской войны в России // Исторический вестник. Нальчик, 2005. № 2. С. 239–250.

Свою специфику имеют работы ингушских исследователей. Так, М.Б. Долгиева⁹, М.А. Ялхароева¹⁰, М.Д. Яндиева¹¹ и другие анализируют этапы формирования и современный этнокультурный облик ингушской диаспоры в Турции, Казахстане и Западной Европе, ее деятельность по сохранению языка и культуры.

Данная статья подготовлена на основе материалов мемуарной литературы, сборников документов, эмигрантской периодической печати и электронных изданий, посвященных проблемам политико-правовой и социокультурной адаптации горских переселенцев в Европе. В работе для освещения истории ингушской эмиграции представлены также неопубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Целью исследования является выявление особенностей проблемы социально-политической и культурной адаптации представителей ингушской диаспоры в странах-реципиентах с помощью проведения исторического анализа становления и жизнедеятельности ингушской эмиграции в Европе в 1920–1940-е гг.

Институциональная основа ингушского зарубежья в Европе

В послереволюционные годы Ингушетия оказалась в центре политической борьбы и событий Гражданской войны, частью которой было антиденикинское восстание на Северном Кавказе (1919–1920 гг.). Для этого периода характерна массовая вынужденная эмиграция населения с территории огромного Российского государства. Вместе с другими народами за рубеж потянулись и горцы. Десятки тысяч жителей Кавказа, составлявших обширный слой военных и интеллигенции, которые не хотели мириться с властью большевиков, были вынуждены эмигрировать. Среди них были и представители ингушского народа.

В науке этот процесс характеризуют термином «белая» или «послереволюционная» эмиграция. Однако не всех, кто вел активную борьбу с большевистским режимом и вследствие этого был вынужден покинуть страну, можно причислить к категории белоэмигрантов. В военно-политическом

---

⁹ Долгиева М.Б. *Общественная мысль Ингушетии второй половины XIX – начала XX вв.* // Дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2002.

¹⁰ Ялхароева М.А. *Ингушская диаспора в Турции.* Назрань: ООО «Пилигрим», 2008.

¹¹ *Ингушетия и ингуши* / Сост. М. Яндиева. Т. 2. Назрань–М.: Новая планета, 2002.

противостоянии в России 1917–1920-х гг. принимало участие множество партий и вооруженных структур, преследовавших разные цели и отстаивавших разные идеологические принципы¹².

До сих пор нет единого мнения о численности российской эмиграции после революции. По разным данным, во время и после Гражданской войны страну вынужденно покинули от полутора до двух миллионов человек. По сведениям Лиги Наций, всего Россию после революции и Гражданской войны покинуло 1 млн 160 тыс. человек. Американский Красный Крест отмечал, что на 1 ноября 1920 г. численность российских эмигрантов составляла 1.966.500 человек¹³. Из черноморских портов хлынул поток беженцев в Турцию (Константинополь, Галлиполи) и на Балканы, а оттуда в европейские страны. Большинство российских беженцев, попавших, например, во Францию морским путем, были уроженцами южных регионов Российской империи: Украины, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (60%)¹⁴. В общей сложности во Франции численность выходцев из России к середине 1920-х гг. насчитывала примерно 400 тыс. человек¹⁵.

В 1920–1930-е гг. вследствие активной деятельности военно-политической интеллигенции в Европе начали возникать организации, в центре внимания которых оказались проблемы и перспективы общественно-политического, экономического, религиозного и культурного развития народов Северного Кавказа. Кавказская эмиграция, в том числе и ингушская, в рассматриваемый период была представлена в общественно-политических союзах и объединениях в Стамбуле, Париже, Берлине, Праге, Варшаве и Белграде. Среди них такие, как «Союз горцев Северного Кавказа» (Франция), «Народная партия вольных горцев Кавказа» (Прага), «Прометей» (Польша), «Союз молодых кавказцев» (Германия), «Алла-Верды» (США) и другие, главной задачей которых была помощь и поддержка эмигрантов с территории Северного Кавказа.

Они выпускали различные журналы: «Кавказский горец» (Прага), «Вольные горцы» (Прага), «Независимый Кавказ» (Париж), «Кавказ» (Париж), «Горцы Кавказа» (Париж/Варшава), «Северный Кавказ» (Варшава), «Свободный Кавказ» и «Кавказ» (Мюнхен), газета «Газават» (Берлин). Эмигрантские журналы, выходившие в разные годы в Европе, публиковали

---

¹² Цурганов Ю.С. Белоземляне и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010. С. 5–6.

¹³ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 12.

¹⁴ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 110–113.

¹⁵ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 22.

статьи, призывавшие к созданию конфедерации кавказских народов. Также в журналах печатались статьи, освещавшие вопросы культуры, истории, социально-экономического и политического положения народов Северного Кавказа и за его пределами. Материалы были на различных языках: в основном на русском, но также на польском, турецком, французском, английском¹⁶. Некоторые публикации были и на языках народов Кавказа. В основном, авторы статей подписывались псевдонимами (например, Джанхот, Мир-Якуб, М. Мансур, Таулу, Адыгэ и др.). Проведенный нами контент-анализ северокавказской периодики показывает, что слова «ингуш», «Ингушетия» в прессе встречаются довольно редко. Стоит учитывать и тот факт, что с этнонимом «чеченцы» часто связывали все нахские народы, включая ингушей, бацбийцев и др.

Периодическая печать является важным источником по истории горской эмиграции в период между двумя мировыми войнами. С началом Второй мировой войны большинство журналов было закрыто.

В структуре ингушской эмиграции, как и кавказской в целом, в этот период преобладала политическая составляющая, т. е. эмигрантами были представители политической, военной и научно-культурной элиты, что предопределило высокий уровень социальных и культурных ценностей, которые были созданы ими в зарубежье. Добавим, что это роднит ее с русской эмиграцией того же времени и качественно отличает послереволюционную эмиграцию от мухаджирства, когда в Османскую империю переселялись средний класс, крестьяне (бедняки-горцы).

В северокавказскую часть российского зарубежья входили в основном три общины: адыгская (черкесы, кабардинцы), карачаево-балкарская и осетинская. Численность ингушских эмигрантов просчитать практически невозможно. Такую статистику трудно собрать, поскольку в миграционных документах отсутствовала графа «национальность». Поскольку ингушей, также как чеченцев и дагестанцев, было сравнительно мало, они самостоятельных общин не имели и вливались в состав тех общин, где имелись более и менее близкие люди¹⁷.

С середины 20-х гг. XX в. наблюдается развитие общественно-политических центров северокавказской эмиграции в Европе, где была сосредоточена деятельность политических лидеров Северного Кавказа и Закавказья, а также военных, деятелей науки и культуры. В Париже обосо-

---

¹⁶ Манкиева Э.Д. Библиография ингушской эмиграции (по материалам печатных изданий кавказской эмиграции) // Архивный вестник ГАС РИ. 2005, № 2. С. 110–113.

¹⁷ Борлакова Ф.А. Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции // Дисс...канд. ист. наук. Карачаевск, 2009. С. 68.

вались Гайдар Баммат, Ахмет Цаликов, Мурат Хаттогу, Б. Шаханов, князь Ф.П. Бекович-Черкасский, Абдул-Межид (Тапа) Чермоев.

Из ингушей в Западной Европе, в частности во Франции, проживали активные общественные и политические лидеры Северного Кавказа Магомет Джабагиев, его брат Вассан-Гирей Джабагиев, журналист Джемалдин Албогачиев, полковник Муртазала Куриев и многие другие. Все они входили в общественно-политические союзы в Париже, Варшаве, Стамбуле и Берлине и занимались издательско-публицистической деятельностью¹⁸.

При этом в общественно-политической жизни северокавказской эмиграции в Европе наиболее заметной была деятельность организаций и движений, сочувствовавших идеям независимости Кавказа. Эмигрантские активисты (Б. Барасби, Г. Баммат, Э. Бекович-Черкасский, В.-Г. Джабагиев) на страницах периодической печати призывали к политической консолидации, объединению всех кавказских народов в независимое государство, члены которого осознавали бы необходимость ведения совместной борьбы против советской власти на Кавказе¹⁹.

По мнению других (М. Абациев, Н. Бигаев), единственным условием формирования кавказской нации должно было стать проживание народов Кавказа в составе России²⁰. В Париже эти взгляды были представлены политической партией «Союз народов Кавказа» во главе с М.Н. Абациевым.

К концу 1920-х гг. возникли противоречия внутри северокавказской политической эмиграции, следствием чего стало появление множества мелких организаций, которые не имели никакой существенной идеологической разницы²¹. Так, в начале 1920-х гг. в Париже был создан «Терский национальный комитет» (существовал до оккупации в мае 1940 г.), который объединял отдельных выходцев с Терской области Северного Кавказа во Франции. В начале 1930-х гг. возникла организация «Братство горцев Кавказа в Лионе», которая являлась организацией взаимоподдержки и должна была объединять на общих началах находившихся в Лионе кавказских эмигрантов. Ее основателем был дагестанец Абдул-Муталим Бабаев²².

---

¹⁸ Яндиева М.Д. Депортация ингушей. Фальсификации и подлинные причины. Назрань-М.: Эльбрусид, 2008. С. 42.

¹⁹ См.: Горцы Кавказа. 1929. № 4–5. С. 3, 13; 1933. № 37. С. 15–18. Независимый Кавказ. 1929. № 1. С. 12. Кавказ. 1936. № 35. С. 3.

²⁰ Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб., 2012. С. 381.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 109. Лл. 6–34.

²² Северный Кавказ. 1933. № 41. С. 30.

В институциональной структуре кавказского зарубежья во Франции во второй половине 1920-х гг. центральное место занимали союзы «Золотое Руно» и «Прометей», включавшие, главным образом, политическую элиту северокавказской и грузинской диаспор. В системе российского зарубежья в Европе в 1920–1930-е гг. эти союзы выполняли одновременно роль политических объединений и обществ взаимопомощи, сыграли важную роль в социокультурной адаптации послереволюционной эмиграции. «Золотое руно» и «Прометей» вели разнообразную культурную и научную работу, способствуя развитию политического и культурного диалога между горцами-переселенцами и жителями Европы²³. Хотя союз «Прометей» оказался недолговечным, в дальнейшем были открыты прометеевские клубы в Хельсингфорсе (Хельсинки) и в Харбине²⁴.

В это же время общественная деятельность горской эмиграции реализуется в организации политических партий и движений – «Народной партии вольных горцев Кавказа» (Прага) и «Горского национального объединения» (Париж), а также в издании нескольких журналов. Кроме перечисленных организаций, в 1920–1930-х гг. в различных странах были созданы и другие объединения. В Чехословакии это было «Кавказское куначество», в которое вошли военные представители Северного Кавказа во главе с полковником Н. Бигаевым; В Праге в состав Терского общества взаимопомощи входила часть горского студенчества. В 1931 г. в Нью-Йорке образовалось грузино-черкесское общество «Алла-Верды», которое преследовало цели взаимоподдержки кавказских народов²⁵. В 1933 г. здесь было восемь семейств горцев, приехавшие из Стамбула в 1923 г.²⁶.

Депортация вайнахского народа в феврале 1944 г., безусловно, способствовала росту антисоветских настроений среди горской общины в Европе. О выселении ингушей и чеченцев стало известно в Европе и на Ближнем Востоке только в мае 1944 г.

Ингушская политическая эмиграция в лице М. Котиева, В-Г. Джабагиева, С. Мальсагова, И. Гелисханова и др. совместно с А. Авторхановым и М. Дудовым в западных СМИ представляли проблему депортированных народов СССР. Мощным оружием антисоветской пропаганды тех лет стало «Радио Свобода», на волнах которого говорили о преступлениях, совер-

²³ *Ершов В.Ф.* Северокавказское зарубежье 1920–1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социокультурная специфика [Электронный ресурс] // URL: <http://intercircass.org/?p=2688/>.

²⁴ Горцы Кавказа. 1933. № 34–35. С. 35.

²⁵ Там же. № 35. С. 35.

²⁶ Там же. С. 34.

шенных СССР в отношении репрессированных народов²⁷. После Второй мировой войны в зарубежье устраивались вечера памяти депортированных.

На страницах периодических изданий ингушской эмиграции нашли отражение также идейно-политические взгляды о правовой реабилитации ингушского народа и приветствовала его возвращение на родину²⁸.

Проживавшие в Европе представители ингушской эмиграции также активно участвовали в работе культурно-просветительских организаций и обществ взаимопомощи. В 1920–1940-е гг. формируются различные творческие союзы, кружки, землячества. Главным средством сохранения и развития языка, традиционной духовной культуры для большинства кавказских общин являлись национально-культурные центры, которые играли важную роль в адаптации ингушских эмигрантов. Северокавказские просветительские объединения, общества взаимопомощи и землячества были открыты для культурного диалога с представителями Русского мира. В Париже была возможность свободных дискуссий в эмигрантской среде²⁹.

Ингушские общественно-политические деятели послереволюционной волны эмиграции

Сегодня для исследователей, занимающихся историей ингушского народа, большой интерес представляет духовное наследие представителей ингушского зарубежья, оставивших заметный след в истории эмиграции и своей родины – Ингушетии. Среди них – такие яркие исторические личности, как публицисты, писатели, политические деятели Магомед и Вассан-Гирей Джабагиевы, Магомет Котиев (Мехмет-Кетей), Бексултан Котиев (Батырхан), Созерко Мальсагов, Джемалдин Албогачиев, Муртазала Куриев – представители первой волны послереволюционной эмиграции; Ибрагим Гелисханов, Ахмет Ужахов, Якуб Озиев и др. – представители второй волны эмиграции, оказавшиеся за рубежом после Второй мировой войны. Благодаря их усилиям в Европе функционировала интеллектуальная и духовная жизнь, которая способствовала сохранению и развитию ингушской культуры и науки.

---

²⁷ Яндиева М., Газиков Б. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ». Назрань–М.: Ингушский «Мемориал», 2003.

²⁸ Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Я.С. Патиев. Магас: Сердало, 2004. С. 123.

²⁹ Ершов В.Ф. Институциональная структура северокавказского зарубежья во Франции в 1920-е–1950-е гг. // Армия и общество. 2014. № 2. С. 133.

В перечне этих имен особое место принадлежит Созерко Мальсагову – бывшему узнику Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). Мальсагов Созерко Артаганович (1895–1976) родился 17 июня 1895 г. в селении Альтиево Назрановского округа Терской области³⁰.

После ареста Закавказским ЧК в 1924 г. С. Мальсагов оказался на Соловках, откуда в мае 1925 г. совершил побег в Финляндию. Здесь он получил «нансеновский паспорт», с которым переехал в Латвию. В 1925 г. в Риге в нескольких номерах эмигрантской газеты «Сегодня» выходит фрагментами воспоминания «Соловки – остров пыток и смерти (Записки бежавшего с Соловков офицера С.А. Мальсагова)».

В 1926 г. в Лондоне на английском языке была опубликована книга под названием «An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North» (Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере). Публикация стала одним из первых документальных свидетельств о советском концентрационном лагере на Соловках. На руководство СССР со стороны эмигрантских активистов посыпались обвинения в государственном терроризме и нечеловеческом отношении к заключенным. Так, в парижском издании работа С.А. Мальсагова вышла под одной обложкой с воспоминаниями Н. Киселёва-Громова «Лагерь смерти в СССР. Великая братская могила жертв коммунистического террора». Автор этой книги также совершил побег из СЛОНа в Финляндию в 1930 г. Только в конце 1980-х гг. XX в. повесть С.А. Мальсагова была переведена на русский, а затем и ингушский языки.

Предполагают, что поездка М. Горького на Соловки в 1928 г. и его очерк «Соловки» – часть ответной кампании на публикацию воспоминаний участников побега С.А. Мальсагова и Ю. Бессонова³¹. Опровержения на воспоминания С.А. Мальсагова опубликовали М. Кольцов в «Правде» и начальник Управления Соловецкого лагеря Ф. Эйхманс в газете «Новые Соловки»³².

В РГАЛИ хранится статья В. Руссет (бывшего заключенного Соловецкого лагеря) «Правда о Соловках», в которой автор называет работу С.А. Мальсагова измышлением и клеветой. В. Руссет ссылается на фельетон Кольцова «СЛОН» и статью Катаньяна, якобы «правдиво и точно» отразившие режим Соловков. Так, В. Руссет пишет: «На страницах белоэми-

---

³⁰ Борлакова Ф.А. Карачаево-балкарская эмиграция: этапы формирования и этнокультурной эволюции // Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2009. С. 188.

³¹ Бывший царский офицер, автор книги «26 тюрем и побег из Соловков», вышедший в Париже в 1928 г.

³² Яндиева М. Мальсагов Созерко Артаганович [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gazavat.ru/personalies2.php?people=79>.

грантской печати появилась статья белогвардейского офицера Мальсагова, бежавшего из Коми с четырьмя другими заключенными, под страшным заголовком: “Соловки – остров пыток и смерти”³³. Вся статья офицера Мальсагова является сплошной клеветой, гнусной инсинуацией “обиженного” советской властью белого офицера, попавшего за свои “подвиги” по пограммам и разорению своей родины в Соловки на десять лет»³⁴.

Необходимо отметить, что статья В. Руссет также является частью ответной кампании, призванной опровергнуть воспоминания Мальсагова. «Адский остров» – это повествование лично пережитого, первое документальное свидетельство, в котором отражена система пыток, насилия и нарушений прав политзаключенных и предпринята попытка анализа системы подавления личности в советских тюрьмах и лагерях 1920-х гг.

С 1926 по 1939 г. Мальсагов жил в Польше и служил офицером в польской кавалерии. В ходе Второй мировой войны Созерко участвует в боевых действиях. Начало военных событий встретил в боях в Поморье в качестве командира кавалерийского эскадрона, в сентябре 1939 г. попадает в немецкий плен, и как польский офицер был вывезен в лагерь для военнопленных в Германию. С 3 по 21 сентября 1944 г. Мальсагов находился в резерв-лазарете в Баварии и оттуда совершил побег в Польшу, где участвовал в Польском сопротивлении. Затем переправлен во Францию, где сражался в диверсионных отрядах на территории республики с подпольной кличкой «Казбек». Имя Созерко Мальсагова вошло в «Антологию борцов за свободу Польши»³⁵.

После войны С. Мальсагову было предоставлено право на въезд в Англию, где он получил статус военного беженца Польской армии и жил до конца жизни. В Англии он работал в Исламском культурном центре, был членом «Международного Комитета по проведению процесса против политики народоубийства», проводимой советской властью. Скончался Созерко 25 февраля 1976 г. в местечке Эштон, где и был похоронен. 28 августа 1990 г. Мальсагов реабилитирован (посмертно).

Джабагиевы

Джабагиев Магомед Ижиевич (Эльджиевич) (23 августа 1876 (1877) – 22 февраля 1937). После Февральской революции Магомед Джабагиев занимал пост комиссара Временного исполнительного комитета Ингушетии,

³³ РГАЛИ. Ф. 1883. Оп. 4. Д. 130. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Мальсагов Созерко Артаганович // Официальный сайт музея ГУЛАГ URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=54833646&language=1>.

входил вместе с братом Вассан-Гиреем в Центральный комитет Союза объединенных горцев Кавказа, созданного в мае 1917 г. на I съезде горских народов во Владикавказе. М. Джабагиев занимал пост Председателя Ингушского Национального Совета. Тогда же руководил «Обществом просвещения ингушского народа»³⁶.

В 1921 г. Магомед и Вассан-Гирей Джабагиевы находились на Парижской международной конференции. В 1921 г. В.-Г. Джабагиев участвовал на Международной Версальской конференции в Париже. Среди прочих политических вопросов, которые делегация намеревалась вынести на обсуждение, был вопрос о международном признании (статусе) государственного образования горцев Северного Кавказа³⁷.

В этот же год братьям Джабагиевым был вынесен смертный приговор, поэтому они вынуждены были остаться во Франции. Здесь он жил сначала в Марселе, потом в Париже.

Еще во время учебы во Владикавказском реальном училище Магомед Джабагиев начал собирать национальный фольклор. В свое свободное от учебы время он собирал ингушские песни, пословицы, фиксировал традиции. В 1908 г. вышла его книга «Ингуше-чеченская азбука». Кроме занятий наукой, он много сил отдал просветительской деятельности.

В 1935 г., в Париже, вышла книга Магомеда Джабагиева на французском языке под названием «Тексты по ингушскому фольклору» («Ингушские народные тексты») в переводе и с комментариями проф. Ж. Дюмезиля. В книгу включено 18 песен, которые служили Дюмезилю иллюстративным материалом. Он перевел на французский язык ингушские песни, собранные Магомедом Джабагиевым, при этом сделал подстрочные и художественные переводы и каждый текст сопровождал лексико-грамматическими комментариями.

В предисловии Дюмезиль³⁸ пишет: «Магомед Джабагиев сказал мне при встрече, что его мечта сосредоточить все свое свободное время в эмиграции на анализ всей информации (ингушские песни, фольклор, пословицы), которые он собрал с детства, выбрать из них все ценное в плане ин-

---

³⁶ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 480–481.

³⁷ Долгиева М.Б. Жизненный путь Васан-Гирея Джабагиева [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magas.ru/content/zhiznennyi-put-vasan-gireya-dzhabagieva>.

³⁸ Жорж Дюмезиль (1898–1986) – крупнейший ученый Франции в области гуманитарных наук, кавказовед, лингвист.

теллекта и морали, с учетом ингушских обычаев и передать их ингушской молодежи, для изучения»³⁹.

Стоит отметить, что Магомед не входил ни в одну из существовавших во Франции северокавказских политических объединений⁴⁰.

Младший брат Магомеда Вассан-Гирей Джабагиев родился 3 мая 1882 г. в селе Насыр-Корт. В эмиграции Вассан-Гирей жил и активно работал сначала во Франции, с 1927 г. в Польше, а с 1938 г. – в Турции. Занимался в основном публицистической деятельностью. Вассан-Гирей Джабагиев умер 18 октября 1961 г., похоронен в Стамбуле.

В Польше, где группировались видные деятели северокавказской эмиграции, публиковал статьи и мемуары в газетах *Gazeta Polska*, *Sprawy Obce Kurjer Warszawski*, *Polska Zbrojna*, в качестве эксперта по ситуации в СССР и проблемам на Кавказе и Ближнем Востоке. В.Г. Джабагиев владел ингушским, чеченским, русским, английским, турецким, французским, польским и немецким языками, что помогало в его деятельности⁴¹.

У В.-Г. Джабагиева более 150 работ различного характера и содержания, раскрывающие вопросы просвещения, внешней и внутренней политики России и особенно политического и гражданского устройства северокавказского региона, международной политики Англии, Турции, Персии.

Между Родиной и Европой

Куриев Муртазала Муссиевич (1882 – 17 сентября 1952 г., Мюнхен, Германия) родился 26 ноября 1882 г. в Назрани Терской области. Отец М. Куриева служил в императорском конвое. Муртазала окончил реальное училище во Владикавказе и Тифлисское военное училище. Вышел офицером в Туркменский конный дивизион в Ашхабаде. Затем служил в Польше и был участником русско-японской войны⁴².

В 1920 г. эмигрировал в Константинополь. С 1921 г. жил в Париже и был материально обеспечен, так как продал нефтяные участки, которыми владел до 1917 г. Создавая Комитет по оказанию помощи беженцам Се-

---

³⁹ Дахкильгов И., Дзейтова Х. ПалгIай меттахIа багахбувцамахи французски меттала баь тохками // Сердало. 18 декабря 1990 (на ингушском языке).

⁴⁰ Северный Кавказ. 1937. № 34. С. 11.

⁴¹ Боков И. Известные ингушские эмигранты, оставившие след в истории [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magas.ru/content/obnovleno-izvestnye-ingushskie-emigranty-ostavivshie-sled-istori>.

⁴² Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 786.

верного Кавказа, он думал о других северокавказцах, нуждавшихся в поддержке. В 1920–1930-е гг. промышленник, член-основатель союза «Золотое руно» и «Прометей».

Албогачиев Джемалдин (1894 – 2 сентября 1949 г., Касабланка, Марокко) – журналист и общественный деятель, живший до Второй мировой войны во Франции, активный член «Северо-Кавказского национального комитета». Был членом правления Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа, издавал журнал «Северный Кавказ» (1934–1939 гг.). Также Джемалдин является автором статьи на французском языке «Из истории возникновения Горской Республики», опубликованной в газете «Стамбул» в мае 1919 г.⁴³

Внимательно наблюдая за политикой и практикой сталинского террора, еще в 1929 г. Джемалдин Албогачиев делал регулярные обзоры международной политики в эмигрантской периодике. В статье «Международная жизнь» он подробно анализировал советско-китайское столкновение вокруг КВЖД, деятельность компартии за границей, работу морской конференции в Лондоне и внешнеполитическую ситуацию в СССР. Констатируя факты репрессий в партийно-государственной, научной и религиозной среде в конце 1920-х гг. в Советском Союзе, Дж. Албогачиев прогнозировал усиление «самовластия Сталина» в скором будущем⁴⁴.

Джемалдин акцентировал внимание на том, что, наряду с репрессиями против народов Северного Кавказа советский режим дискриминирует проживавших на территории СССР немцев, турок, латышей, эстонцев, финнов, греков, которые стремятся покинуть пределы страны. Он привел статистику репатриации представителей этих народов⁴⁵.

Выводы

Таким образом, представители народов Северного Кавказа внесли свой вклад в общую картину становления и эволюции историко-культурного феномена российского зарубежья, участвуя в работе различных общественно-политических организаций – комитетов, союзов и издательств. Не осталось в стороне и ингушская эмиграция. Ингушская диаспора в Ев-

---

⁴³ Боков И. Об ингушской диаспоре во Франции. О полковнике Куриеве и размышления о нашей истории [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magas.ru/content>.

⁴⁴ Северный Кавказ. 1937. № 34. С. 11.

⁴⁵ Там же.

ропе также принимала участие в диалоге культур в рамках единого цивилизационного пространства Русского зарубежья. Объединения северокавказской эмиграции в Европе сыграли существенную роль в социокультурной адаптации национальных общин народов Северного Кавказа за рубежом. Проживавшие в Европе представители ингушской эмиграции активно участвовали в работе такого рода обществ.

В то же время ингушское зарубежье 1920–1930-х гг. имеет свою специфику, отличающую его и от российской эмиграции в целом, и от мира северокавказских диаспор, сложившихся в XIX – начале XX в. Большинство ингушских эмигрантов начала 1920-х гг. составляли представители интеллигенции, военно-политической в частности. Ингушская военная и политическая эмиграция занималась созданием информационного, издательского, организационно-политического пространства. В 1920–1940-е гг. в различных центрах Европы, благодаря усилиям активных деятелей политической эмиграции, функционировала ингушская интеллектуальная и духовная жизнь. Среди них были такие известные общественные, политические и культурные деятели, как братья Джабагиевы, С. Мальсагов, М. Куриев, Дж. Албогачиев и другие.

Также характерными особенностями социально-политической и культурной адаптации ингушского зарубежья в Европе являются:

- наличие этнического самосознания, принадлежность к единой этнической и культурно-религиозной идентичности (группе);
- отсутствие самостоятельных общин, вливание в состав тех общин, где они имели более и менее близких людей;
- коммуникативная связь с исторической родиной;
- быстрая интеграция в новое сообщество; сопричастность к происходящим в обществе проживания социально-политическим процессам;
- сохранение историко-документального и научно-культурного наследия, в том числе и на национальном языке.

© Чапанов А.К., 2018

Рукопись поступила в редакцию 17 апреля 2017 г.

Для цитирования: Чапанов А.К. Общественно-политическая жизнь ингушской эмиграции в Европе (1920–1940 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 1. С. 198–214. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-198-214.

SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF INGUSH EMIGRANTS IN EUROPE (1920–1940)

Akhmed K. Chapanov

Russian State University for the Humanities (RSUH)

6 Miusscay square, Moscow, 125993, Russia

ahmed.targimov@mail.ru

In the 20th century there were several emigration flows of the Ingush to Europe. The first mass emigration took place in the post-revolutionary period. After 1917, the centres of the social, political and cultural activities of the Ingush Diaspora were Paris, Berlin, Prague and Warsaw. In that period, most Ingush emigrants belonged to the military, political and scientific-cultural elite, which explains the high level of the social and cultural values created by them in foreign countries. It is the social and political life and the spiritual heritage of the Ingush emigrants, being abroad for certain reasons in different historical periods, which is a very interesting subject for research. The article analyzes the process of the formation of the institutional basis of the Ingush post-revolutionary community in Europe. There is shown the role of public figures, in particular S. Malsagov and the Dzhabagiev brothers, who made a significant contribution to the development of the Ingush spiritual culture and science. The author notes that the most visible in the public and political life of the North Caucasian post-revolutionary community in Europe were the activities of the organizations and movements, which sympathized with the ideas of the Caucasus independence. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the socio-political associations of the North Caucasian emigrants in Western Europe played a significant role in the socio-cultural adaptation of national communities of peoples of the North Caucasus abroad. Although the process of the social and cultural integration was rather difficult and long, the Ingush Diaspora preserved its national identity. The article is based on the memoirs, emigrant periodicals and electronic publications devoted to the problems of the political-legal and socio-cultural adaptation of the Ingush immigrants in Europe. In order to analyze the history of the Ingush emigrants, there are also presented unpublished documents stored in the Russian state archive of literature and art (RGALI).

Keywords: political emigrants, periodicals, deportation, Sozerko Malsagov, military-political elite, adaptation, Ingush Diaspora

REFERENCES

Babich, I.L. “Severokavkazskaya natsiya v evropeiskoi emigratsii (1917–1930-e gody): mif ili real’nost’.” [North Caucasian nation in the European emigration (1917–1930-ies): myth or reality]. *Obshchestvo kak ob’ekt i sub’ekt vlasti*. St. Peterburg, 2012: 376–402 (in Russian).

- “Teoriya postroeniya gosudarstva na Severnom Kavkaze (severokavkazskaya emigrantskaya mysl’ 1920–1930-kh godov v Evrope).” [The theory of building a state in the North Caucasus (the North Caucasian emigrant idea of the 1920s – 1930s in Europe)]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 22–23 (2011): 41–45 (in Russian).
- Bokov, I. “Izvestnye ingushskie emigranty, ostavivshie sled v istorii.” [Famous Ingush emigrants]. *Magas.ru*. <http://www.magas.ru/content/obnovleno-izvestnye-ingushskie-emigranty-ostavivshie-sled-istorii> (in Russian).
- “Ob ingushskoi diaspore vo Frantsii. O polkovnike Kurieve i razmyshleniya o nashei istorii.” [The Ingush Diaspora in France. Kuriev and reflection on our history]. *Magas.ru*. <http://www.magas.ru/content> (in Russian).
- Borlakova, F.A. “Karachaevo-balkarskaya emigratsiya: etapy formirovaniya i etnokul’turnoi evolyutsii.” [Karachay-Balkar emigration: stages of formation and ethno-cultural evolution]. PhD diss., Karachaevo-Cherkessky State University named after U.D. Aliev, 2009 (in Russian).
- Dakhkil’gov, I., and Dzeitova, Kh. “G1alg1ai mettakhi bagakhbuvtsamakhi frantsuzski mettala ba’ tokhkami.” [About the Ingush language and folklore (study in French)]. *Serdalo*, December 18, 1990 (in Ingush).
- Dolgieva, M.B. “*Obshchestvennaya mysl’ Ingushetii vtoroi poloviny XIX-nachala XX vv.* [Public thought of Ingushetia of the second half of the XIX-early XX centuries]. PhD diss., Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 2002 (in Russian).
- “Zhiznennyi put’ Vasan-Gireya Dzhabagieva.” [The Life of V.Djabagiev]. *Magas.ru*. <http://www.magas.ru/content/zhiznennyi-put-vasan-gireya-dzhabagieva> (in Russian).
- Ershov, V.F. “Institutsional’naya struktura severokavkazskogo zarubezh’ya vo Frantsii v 1920-e – 1950-e gg.” [Institutional structure of the North Caucasus emigration in France in the 1920–1950]. *Armiya i obshchestvo*, no. 2 (2014): 129–133 (in Russian).
- “Severokavkazskoe zarubezh’e 1920–1930-kh gg. v Turtsii, Zapadnoi Evrope i SShA: evolyutsiya i sotsiokul’turnaya spetsifika.” [North Caucasus Emigration 1920–1930-ies. in Turkey, Western Europe and the US: evolution and socio-cultural specificity]. *International Circassian Association*. <http://intercircass.org/?p=2688/> (in Russian).
- *Russkii mir i severokavkazskoe zarubezh’e v XX – nachale XXI veka*. Moscow: INFRA-M, 2016 (in Russian).
- Ganich, A.A. *Cherkesy v Iordanii: osobennosti istoricheskogo i etnokul’turnogo razvitiya*. Moscow ISAA MGU, 2007 (in Russian).
- Gorcy Kavkaza*, no. 34, 35, 1933 (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (thereafter –GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. P-5881, op. 2, d. 109.
- Guseff, K. *Russkaya emigratsiya vo Frantsii: sotsial’naya istoriya (1920-1939 gody)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (in Russian).
- Kazakov, A.V. “Vozniknovenie severokavkazskoi politicheskoi emigratsii posle Grazhdanskoj voiny v Rossii.” [The emergence of the North Caucasian political emigration after the Civil War in Russia]. *Istoriicheskii vestnik*, no. 2 (2005): 239–250 (in Russian).
- Mankieva, E.D. “Bibliografiya ingushskoi emigratsii (po materialam pechatnykh izdaniy kavkazskoi emigratsii).” [Bibliography of the Ingush emigration (based on the mate-

- rials of Caucasian emigrant periodical press]. *Arkhivnyi vestnik GAS RI*, no. 2 (2005): 110–113 (in Russian).
- Mnukhina, L., Avril', M., and Losskoi V. eds. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii. 1919–2000* [The Russian Expatriates in France. Biographical Dictionary. 1919–2000]. Vol. 1. Moscow, 2008 (in Russian).
- Patiev, Ya.S., ed. *Ingushi: deportatsiya, vozvrashchenie, reabilitatsiya, 1944–2004: Dokumenty, materialy, kommentarii*. Magas: Serdalo, 2004 (in Russian).
- Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (thereafter –RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art] f. 1883, op. 4, d. 130. *Severnyj Kavkaz*, no. 41, 1933 (in Russian).
- Shkarenkov, L.K. *Agoniya beloi emigratsii*. Moscow: Mysl', 1987 (in Russian).
- Tsurganov, Yu.S. *Beloemigranty i Vtoraya mirovaya voina. Popytka revansha. 1939–1945*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010 (in Russian).
- Yalkharoeva, M.A. *Ingushskaya Daspora v Turtsii*. Nazran': Piligrim, 2008 (in Russian).
- Yandieva, M. "Mal'sagov Sozerko Artaganovich." *Gazavat. Ru*. URL: <http://www.gazavat.ru/personalies2.php?people=79> (in Russian).
- Yandieva, M.D., ed. *Ingushetiya i ingushi*. Nazran' – Moscow: Novaya planeta, vol. 2, 2002 (in Russian).
- Yandieva, M.D., and Gazikov, B. *Ingushskaya politicheskaya publitsistika 50-kh gg. V.-G. Dzhabagiev na stranitsakh zhurnala «Svobodnyi Kavkaz»*. Nazran; Moscow: Ingushskii "Memorial", 2003 (in Russian).
- Yandieva, M.D., and Mal'sagov, A.A. *Obshchekavkazskaya gosudarstvennost': vchera, segodnya, zavtra*. Nazran'; Moscow: Ingushskii "Memorial", 2003 (in Russian).

Submitted: 17 April 2017

For citation: Akhmed K. Chapanov. "Social and political life of Ingush emigrants in Europe (1920–1940)." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 198–214. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-198-214.

НАШИ АВТОРЫ

CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE

Антошин Алексей Валерьевич (г. Екатеринбург, РФ) – доктор исторических наук (Уральский государственный университет имени А.М. Горького, 2010), профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Специализируется в области истории российского зарубежья и Русского мира. В сферу его научных интересов входят также история политических партий России начала XX в. и проблемы имагологии. Участник международного научно-исследовательского проекта по диаспоральным исследованиям «Imagined Interregnum», курируемого Университетом Хельсинки (Финляндия) и Санкт-Петербургским государственным университетом (Россия). Занимался научно-исследовательской работой в Стэнфордском, Колумбийском, Джорджтаунском, Американском университетах, Международном центре имени Вудро Вильсона (США), Международном институте социальной истории (Нидерланды), Университете Лидса (Великобритания), Университете Париж – Нантер (Франция), Архиве Югославии (Сербия) и др. Лауреат конкурса грантов Фонда Фулбрайта 2010–2011 гг. Автор 170 научных публикаций, в том числе монографий: «На фронтах Второй мировой и холодной войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.» (2014); «Российские эмигранты в условиях холодной войны (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)» (2008); «От Русского Монмартра к Брайтон Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. (2014)»; «Русский Париж – за Советский Союз? Идеиные искания русских эмигрантов во Франции (вторая половина 1940-х гг.)» (2017) и др. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Гаджиева Ханым Давид кызы (г. Баку, Азербайджан) – выпускница факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2013); в 2014–2015 гг. – аспирант кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Областью научных интересов является история международных отношений и проблемы гло-

балистики. Специализируется в области российско-испанских и азербайджано-испанских отношений в контексте международной политики Евросоюза на рубеже XX–XXI вв. E-mail: *khanym15@mail.ru*.

Гентшке Валерия Львовна (г. Королев, РФ) – выпускница исторического факультета Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина, доктор исторических наук (Узбекский филиал ИМЛ, 1990). С 2007 по 2014 гг. работала старшим научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Ныне – независимый исследователь. Является специалистом по истории диаспор в Средней Азии, зарубежной архивной Россике. Основные научные труды: «Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект» (2011), «Зарубежная архивная россика: география размещения, выявление, публикация источников. (2014, в соавт.), «Архивные матерички Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. (2015, в соавт.), «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику» (2017, в соавт.). E-mail: *vlgent@mail.ru*.

Глушковский Петр / Piotr Giuszkowski (г. Варшава, Польша) – выпускник Университета имени Николая Коперника в Торуни и Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета в Москве, кандидат исторических наук (РГГУ, 2012), заместитель директора Института русистики Варшавского университета. В 2008–2012 гг. являлся научным сотрудником Постоянного представительства Польской академии наук при Российской академии наук. В 2012–2015 г. сотрудничал с Центром польско-российского диалога и согласия (Варшава). Автор монографии о А.И. Солженицыне, соредатор семи сборников материалов о поляках в России, польско-российских научных связях, Н. Карамзине, автор более 80 научных работ о польско-российских отношениях в XIX–XX вв. В 2013 г. опубликовал свою книгу на русском языке «Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений». Вел авторский курс лекций в РГГУ по теме «История Польши в польском кино. Польский исторический кинематограф». Научные интересы связаны с историей польско-российских научно-культурных связей XIX–XX вв. E-mail: *p.gluszkowski@uw.edu.pl*.

Гутьерес дель Сид Анна Тереза / Ana Teresa Gutiérrez del Cid (г. Мехико, Мексика) – выпускница Университета дружбы народов имени Па-

триса Лумумбы в Москве, Ph.D. (Национальный автономный университет Мексики (UNAM), 1994), профессор кафедры политики и культуры, директор Центра евразийских исследований Автономного университета Метрополитана Хочимилко. Соорганизатор Международных научных конференций по миграции в странах бывшего СССР в г. Мехико. Областью научных интересов является история международных отношений. Специализируется на проблемах внешней политики СССР и России, российско-американских отношений, геополитических изменений на постсоветском пространстве после распада СССР. Автор книг: “De la nueva Mentalidad Sovietica a la politica exterior de Rusia” (1996), “La Rusia de Putin y el conflict checheno” (2001), “El impacto de la globalizacion en los viejos actors de la Guerra Fria: Estados Unidos y Rusia y su redefinicion geopolitica” (2004), “El Fenix de Oriente: Rusia como potencia global del siglo XXI” (2009). E-mail: *anateresa-gutierrezdelcid@gmail.com*.

Ершов Виталий Федорович (г. Москва, РФ) – выпускник Московского государственного историко-архивного института (1984) и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (2009), доктор исторических наук (Московский государственный университет сервиса, 2000). С 2014 г. – директор Центра стратегии и аналитики Московского государственного областного университета. Специалист по истории российского зарубежья XX в., проблемам глобализации, международных отношений в системе БРИКС. Основные научные труды: «Российское военно-политическое зарубежье в 1918–45 гг.» (2001), «Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг.» (2008), «Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века» (2016). E-mail: *ershov_vf@mail.ru*.

Исакова Любовь Владимировна (г. Арзамас, РФ) – выпускница исторического факультета Арзамасского государственного педагогического института имени А.П. Гайдара (2010), юридического факультета Института бизнеса и политики (г. Москва, 2011). Магистр направления подготовки «Психолого-педагогическое образование» (г. Нижний Новгород, 2013). Сферой научных интересов является история государства и права Древней Руси, историография отечественной истории. В настоящее время – старший преподаватель кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. E-mail: *isakowa88@yandex.ru*.

Кротова Мария Владимировна (г. Санкт-Петербург, РФ) – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015), профессор кафедры международных отношений, диалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, член Ассоциации исследователей Русского зарубежья в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Является автором монографий: «Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.)» (2010); «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.)» (2014). В сферу научных интересов входят проблемы русской эмиграции в Китае, советская внешняя политика на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. В настоящее время работает над подготовкой монографии на тему «КВЖД – имперское наследие СССР», посвященной периоду 1920-х – 1930-х гг., в том числе судьбам служащих КВЖД. E-mail: *mary_krot@mail.ru*.

Ловцов Алексей Сергеевич (г. Москва, РФ) – выпускник факультета архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (РГГУ, 2002). С 2003 по 2017 гг. работал старшим научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Является специалистом по архивоведению, зарубежной архивной Россике. Основные научные труды: «Архивные материи Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель» (2015, в соавт.); «Документы коллекции Б.И. Николаевского из архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США, Калифорния) – ценный источник по отечественной истории первой половины XX века» // 2016. № 3. С. 312–319, «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику» (2017, в соавт.). E-mail: *aleksei.lovtsov@yandex.ru*.

Олейников Дмитрий Иванович (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН, 1992), доцент кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета. Специалист по истории России, в частности, по общественно-политической истории Российской империи XIX – начала XX в. Автор более 100 публикаций, в том числе монографий: «Классическое российское западничество» (1996), монографии серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» – «Николай I» (2012), «Бенкендорф» (2009, 2-е издание – 2014); «Линкольн» (2016). В период с 1993–2003 гг. работал редактором, завотделом военной истории российского исторического журнала

«Родина». Принимал участие в создании нескольких просветительских проектов, в том числе «История Российской империи» Леонида Парфёнова (НТВ), «Энциклопедия для детей» (изд-во «Аванта+»). Куратор Музея шахмат Российской шахматной федерации. Работает над докторской диссертацией по истории шахмат в СССР. E-mail: oleinikovdi@yandex.ru.

Сабенникова Ирина Вячеславовна (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Московский государственный областной университет, 2003). С 2000–2017 гг. работала зав. сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Является специалистом по истории российской эмиграции, зарубежной архивной Россике. Основные научные труды: «Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование» (2002; 2015, 2-е изд.); «География общественной мысли русского зарубежья» // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия (2010), «Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников» (2014, в соавт.), «Архивные материка Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель» (2015, в соавт.), «Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику» (2017, в соавт.). E-mail: sabennikova@mail.ru.

Симонова Татьяна Михайловна (г. Москва, РФ) – кандидат исторических наук (МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989). С 2010–2017 гг. работала доцентом кафедры истории, философии и литературы Российского института театрального искусства – ГИТИС. Является специалистом по истории Польши межвоенного периода, беженства и эмиграции первой волны. Основные научные взгляды автора по данной проблеме изложены в монографиях: «Советская Россия (СССР) и Польша. Военнопленные Красной Армии в польских лагерях (1919–1924 гг.)» (2008), «Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925)» (2011), «Русские антисоветские формирования в Польше» (2013). В настоящее время работает над докторской диссертацией на тему «Антибольшевистская оппозиция и антисоветские вооруженные формирования в Польше в 1919–1925 гг.: исторический аспект», монографией «Б.В. Савинков в Польше (1920–1921)», очерком «Судьба человека: генерал М.А. Симонов». E-mail: ivansimo@ya.ru.

Уваров Сергей Николаевич (г. Ижевск, РФ) – кандидат исторических наук (Удмуртский государственный университет, 2003), доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. Сфера научных интересов – историческая демография и аграрная история Удмуртии XX в. Всего опубликовано более 80 научных трудов, включая монографию «Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект» (2014). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru.

Фомин Вячеслав Васильевич (г. Липецк, РФ) – доктор исторических наук (Институт российской истории РАН, 2005), профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Ведущий специалист по истории Древней Руси. В своих работах ведет полемику с «норманнской теорией» происхождения варягов и Рюрика, возводит ее истоки к шведско-русским отношениям начала XVII века. Является автором более 150 научных публикаций по варяго-русскому вопросу, его историографии, летописеведению. Среди них крупные монографические исследования: «Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу» (2005), «Ломоносов: Гений русской истории» (2006), «Гольий конунг. Норманнизм как диагноз» (2013). E-mail: vfominv@mail.ru.

Цветков Василий Жанович (г. Москва, РФ) – доктор исторических наук (Московский педагогический государственный университет (МПГУ), 2010), профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики МПГУ. Является специалистом по истории гражданской войны и Белого движения в России. Автор 148 публикаций, 17 из которых входят в международные базы данных научного цитирования. Основные научные взгляды изложены в монографиях: «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1917–1918 гг.» (2008); «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919 г.» (2009), «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922 гг.» (1 часть, 2013), «Генерал Алексеев» (2014), «Белое дело в России. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. 1919–1922 гг.» (2 часть, 2016), «Адмирал Колчак. “Преступление и наказание” Верховного Правителя России» (2018). В настоящее время является участником двух исследовательских проектов (Гранты РФНФ), связанных с изучением истории России в годы Граж-

данской войны, 1918–1922 гг. Предполагается издание новой монографии, посвященной особенностям аграрно-крестьянской политики белого движения и монографии по проблемам организации судебной «вертикали» в истории белого движения во время Гражданской войны в России. В ней планируется раздел, посвященный особенностям ее функционирования в белом Крыму. E-mail: tsvetcov@rambler.ru.

Чапанов Ахмед Курейшевич (г. Москва, РФ) – выпускник кафедры всеобщей истории Ингушского государственного университета, кандидат политических наук (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017). Старший преподаватель кафедры истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ. Сфера научных интересов – история архивного дела, архивное наследие российской эмиграции, миграциология, история и культура народов Кавказа. E-mail: ahmed.targimov@mail.ru.

Шевцов Дмитрий Викторович (г. Москва, РФ) – магистр истории (РУДН, 2017), аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов. Сферой научных интересов является история русского присутствия на Аляске в конце XIX – начале XX в., влияние русской культуры на жизнь автохтонного населения северо-восточной части Тихоокеанского региона, судьба русских переселенцев после продажи Аляски США. Участник программы «Erasmus teaching exchange», победитель конкурса «Аспирантура полного дня». E-mail: shevtsovdmityry93@yandex.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая сноски и межсловные интервалы (пробелы), в форматах PDF и MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены три файла.

Первый файл должен содержать в себе статью с указанием автора и развернутой информацией о нем (место работы, должность, ученая степень (место и год защиты), сфера научных интересов и основные научные достижения в виде публикаций), почтовый адрес, контактный e-mail. Файл направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала: *rushistj@rudn.university*.

Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы). Историография должна быть актуальна, т.е. включать последние отечественные и зарубежные публикации по рассматриваемой теме с обязательным привлечением статей из журналов ядра РИНЦ, Scopus и Web of Science.

«Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования. 30% наименований использованной научной литературы должны включать публикации зарубежных изданий на иностранном языке.

После текста статьи размещается **“References”** – библиографический список в латинизированной форме, который выстроен по английскому алфавиту. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами “Чикагского стиля цитирования” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”.

Данный список необходим для того, чтобы использованные публикации индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям Scopus и Web of Science.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются *текст англоязычной аннотации* объемом не менее 250 и не более 300 слов. В этот же файл необходимо включить русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации, название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках.

Третий файл должен содержать текст статьи **без** указания ФИО автора и информации о нем. Данный анонимный файл автор прикрепляет на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.university

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2018 г.

Том 17, № 2 (2018)	
Тема рубрики	История евреев в России
Прием статей до	1 марта 2018 г.
Выход из печати	май/июнь 2018 г.
Том 17, № 3 (2018)	
Тема рубрики	История тюркско-мусульманских народов России
Прием статей до	1 июня 2018 г.
Выход из печати	август/сентябрь 2018 г.
Том 17, № 4 (2018)	
Тема рубрики	Народы юга России: история, культура, традиции, менталитет
Прием статей до	1 августа 2018 г.
Выход из печати	ноябрь/декабрь 2018 г.

Редколлегия журнала